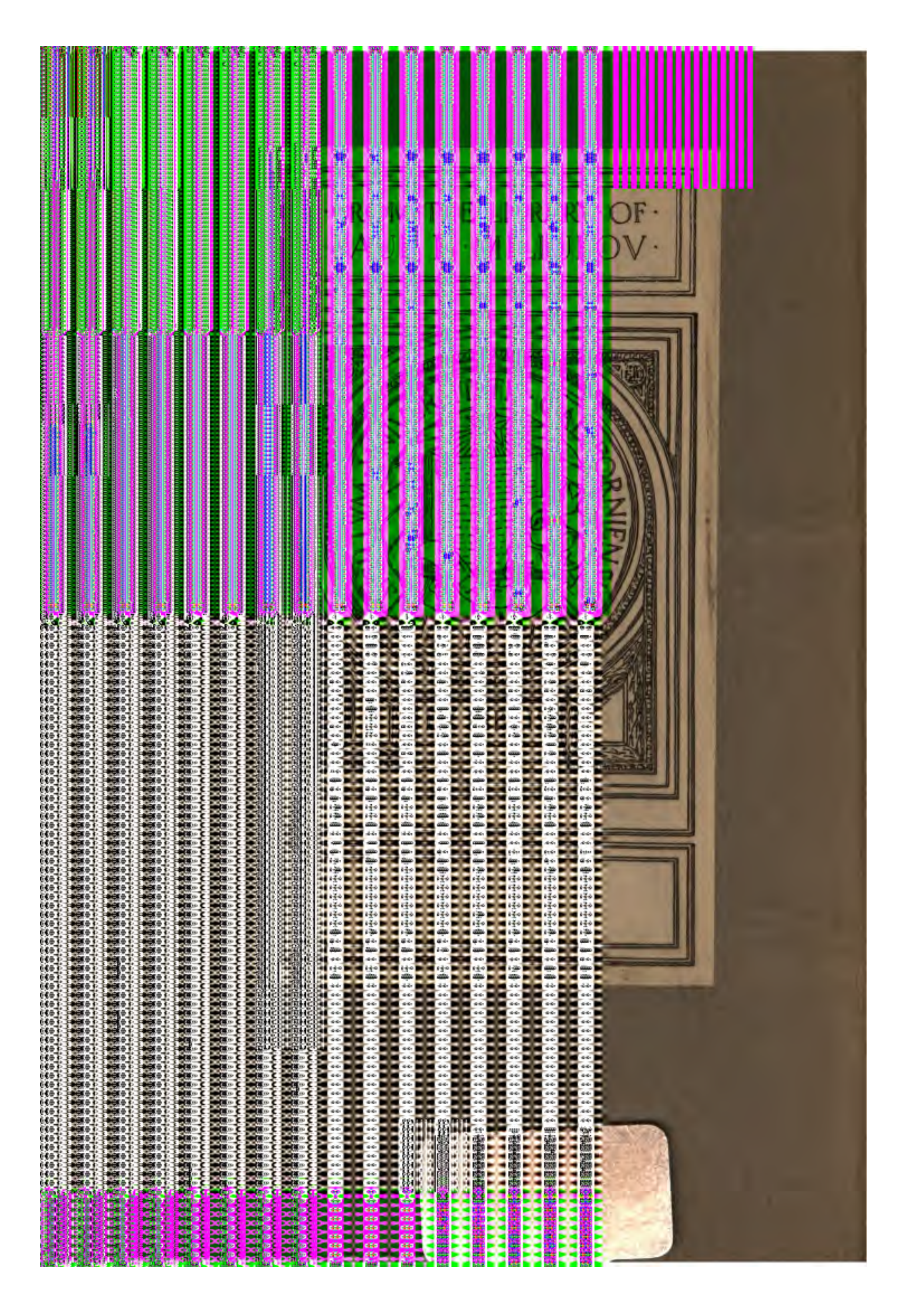
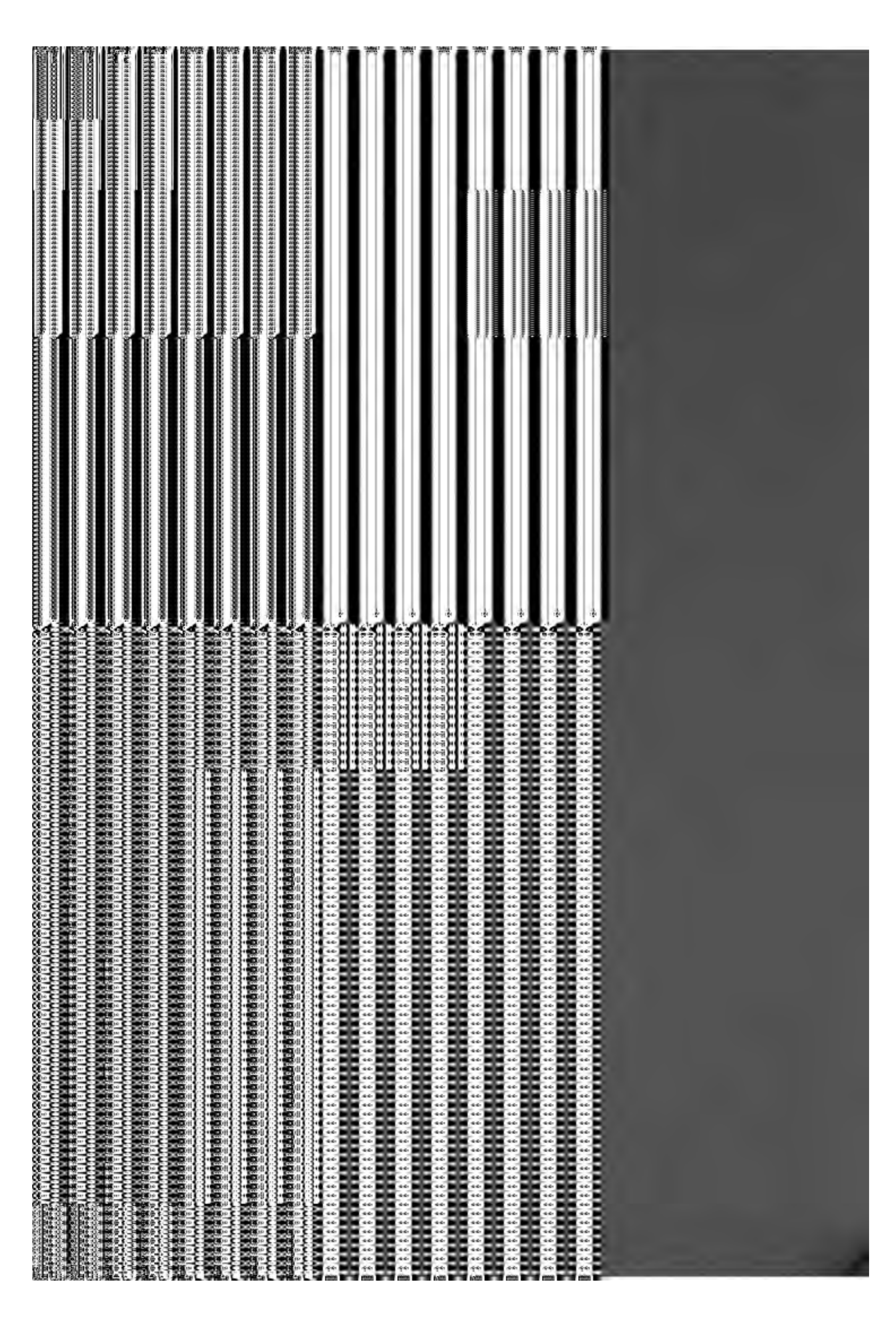

чная библіотека“.
ТАТАХЪ.
„Трудъ“
, Тверская, 38.

Вмѣсто предисловія.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

АНАРХІЯ.

Переводъ съ французскаго С. Глаголевой-Данини.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906

ПРЕДИСЛОВІЕ.

То, что здѣсь изложено, было прочитано въ 1894 году въ брюссельской масонской ложѣ „Друзей Филантроповъ“, хотя за тридцать шесть лѣтъ ораторъ, простой „ученикъ“, изъ принципа никогда не участвовалъ чѣмъ бы то ни было въ работѣ замкнутаго сообщества франкмасоновъ. Тѣмъ болѣе авторъ долженъ быть признателенъ „братьямъ“, которые на этотъ разъ пригласили „непосвященнаго“ изложить свои мысли.

Эта рѣчь была напечатана въ 3, 4 и 5 выпускахъ перваго года изданія „Temps Nouveaux“ (май и іюнь 1895 года).

АНАРХІЯ.

Анархизмъ—совсѣмъ не новая теорія. Самое это слово взятое въ смыслѣ „отсутствія правленія“, „общества безъ правителей“, старо по происхожденію и употреблялось еще задолго до Прудона.

Впрочемъ, что значатъ слова? Раньше анархистовъ существовали „акраты“, и безчисленныя поколѣнія ихъ смѣнили другъ друга, прежде чѣмъ они сами придумали себѣ научное названіе. Во всѣ времена были свободные люди, презиравшіе законъ, жившіе безъ руководителей, на основахъ права существованія и права свободной мысли. Даже въ первобытныя времена мы встрѣчаемъ всюду племена, состоящія изъ людей, самоуправляющихся согласно своимъ обычаямъ, безъ навязанныхъ законовъ, безъ всякихъ правилъ жизни и дѣятельности, кромѣ своего „желанія и свободной воли“, по выраженію Раблэ; въ такой жизни эти люди руководятся даже желаніемъ создать глубокое взаимное согласіе, какъ „тѣ храбрые рыцари“ и „тѣ миловидныя дамы“, которые собрались для совмѣстной жизни въ Телемскомъ аббатствѣ *).

*) См. Франсуа Раблэ. „Необычайно диковинная жизнь Гаргантюа“. Глава LVII.—Въ этой знаменитой сатирѣ XVI вѣка авторъ смѣлыми идеалистическими штрихами рисуетъ устройство и жизнь сообщества мужчинъ и женщинъ („телемитовъ“), благоденствовавшихъ въ совмѣстной жизни въ фан-

Но если анархія такъ же стара, какъ и человѣчество, то даютъ ли, по крайней мѣрѣ, носители ея идей что-либо новое міру? Они отчетливо сознаютъ цѣль, которой стремятся достигнуть, и во всѣхъ концахъ земного шара сходятся въ стремленіи осуществить свой идеалъ, состоящій въ отрицаніи какой бы то ни было формы правительства. Мечта о міровой свободѣ—уже не просто философская и литературная утопія, какой она была для основателей новыхъ государствъ Солнца или Іерусалима; для множества объединенныхъ людей она стала реальной цѣлью дѣятельныхъ стремленій. Эти люди, полные рѣшимости, дружно работаютъ во имя зарожденія такого общественнаго строя, при которомъ не будетъ больше господствующихъ, не будетъ оффиціальныхъ охранителей общественной нравственности, тюремщиковъ и палачей, богатыхъ и бѣдныхъ: будутъ лишь братья, имѣющіе свой хлѣбъ насущный, равноправные, живущіе въ мирѣ и полномъ согласіи—не въ силу повиновенія законамъ, всегда сопровождаемымъ страшными угрозами, а въ силу взаимнаго уваженія къ интересамъ другъ друга, въ силу научнаго изслѣдованія законовъ природы.

Безъ сомнѣнія, этотъ идеалъ представляется химерой многимъ изъ васъ, но я увѣренъ, что онъ кажется желаннымъ большинству, и что вы видите въ отдаленномъ будущемъ чудную картину мирнаго общества, гдѣ люди, отнынѣ примиренные, предоставятъ ржавчинѣ разъѣдать ихъ шпаги, расплавятъ пушки и разоружатъ корабли.

Впрочемъ, не принадлежите ли вы-то сами къ числу

тастическомъ Телемскомъ аббатствѣ благодаря основному параграфу его статута: „Поступай такъ, какъ тебѣ угодно“. Они были добродѣтельны и уклонялись отъ порока, они жили въ согласіи и мирѣ, потому что ихъ никто не подчинялъ и не угнеталъ, имъ ничто не было запрещено и ни въ чемъ не отказывалось.

Примѣч. переводч.

тѣхъ людей, которые уже давно, въ теченіе тысячелѣтій, трудятся, по вашимъ словамъ, надъ созданіемъ Храма Равенства? Вы — „каменщики“ — ставите себѣ цѣлью „построить“. совершенное зданіе, куда войдутъ лишь люди свободные, равные и братски-близкіе, безъ устали работающіе надъ самоусовершенствованіемъ и воскресающіе силой любви для новой жизни справедливости и блага. Не правда ли, это такъ? И вы—не одни! Вы не имѣете притязанія на исключительное обладаніе духомъ прогресса и обновленія, вы не предаете несправедливому забвенію даже вашихъ собственныхъ противниковъ,—тѣхъ, которые васъ проклинаютъ и отлучаютъ отъ церкви,—пламенныхъ католиковъ, которые призываютъ всѣ силы ада на враговъ Святой Церкви и тѣмъ не менѣе пророчатъ наступленіе царства вѣчнаго мира. Францискъ Ассизскій, Екатерина Сіенская, Тереза Авильская и множество другихъ изъ среды исповѣдающихъ не вашу вѣру, конечно, любили человѣчество самой искренней любовью, и мы должны ихъ считать въ числѣ тѣхъ, кто жилъ ради осуществленія идеала мірового счастья. И нынѣ милліоны и милліоны соціалистовъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, борются также за такое будущее, когда могущество капитала будетъ разбито, когда люди будутъ въ состояніи безъ ироніи назвать себя „равными“!

Итакъ, цѣль у анархистовъ—общая съ цѣлью многихъ великодушныхъ людей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ религіямъ, сектамъ и партіямъ, но средства ихъ рѣзко различаются, какъ ясно показываютъ ихъ названія. Завоеваніе власти было почти всегда главной заботой революціонеровъ, даже наиболѣе благонамѣренныхъ. Полученное ими воспитаніе не позволяло имъ представить себѣ свободное общество, функціонирующее безъ правильнаго управленія, и, какъ только имъ удавалось низвергнуть ненавистныхъ правителей, они спѣшили замѣнить ихъ новыми вла-

стями, предназначенными, согласно священной формулѣ, „для созданія счастья своихъ народовъ". Обыкновенно возмутившіеся не рѣшались даже подготовить смѣну правителя или династіи, не повергнувъ предварительно своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ какому-нибудь будущему властелину. „Король убитъ! Да здравствуетъ король"!—кричали подданные, вѣрные даже въ своемъ возмущеніи. Въ теченіе многихъ вѣковъ таковъ былъ неизмѣнный ходъ исторіи. „Какъ можно жить безъ господина"?—говорили рабы, жены, дѣти, городскіе и сельскіе рабочіе, нарочно продѣвая голову въ ярмо, какъ волы, везущіе телѣгу. Вспомнимъ повстанцевъ 1830 года, объявившихъ „лучшую изъ республикъ" въ лицѣ новаго короля, и республиканцевъ 1848 года, которые скромно удалились въ свои лачуги, послѣ того какъ принесли три мѣсяца нищеты въ жертву временному правительству. Въ то же самое время революція разразилась въ Германіи, и народный парламентъ собирался во Франкфуртѣ. „Старая власть стала трупомъ"!—восклицалъ одинъ изъ представителей. „Да,—отвѣчалъ предсѣдатель,—но мы ее воскресимъ! Мы призовемъ новыхъ людей, которые сумѣютъ вернуть власти довѣріе націи". Развѣ это не прекрасный случай, чтобы повторить стихъ Виктора Гюго:

„Старый человѣческій инстинктъ
ведетъ къ позору".

По отношенію къ этому инстинкту анархія дѣйствительно представляетъ собой новое вѣяніе. Освобождающихся отъ власти ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекать въ томъ, что они стремятся освободиться отъ правительства, чтобы занять его мѣсто. „Уйди отсюда, чтобы я могъ занять твое мѣсто"!—слова, которыя имъ не выговорить безъ отвращенія, и заранѣе они обрекаютъ на стыдъ и позоръ или, по меньшей мѣрѣ, на состраданіе того изъ своей среды, кто, отра-

вившись ядомъ властолюбія, позволилъ бы себѣ домогаться какого-нибудь мѣста подъ тѣмъ предлогомъ, что и онъ также создастъ „счастье своихъ согражданъ". Основываясь на наблюденіи, анархисты исповѣдуютъ убѣжденіе, что государство и все относящееся къ нему является отнюдь не отвлеченной сущностью или какой-нибудь философской формулой, а совокупностью индивидуумовъ, находящихся въ особой обстановкѣ и испытывающихъ ея вліяніе. Такъ какъ имъ оказывается больше почестей и вручается больше власти и матеріальнаго обезпеченія, чѣмъ ихъ согражданамъ, то этимъ самымъ они, такъ сказать, вынуждаются считать себя выше толпы, а между тѣмъ искушенія, окружающія ихъ, заставляютъ ихъ роковымъ образомъ опускаться ниже общаго уровня.

Вотъ почему мы постоянно повторяемъ нашимъ братьямъ, часто братьямъ-врагамъ,—государственникамъ-соціалистамъ: „Берегитесь вашихъ главарей и представителей! Подобно вамъ, они, конечно, воодушевлены самыми лучшими намѣреніями: они горячо желаютъ уничтоженія частной собственности и тиранническаго государства; но связи, новыя случайности понемногу умѣряютъ ихъ пылъ; по мѣрѣ измѣненія ихъ интересовъ мѣняется и ихъ нравственность, и, все еще считая себя вѣрными долгу своихъ довѣрителей, они, въ силу обстоятельствъ, измѣняютъ ему. И они, эти обладатели власти, должны будутъ пользоваться орудіями власти: арміей, оффиціальными моралистами, судьями, полиціей и шпіонами". Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ назадъ индусскій поэтъ, авторъ „Магадгараты", въ слѣдующихъ словахъ выразилъ по этому поводу результатъ вѣкового опыта: „Человѣкъ, мчащійся въ колесницѣ, никогда не будетъ другомъ тому, кто идетъ пѣшкомъ"!

* *
*

Итакъ, въ этомъ отношенiи принципы анархистовъ неизмѣнны: по ихъ мнѣнiю, прiобрѣтенiе власти можетъ служить лишь продленiю ея и связаннаго съ нею рабства. Поэтому не безъ основанiя слово „анархисты", имѣющее все-таки лишь отрицательное значенiе, остается нашимъ именемъ во всемъ мiрѣ. Насъ можно было бы называть „свободолюбцами" (libertaires), какъ многiе изъ насъ самоопредѣляются, или „гармонистами", благодаря той свободѣ въ согласованiи нашихъ желанiй, которая, по нашему убѣжденiю, создастъ общество будущаго; но эти названiя недостаточно отличаютъ насъ отъ другихъ соцiалистовъ. Борьба противъ всякой оффицiальной власти—вотъ что насъ существенно отдѣляетъ отъ нихъ; личность всякаго является для насъ центромъ вселенной, каждый имѣетъ одинаковое право на свое полное развитiе безъ вмѣшательства власти, которая его направляетъ, исправляетъ или караетъ.

* * *

Вы знаете, каковъ нашъ идеалъ. Теперь возникаетъ прежде всего слѣдующiй вопросъ: дѣйствительно ли этотъ идеалъ благороденъ и стоитъ ли онъ самопожертвованiя преданныхъ ему людей, оправдываются ли цѣлью тѣ страшныя опасности, которыя влечетъ за собою всякая революцiя? Безупречна ли анархистская мораль, и будетъ ли человѣкъ лучше въ освобожденномъ обществѣ, чѣмъ въ обществѣ, основанномъ на страхѣ наказанiя, на боязни законовъ? Я отвѣчаю съ полной увѣренностью и надѣюсь, что вы тоже скоро скажете вслѣдъ за мной: „Да, анархистская мораль въ самомъ дѣлѣ наиболѣе соотвѣтствуетъ современному представленiю о справедливости и добрѣ".

Вы знаете, что старая мораль покоилась на ужасѣ, на „трепетѣ", какъ говоритъ Библiя и какъ вамъ разсказывали въ годы вашей юности многiе учителя. „Страхъ Божiй —

источникъ мудрости" — вотъ что было еще не такъ давно исходной точкой всякаго воспитанія: общество, въ своемъ цѣломъ, покоилось на ужасѣ. Люди не были гражданами, а были подданными или стадомъ пасомыхъ: жены были служанками, дѣти—рабами, надъ которыми родители сохраняли еще пережитокъ древняго права жизни и смерти. Всюду, во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ проявлялись начала превосходства и подчиненія; наконецъ, даже въ наши дни, самое понятіе о государствѣ и о всѣхъ государствахъ, составляющихъ его, является понятіемъ о іерархіи, т.-е. о „святомъ" началѣ, о „священной" власти—въ истинномъ смыслѣ этого слова. И такой культъ идеи господства служитъ источникомъ классоваго разслоенія общества, при которомъ на высшихъ ступеняхъ сосредоточивается вся полнота права и власти, а на низшихъ—полная мѣра долга и повиновенія. Оффиціальная мораль состоитъ въ преклоненіи передъ выше стоящими и чванствѣ передъ подчиненными. У каждаго человѣка, какъ у Януса, должно быть два лица, двѣ улыбки: одна—льстивая, заискивающая, порой подобострастная, другая—высокомѣрная, благородно-снисходительная. Принципъ авторитетной власти, какъ ее называютъ, требуетъ, чтобы тотъ, кто выше поставленъ, никогда не казался неправымъ, и чтобы, при всякомъ обмѣнѣ мыслями, ему принадлежало послѣднее слово. Но особенно важно, чтобы его приказанія исполнялись. Этимъ все упрощается: не нужно ни разсужденій, ни объясненій, ни размышленій, ни споровъ, ни сомнѣній. Хорошо ли, худо ли, но все дѣлается само собой. А когда на мѣстѣ работы отсутствуетъ распорядитель,—некому отдавать приказанія,—то развѣ къ нашимъ услугамъ нѣтъ уже готовыхъ формулъ, приказаній, правилъ или законовъ, изданныхъ также неограниченными повелителями и всевозможными законодателями? Эти готовыя формулы замѣняютъ непосредственно отданныя приказанія, и ихъ исполняютъ, не за-

даваясь вопросомъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ внутреннему голосу совѣсти. Среди равныхъ дѣло обстоитъ болѣе сложно, но зато оно и выше по идеѣ: нужно жадно искать истину, найти личный долгъ, учиться познавать самого себя, безпрестанно самосовершенствоваться, въ своихъ поступкахъ руководствоваться уваженіемъ правъ и интересовъ товарищей. Лишь тогда становишься существомъ дѣйствительно нравственнымъ, сознающимъ свою отвѣтственность.

Нравственность при этихъ условіяхъ не является приказаніемъ, которому нужно подчиняться, фразой, которую безсознательно повторяютъ, или силой совершенно посторонней, пребывающей внѣ личности: она становится нераздѣльной частью самого существа человѣка, продуктомъ жизни. Вотъ какъ понимаемъ нравственность мы, анархисты. Не имѣемъ ли мы права съ чувствомъ удовлетворенія сравнить наше пониманіе морали съ тѣмъ, которое намъ завѣщали предки?

Быть можетъ, вы согласитесь со мной? Но и теперь еще многіе изъ васъ произнесутъ слово „химера". Счастливый тѣмъ, что вы видите въ этомъ, по крайней мѣрѣ, благородную химеру, я иду дальше и утверждаю, что нашъ идеалъ, наше представленіе о нравственномъ соотвѣтствуетъ исторической логикѣ и естественно вызвано эволюціей человѣчества.

Человѣчество, преслѣдуемое нѣкогда страхомъ передъ неизвѣстнымъ и сознаніемъ своего безсилія въ отысканіи первопричинъ, силой своего воображенія создало одно или нѣсколько благодѣтельныхъ божествъ, которыя одновременно представляли какъ ихъ неопредѣленный идеалъ, такъ и точку опоры среди таинственнаго міра видимыхъ и невидимыхъ окружавшихъ ихъ вещей.

Эти фантомы воображенія, облеченные всемогуществомъ, стали въ глазахъ людей началомъ всякой справедливости и всякой власти: эти небесные властители имѣли, разумѣется,

посредниковъ на землѣ—въ лицѣ маговъ, совѣтниковъ, военачальниковъ, передъ которыми всѣ привыкли преклоняться, какъ передъ представителями высшей власти. Это было логично; но человѣкъ переживаетъ свои творенія, и созданныя имъ божества не переставали измѣняться, точно тѣни, отброшенныя въ океанъ безконечности.

Сначала видимыя, одушевленныя человѣческими страстями, сильныя и грозныя, они понемногу отступили въ даль временъ; въ концѣ концовъ, они стали абстрактными, высокими идеями, которымъ больше не было имени; наконецъ, они смѣшались съ вѣчными законами природы: они вернулись въ тотъ самый міръ, созданіе котораго имъ было приписано; и нынѣ человѣкъ одинокъ на землѣ, надъ которою раньше онъ воздвигъ колоссальный образъ Бога.

Итакъ, все представленіе о мірѣ мѣняется одновременно. Разъ исчезаетъ понятіе о Богѣ, то тѣ, что заимствовали отъ него свою власть, начинаютъ сознавать, что и ихъ блескъ тускнѣетъ; и они также должны постепенно войти въ ряды, приспособиться, какъ могутъ, къ новому порядку вещей. Теперь невозможно встрѣтить Тамерлана, который приказалъ сорока своимъ придворнымъ броситься внизъ съ башни, такъ какъ былъ увѣренъ, что черезъ одно мгновеніе увидитъ съ высоты зубчатой стѣны сорокъ окровавленныхъ и разбитыхъ труповъ. Свобода мышленія сдѣлала всѣхъ людей, незамѣтно для нихъ самихъ, анархистами. Кто въ наши дни не оставляетъ въ своемъ мозгу хоть небольшого уголка для работы мысли? Такъ вотъ именно въ этомъ и заключается преступленіе изъ преступленій, главный грѣхъ, символически олицетворенный въ яблокѣ съ древа познанія, открывшемъ людямъ глаза на добро и зло. Отсюда и та ненависть къ знанію, которую всегда проповѣдывала церковь. Отсюда и тотъ ужасъ, который питалъ къ „идеологамъ“ Наполеонъ, этотъ современный Тамерланъ.

Но идеологи явились. Они отряхнули, какъ прахъ, старыя иллюзіи и начали вновь всю научную работу съ наблюденія и опыта. Одинъ изъ нихъ, нигилистъ старыхъ временъ, анархистъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, началъ съ того, что отрекся отъ всего, чему его прежде учили. А въ наше время нѣтъ уже ученаго или литератора, который не считалъ бы себя самого творцомъ своихъ мыслей, своимъ учителемъ и примѣромъ, откровеніемъ своей морали. „Если ты хочешь подняться—поднимайся самъ“, говорилъ Гете. И развѣ художники не стремятся изображать природу такъ, какъ они ее видятъ, чувствуютъ и понимаютъ? Правда, это обыкновенно то явленіе, которое можно было бы назвать „аристократическимъ анархизмомъ“, требующимъ свободы лишь для избранныхъ, лишь для достигшихъ Парнаса. Каждый изъ нихъ хочетъ свободно мыслить, искать, по своему усмотрѣнію, свой идеалъ въ безконечности, но въ то же время говоритъ, что „вѣра, религія нужны народу“. Онъ хочетъ быть независимымъ человѣкомъ, но въ то же время считаетъ, что „послушаніе создано для женщинъ“. Онъ хочетъ творить оригинальныя произведенія, но „толпа“ должна, какъ машина, подчиняться низкому принципу раздѣленія труда. Несмотря на это, у такихъ аристократовъ мысли и вкуса нѣтъ больше силъ закрыть громадный шлюзъ, черезъ который разливается потокъ. Если наука, литература и искусство стали анархическими, если всякій прогрессъ, всякая новая форма красоты обязаны своимъ существованіемъ расцвѣту свободной мысли, эта мысль работаетъ также и въ низахъ общества, и теперь нѣтъ силъ ее остановить. Теперь—слишкомъ поздно останавливать потокъ.

Не въ высокой ли степени знаменателенъ для современнаго общества упадокъ почтительности во взаимныхъ отношеніяхъ? Когда-то я видѣлъ въ Англіи, какъ тысячныя толпы народа двигались потоками и собирались только для

того, чтобы взглянуть на пустой экипажъ какого-нибудь вельможи. Теперь я этого больше не увижу. Въ Индіи паріи недавно еще, завидя надменнаго брамина, благочестиво останавливались на разстояніи ста пятнадцати опредѣленныхъ закономъ шаговъ отъ него, а съ тѣхъ поръ, какъ люди стали толпиться на вокзалахъ, ихъ раздѣляетъ лишь тонкая перегородка между залами разныхъ классовъ. На свѣтѣ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ низости, рабьяго пресмыканія, но въ то же время идея равенства распространяется съ успѣхомъ. Иногда, прежде чѣмъ выражать кому-либо почтеніе, задаются вопросомъ, дѣйствительно ли данный человѣкъ или данное учрежденіе достойны уваженія? Оцѣниваютъ человѣка, взвѣшиваютъ его поступки. Вѣра въ величіе исчезла; а тамъ, гдѣ нѣтъ больше слѣпой вѣры, должны исчезнуть и учрежденія, основанныя на ней. Уничтоженіе государства естественно связано съ упадкомъ почтительности.

Порицанія суровой критики, направленной противъ государства, распространяются и на всѣ остальныя общественныя учрежденія.

Народъ уже не вѣритъ, совершенно отказывается вѣрить въ священное происхожденіе частной собственности, произведенной, какъ намъ говорили, а теперь уже не рѣшаются повторять экономисты,—личнымъ трудомъ ея владѣльцевъ: народъ теперь прекрасно понимаетъ, что личный трудъ никогда не создаетъ милліоновъ за милліонами, и что это чудовищное обогащеніе немногихъ всегда вытекаетъ изъ уродства соціальнаго строя, благодаря которому одинъ присваиваетъ себѣ то, что выработали тысячи другихъ людей; народъ будетъ всегда уважать хлѣбъ, въ потѣ лица заработанный труженикомъ, хижину, собственноручно построенную имъ, засаженный его руками садъ,—но, конечно, онъ потеряетъ уваженіе къ тысячамъ фиктивныхъ состоя-

ній, вложенныхъ въ банковыя предпріятія въ видѣ всевозможныхъ бумагъ. Я не сомнѣваюсь, что настанетъ день, когда народъ спокойно завладѣетъ всѣми продуктами общаго труда, рудниками и помѣстьями, заводами и замками, желѣзными дорогами, кораблями съ ихъ грузами. Когда „низкая“ толпа, доведенная до своего жалкаго состоянія невѣжествомъ и роковымъ его послѣдствіемъ—трусостью, перестанетъ заслуживать заклеймившую ее кличку; когда она будетъ окончательно убѣждена, что обладаніе этими огромными богатствами зиждется исключительно на писанныхъ фикціяхъ, на вѣрѣ въ синія бумажки,—тогда современному соціальному строю будетъ угрожать серьезная опасность. При видѣ той глубокой, неудержимой эволюціи, которая происходитъ въ человѣческомъ мозгу,—насколько нелѣпыми и безсмысленными покажутся нашимъ потомкамъ тѣ безумные крики, которые нынѣ направляются противъ новаторовъ. Что значитъ потокъ грязныхъ словъ, изливаемый на насъ продажной прессой, принужденной платить добрымъ словомъ тѣмъ, кто ее поддерживаетъ? Что значатъ даже оскорбленія, искренно бросаемыя намъ тѣми благочестивыми „святыми, но простыми“ людьми, которые приносили дрова на костеръ Іоанна Гусса! Движеніе, которое насъ захватываетъ, создано не какими-нибудь безумцами или жалкими мечтателями,—это дѣло всего общества въ его цѣломъ. Оно вызвано развитіемъ мысли,—развитіемъ въ наше время не менѣе фатальнымъ, чѣмъ движеніе земли и небесныхъ свѣтилъ.

Однако, одно сомнѣніе можетъ еще остаться въ пытливыхъ умахъ: не была ли анархія всегда лишь идеаломъ, лишь опытомъ мысли и интересною темой для споровъ; была ли она когда-нибудь осуществлена въ дѣйствительности, зарождался ли когда-нибудь самостоятельно такой общественный организмъ, который развивался бы бла-

годаря свободному труду сплоченныхъ товарищей, не руководимыхъ начальствомъ и его распоряженіями? Но это сомнѣніе легко устраняется. Да, свободные общественные организмы существовали во всѣ времена; да, они непрерывно появляются вновь и съ каждымъ годомъ все больше и больше, сообразно развитію личной инціативы. Я могъ бы, прежде всего, назвать много племенъ, которыя считаются дикими, но и въ наше время сохраняютъ въ своей средѣ совершенно гармоничный общественный строй, не нуждаясь ни въ начальникахъ, ни въ законахъ, ни въ цѣпяхъ и засовахъ, ни въ военной силѣ. Но я не настаиваю на этихъ примѣрахъ, впрочемъ, не лишенныхъ значенія; я боюсь, какъ бы мнѣ, въ возраженіе, не указали на несложность этихъ первобытныхъ обществъ, въ сравненіи съ современнымъ намъ міромъ,—гигантскимъ организмомъ, съ которымъ множествомъ точекъ соприкасаются другіе организмы, образуя сложное сплетеніе. Оставимъ же въ сторонѣ эти первобытныя племена и разберемъ бытъ уже сложившихся націй, имѣющихъ сложный политическій и соціальный механизмъ.

Конечно, въ исторіи я не могъ бы указать вамъ ни одной націи, которая сформировалась бы въ видѣ чисто анархической общины, такъ какъ въ то время всѣ онѣ находились въ періодѣ борьбы между разнообразными, еще не объединившимися элементами; но легко констатировать, что каждое изъ этихъ отдѣльныхъ обществъ, еще не сплотившихся въ одно гармоническое цѣлое, тѣмъ болѣе благоденствовало, тѣмъ сильнѣе проявляло созидательную способность, чѣмъ свободнѣе оно было, чѣмъ выше въ немъ цѣнились личныя качества каждаго члена. Еще со временъ доисторическихъ, когда общества людей впервые творчески слагали элементы искусствъ, наукъ и промышленности, о зарожденіи которыхъ письменность не могла донести до

насъ свѣдѣній,—еще съ той поры наиболѣе великими въ жизни народовъ были тѣ періоды, когда люди, приподнятые революціонными потоками, меньше всего страдали отъ долгаго и тяжкаго ярма постояннаго правительства.

Два великихъ періода въ исторіи человѣчества, характеризующихся стремленіемъ къ открытіямъ, расцвѣтомъ мысли и высокимъ состояніемъ искусствъ, были смутными моментами, временами „опасной свободы". Порядокъ царилъ въ огромныхъ Мидянскомъ и Персидскомъ царствахъ, но ничего великаго не явили они міру, тогда какъ греческая республика, вѣчный очагъ волненій, постоянно потрясаемая смутами, произвела творцовъ всего, что только есть въ современной цивилизаціи высокаго и благороднаго: мы не можемъ мыслить, не можемъ разрабатывать какое-нибудь произведеніе безъ того, чтобы наша мысль не переносилась тотчасъ же къ этимъ свободнымъ эллинамъ, которые были нашими предшественниками и до сихъ поръ остаются нашими учителями. Двѣ тысячи лѣтъ спустя, послѣ тиранніи, послѣ мрачныхъ временъ гнета, которымъ не предвидѣли конца, Италія, Фландрія, Германія, вся Европа городскихъ общинъ попыталась вновь вздохнуть свободно: безчисленныя революціи потрясли міръ. Феррари насчиталъ не менѣе семи тысячъ мѣстныхъ возстаній въ одной только Италіи; но зато разгорѣлось пламя свободной мысли, началось возрожденіе человѣчества; благодаря Рафаэлямъ, Винчи и Микель-Анджело оно ощутило въ себѣ вторично юную мощь.

Затѣмъ пришелъ великій вѣкъ Энциклопедіи, за которою слѣдовали міровыя революціи и провозглашеніе правъ человѣка. Попробуйте-ка, если можете, перечислить всѣ проявленія прогресса, совершившіяся послѣ этого великаго потрясенія человѣчества! Въ самомъ дѣлѣ, является вопросъ, не сконцентрировалось ли болѣе половины всемірной исторіи въ этомъ одномъ послѣднемъ столѣтіи? Количество населе-

нія земли возросло болѣе чѣмъ на полмилліарда; торговля расширилась болѣе чѣмъ вдесятеро, промышленность какъ будто преобразилась, а искусство обработки сырья замѣчательно поднялось; появились новыя науки, и, что бы ни говорили, начался третій періодъ развитія искусства; сознательный міровой соціализмъ развернулся во всей своей полнотѣ. По крайней мѣрѣ, чувствуешь, что живешь въ вѣкъ великихъ проблемъ и великой борьбы. Мысленно замѣните тѣ сто лѣтъ, что прошли въ Европѣ со времени философскаго движенія восемнадцатаго вѣка, другою эпохою, замѣните ихъ періодомъ столь же продолжительнымъ, но не имѣвшимъ мѣста въ исторіи,—когда четыреста милліоновъ мирныхъ китайцевъ жили бы на нашемъ мѣстѣ подъ опекой „Отца народа", обрядовъ, ритуаловъ и мандариновъ съ ихъ дипломами. Если бы мы не были полны порывовъ и стремленій, среди которыхъ прожили на самомъ дѣлѣ это время, мы бы постепенно приблизились къ инертному состоянію и къ смерти. Если Галилей, еще томясь въ темницахъ Инквизиціи, могъ лишь глухо прошептать: „А все-таки она движется!"—то мы зато можемъ теперь, благодаря революціямъ и завоеваніямъ свободной мысли, громко кричать на крышахъ домовъ и на городскихъ площадяхъ: „Міръ движется и будетъ двигаться вѣчно"!

Помимо этого великаго движенія, постепенно преобразующаго все общество, ставящаго его на путь свободной мысли, свободной морали, свободы дѣйствій, т.-е. анархіи въ собственномъ смыслѣ, сдѣланы также и непосредственные опыты, которые выражаются въ основаніи свободныхъ и коммунистичныхъ колоній: это настолько миніатюрныя попытки, что ихъ можно сравнить съ лабораторными опытами, которые производятъ химики и инженеры. Эти пробныя организаціи образцовыхъ коммунъ всѣ отличаются существеннымъ недостаткомъ,—онѣ устраиваются внѣ условій

обыденной жизни, т.-е. вдали отъ городовъ, гдѣ сталкиваются люди, зарождаются идеи и обновляются способности. И, несмотря на это, можно назвать множество такихъ предпріятій, которыя вполнѣ удались; такова „Молодая Икарія", преобразованная изъ колоніи Кабе, основанная почти полстолѣтія тому назадъ на принципахъ авторитарнаго коммунизма: одна группа коммунистовъ за другою переселялась сюда, община сдѣлалась чисто-анархическою и скромно живетъ въ настоящее время въ одномъ селеніи штата Іова, близъ рѣки Демоанъ *).

Но практика анархизма особенно торжествуетъ въ обыденной жизни, среди простого люда, который, конечно, не могъ бы выдерживать страшную борьбу за существованіе, если бы не организовалъ по собственному почину взаимную помощь, игнорируя различіе и даже соперничество интересовъ. Когда простой человѣкъ заболѣваетъ, другіе бѣдняки берутъ его дѣтей къ себѣ, его самого кормятъ, дѣлятся съ нимъ скудной недѣльной выручкой и удваиваютъ число рабочихъ часовъ, чтобы сдѣлать за него его работу. Между сосѣдями устанавливается своеобразный коммунизмъ, благодаря денежной взаимопомощи и постоянному передвиженію взадъ и впередъ провизіи и хозяйственной утвари. Нищета объединяетъ горемыкъ въ братскій союзъ: вмѣстѣ они голодаютъ, вмѣстѣ и утоляютъ свой голодъ. Анархическая практика и мораль являются правиломъ даже на буржуазныхъ собраніяхъ, хотя на первый взглядъ и отсутствуютъ тамъ совершенно. Представьте себѣ празднество на лонѣ

---

*) Іова—одинъ изъ Соед. Штатовъ Сѣв. Америки. Онъ ограниченъ съ востока теченіемъ Миссисипи, съ юга и запада — Миссури и расположенъ рядомъ со штатомъ Иллинойсъ, съ запада отъ него. Демоанъ—притокъ Миссисипи.

Прим. переводч.

природы и вообразите, что на этомъ празднествѣ кто-нибудь, хозяинъ ли, гость ли, принимаетъ начальственный видъ и позволяетъ себѣ командовать или безцеремонно требовать отъ другихъ, чтобы они исполняли его капризы! Вѣдь, правда, онъ разгонитъ этимъ все веселье и прекратитъ всякое празднество? Веселье бываетъ лишь между свободными и равными людьми, которые могутъ развлекаться по своему вкусу, хотя бы и отдѣльными группами, но все-таки въ общенiи, вмѣстѣ, такъ какъ проведенные такимъ образомъ часы доставляютъ имъ больше удовольствiя.

Теперь я позволю себѣ подѣлиться съ вами своимъ личнымъ воспоминанiемъ. Мы плыли на одномъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ современныхъ пароходовъ, которые такъ прекрасно разрѣзаютъ волны со скоростью 15 — 20 узловъ въ часъ и проводятъ прямую линiю отъ континента къ континенту, несмотря на бури и вѣтры. Былъ тихiй вечеръ, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенiя, и звѣзды одна за другой зажигались на темномъ сводѣ. На рубкѣ шелъ разговоръ, и о чемъ же было разговаривать, какъ не о вѣчномъ соцiальномъ вопросѣ, который гнететъ насъ и душитъ подобно сфинксу Эдипа? Одинъ изъ собесѣдниковъ, реакцiонеръ, былъ прижатъ къ стѣнѣ своими противниками,—они болѣе или менѣе всѣ были соцiалистами. Но вотъ онъ обернулся къ капитану, начальнику и хозяину, надѣясь въ немъ встрѣтить поддержку, какъ въ единомышленникѣ. „Вѣдь вы здѣсь распоряжаетесь! Ваша власть священна! Что стало бы съ кораблемъ, если бы онъ перестал управляться вашей непреклонной волей?“ — „Наивный вы человѣкъ,—отвѣтилъ капитанъ,—я вамъ скажу,—это между нами,—что обыкновенно я совершенно безполезенъ здѣсь. Рулевой направляетъ судно по намѣченному пути; черезъ нѣсколько минутъ его смѣнитъ другой, потомъ еще новые, и мы, безъ всякаго съ моей стороны вмѣшательства, будемъ правильно слѣдовать

по привычному пути. Внизу кочегары и механики работаютъ безъ моей помощи, не справляясь съ моимъ мнѣніемъ, и работаютъ лучше, чѣмъ если бы я вздумалъ давать имъ совѣты. И всѣ матросы тоже отлично знаютъ свои обязанности, и при случаѣ мнѣ остается лишь согласовать мое небольшое участіе въ общемъ трудѣ съ ихъ, хотя и болѣе тяжелой, но ниже оцѣниваемой работой. Конечно, я обязанъ направлять корабль... Но неужели же вы не видите, что моя обязанность—просто фикція? Вотъ карты, но вѣдь не я же ихъ составилъ. Компасъ указываетъ намъ направленіе, но и его изобрѣлъ не я. Для насъ вырыли каналы того порта, откуда мы идемъ, а также и того, къ которому мы направляемся. Не я построилъ и это превосходное судно, которое подъ напоромъ волнъ едва скрипитъ своими частями, величественно покачиваясь на зыби и быстро идя подъ парами. Что значу здѣсь я по сравненію съ великими мертвецами—изобрѣтателями и учеными, нашими предшественниками, которые насъ научили переплывать моря? Мы всѣ ихъ союзники, всѣ: и мои товарищи матросы, и вы, пассажиры, также, такъ какъ вѣдь ради васъ мы боремся съ волнами и, въ случаѣ опасности, на васъ разсчитываемъ, отъ васъ ожидаемъ братской помощи. У насъ общее дѣло: всѣ за одного и одинъ за всѣхъ"! Всѣ смолкли, и я тщательно сохранилъ въ сокровищницѣ своей памяти слова этого капитана, такъ какъ такіе встрѣчаются не часто.

Такимъ образомъ, корабль, этотъ пловучій міръ, гдѣ не вѣдомы наказанія, несмотря на существованіе чисто-китайской іерархіи, везетъ поперекъ океана образецъ республики. И это вовсе не единственный примѣръ. Каждый изъ васъ знакомъ, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, со школами, въ которыхъ учителя, вопреки строгостямъ никогда не примѣняемыхъ правилъ, считаютъ всѣхъ учениковъ своими друзьями и счастливыми сотрудниками. Компетентной властью

все предусмотрѣно для того, чтобы изнурять маленькихъ злодѣевъ, но ихъ взрослый другъ не нуждается въ этой массѣ репрессивныхъ мѣръ; онъ обходится съ дѣтьми, какъ съ людьми, постоянно обращаясь къ ихъ доброй волѣ, къ ихъ чуткости въ пониманіи окружающаго, къ ихъ чувству справедливости, и всѣ они съ радостью содѣйствуютъ ему. Такимъ образомъ, оказывается, что создано крошечное анархическое общество, по истинѣ человѣчное, хотя все въ окружающемъ мірѣ, повидимому, сплотилось съ цѣлью помѣшать его образованію: законы, правила, дурные примѣры и общественная безнравственность.

Итакъ, анархическія группы появляются безпрестанно, несмотря на старыя предупрежденія и отжившее крѣпостничество старинныхъ нравовъ. Нашъ новый міръ расцвѣтаетъ вокругъ насъ, какъ развивается новая растительность на перегноѣ, на мертвыхъ остаткахъ старой жизни. Этотъ новый міръ не только не химера, какъ многіе безпрестанно повторяютъ, но онъ вырисовывается уже въ тысячѣ формъ: слѣпъ тотъ, кто не умѣетъ это замѣтить. Зато, если существуетъ химеричное, невозможное общество, такъ это то возмутительное сборище, среди котораго мы живемъ. Вы мнѣ воздадите должное въ томъ, что я не злоупотребилъ критикой, такой легкой по отношенію къ нынѣшнему обществу съ его такъ называемымъ принципомъ власти и жестокой борьбой за существованіе. Но если правда, что общество, въ собственномъ значеніи этого слова, есть собраніе индивидуумовъ, сближающихся и приходящихъ къ соглашенію ради общаго блага, безъ опасности впасть въ грубую ошибку, нельзя сказать, что окружающая насъ хаотическая масса представляетъ собой общество. По словамъ его защитниковъ,— ибо всякое, даже дурное, дѣло имѣетъ своихъ защитниковъ,— его конечной цѣлью былъ бы идеальный порядокъ, достигаемый удовлетвореніемъ интересовъ каждаго. Развѣ же не

смѣшно послѣ этого видѣть въ объятіяхъ европейской цивилизаціи управляемое общество, окутанное безконечной цѣпью внутреннихъ драмъ, убійствъ и самоубійствъ, насилій и разстрѣловъ, истощенія и голодовокъ, всевозможныхъ грабежей, мошенничествъ и обмановъ, банкротствъ и разореній? Кто изъ насъ, выйдя отсюда, не встрѣтитъ на каждомъ шагу призраковъ порока и голода? У насъ, въ Европѣ, пять милліоновъ человѣкъ готовы по первому сигналу идти убивать другихъ людей, жечь ихъ жилища и урожаи; десять милліоновъ людей стоятъ въ резервѣ, внѣ казармъ, постоянно ожидая, что и имъ придется совершать то же дѣло разрушенія; пять милліоновъ несчастныхъ живутъ или, вѣрнѣе, прозябаютъ въ тюрьмахъ, присужденные къ различнымъ наказаніямъ, десять милліоновъ ежегодно умираютъ преждевременною смертью и изъ 370 милліоновъ населенія 350—если не всѣ—вполнѣ основательно дрожатъ за завтрашній день; несмотря на громадныя общественныя богатства, кто изъ насъ можетъ утверждать, что рѣзкій поворотъ судьбы не отниметъ у него всего достоянія? Вотъ факты, которые никто не можетъ оспаривать, и которые, думается мнѣ, должны бы вызвать въ насъ твердое рѣшеніе измѣнить этотъ порядокъ вещей, чреватый нескончаемыми переворотами.

Однажды мнѣ представился случай бесѣдовать съ однимъ важнымъ чиновникомъ. Тина жизни втянула его въ ту среду, которая издаетъ законы и распредѣляетъ наказанія: „Защищайте же ваше общество“!—говорилъ я ему.—„Какъ вы хотите, чтобы я его защищалъ, его нельзя защищать“!—таковъ былъ отвѣтъ. Однако, оно все-таки защищается, но средствами въ высшей степени недоказательными: плетьми, тюрьмами и эшафотомъ.

Съ другой стороны, тѣ, кто на него нападаютъ, могутъ дѣлать это съ чистой совѣстью. Безъ сомнѣнія, стремленіе къ кореннымъ преобразованіямъ вызоветъ рядъ насилій и

переворотовъ, но развѣ не является и теперь уже окружающій насъ міръ непрерывнымъ насиліемъ и сплошною революціей? А кто будетъ отвѣтственъ въ превратностяхъ соціальной войны? Тѣ ли, кто возглашаетъ новую эру справедливости и равенства для всѣхъ, безъ различія классовъ и отдѣльныхъ личностей, или тѣ, кто хочетъ отстаивать разъединеніе человѣчества, а слѣдовательно—и вражду между кастами,—тѣ, кто карательные законы постоянно усиливаетъ новыми репрессивными мѣрами и умѣетъ разрѣшать всевозможные вопросы лишь помощью пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи! Исторія даетъ намъ возможность съ полной увѣренностью утверждать, что политика ненависти порождаетъ всегда ненависть, роковымъ образомъ ухудшая общее положеніе или даже приводя къ совершенной гибели существующаго строя. Сколько націй погибло такимъ образомъ, увлекая за собою какъ угнетателей, такъ и угнетаемыхъ! Погибнемъ ли и мы въ свою очередь?

Я думаю, что не погибнемъ, такъ какъ ученіе анархистовъ распространяется все больше, возрождая человѣческую инипіативу. Вы сами, если и не анархисты, то развѣ не связаны съ анархизмомъ тысячами нитей? Кто изъ васъ въ глубинѣ своей совѣсти сочтетъ себя совершеннѣе и выше своего сосѣда, а не признаетъ въ немъ своего брата и ровню? Идеалы отвлеченной морали, столько разъ провозглашавшейся здѣсь въ болѣе или менѣе символическихъ словахъ, безъ сомнѣнія, получатъ реальное выраженіе. Ибо мы, анархисты, знаемъ, что это ученіе полной справедливости, свободы и равенства непреложно, и мы исповѣдуемъ его всѣмъ сердцемъ, тогда какъ наши противники колеблются. У нихъ нѣтъ увѣренности въ ихъ правотѣ; въ глубинѣ души они даже убѣждены въ своей неправотѣ и заранѣе уступаютъ намъ будущее.

Поль Гіо.

Анархизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Съ письмомъ ЛУИ МАРЛЯ.

Переводъ А. Г. и А. А. Генкель.

Письмо Луи Марля.

Вы создали, дорогой Гіо, сочиненіе, съ которымъ я Васъ искренно поздравляю. Книги, содержащія въ себѣ элементъ поученія, въ настоящее время настолько рѣдки, что на Вашу приходится обратить особое вниманіе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, эта книга имѣетъ то достоинство, что она заставитъ проникнуть въ психологію людей Дальняго Запада и развить вѣру индивидуума въ самого себя, которая создаетъ людей и вливаетъ въ расы новую жизнь.

Повидимому, Вы раздѣляете доктрины Веньямина Р. Тёкера. Другіе изслѣдователи подойдутъ къ нимъ, ставъ на точку зрѣнія политической экономіи. Они будутъ привѣтствовать или опровергать ихъ сообразно своимъ темпераментамъ и соотвѣтственно тому, поставятъ ли они на своемъ знамени эпитеты „индивидуализмъ“ или „коммунизмъ“. Я не хотѣлъ бы класть своего камня при построеніи этого спора. Вы вѣдь знаете, что у меня на счетъ будущаго общества составлено представленіе нѣсколько отличное отъ Вашего и что я всегда воздерживался отъ абсолютной исключительности, которая является могилою всякой системы: синкретизмъ, спиритуализмъ, матеріализмъ—вотъ, по-моему, три вершины одного треугольника, и я лично думаю, что истина впослѣдствіи окажется въ синтезѣ этихъ доктринъ.

* * *

То же самое приходится сказать, если стать на точку зрѣнія соціологіи: коммунистическая теорія, въ ея совокупности, которая подавляетъ свободу личности, точно такъ же не можетъ, по моему мнѣнію, устоять противъ ударовъ логики, какъ не выдержитъ ихъ и теорія абсолютнаго анархизма, не признающая пользы общественнаго договора. Истина, какъ кажется, заключается въ установленіи извѣстнаго modus vivendi между соціальными клѣточками, именуемыми людьми. Пусть связь между ихъ разумомъ и совѣстью установится совершенно свободно, а не будетъ навязанной; пусть она станетъ абсолютно добровольною—тѣмъ лучше это будетъ для истины, но, конечно, интересы истины требуютъ отъ каждаго индивидуума согласія на эту связь, согласія перестать быть человѣку волкомъ (homini lupus), а, напротивъ, они заставляютъ его, по выраженію Геда, стремиться замѣнить правительство людей управленіемъ самой природы.

И вотъ тутъ-то я позволю себѣ маленькое замѣчаніе: Тёкеръ, повидимому, смѣшалъ государственный коллективизмъ съ истиннымъ коллективизмомъ, а это большая ошибка. Допустимъ, что кто-нибудь во Франціи, разсудку вопреки, возымѣлъ бы нелѣпую мысль укрѣпить ту самую капиталистическую крѣпость, которую онъ же самъ осаждаетъ, и для этого вернулъ государству, порожденію правящаго класса, собственность новыхъ монополій и, такимъ образомъ, вдохнулъ бы въ него новую жизненность; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ обратнаго, будто захватъ власти, основанной въ настоящее время на богатствѣ, является идеаломъ коллективизма.

Какъ разъ напротивъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, всякой экономической перемѣнѣ должна отвѣчать и политическая, и центральный организмъ, непосредственный представитель всей коллективной единицы, является въ обществѣ, вообра-

жаемомъ коллективистами, лишь какимъ-то регуляторомъ, указателемъ богатствъ и нуждъ всѣхъ.

* * *

Однако, пойдемъ дальше: я сказалъ уже, что вовсе не желалъ бы пускаться въ споры; я хотѣлъ бы просто выяснить, каково можетъ быть вліяніе пропаганды индивидуалистическихъ идей эссенціи англо-саксонской мысли, проявленія которой Вы изучили за океаномъ.

Подобно мнѣ, Вы, мой дорогой Гіо, происходите отъ той латинской расы, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ высоко держала надъ человѣчествомъ свѣтильникъ мысли. Въ Васъ живетъ и поетъ душа Вашихъ предковъ; доказательствомъ можетъ служить звучность Вашего слога и заботы объ его образности и краскахъ, которыя въ значительной степени облегчаютъ пониманіе Вашихъ разсужденій на самыя запутанныя темы. Вы уже въ достаточной степени доказали эти блестящія и рѣдкія качества въ Вашихъ „Замѣткахъ о современной Италіи". Теперь, повѣствуя о бѣдствіяхъ „слемсовъ" Нью-Іорка и Чикаго, Вы испытываете дрожь благороднаго соболѣзнованія и приходите вмѣстѣ съ Луиджи Галеони въ неподдѣльное негодованіе. Вы отмѣчаете вліяніе индивидуалистическихъ ученій на рабочее населеніе Соединенныхъ Штатовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы съ несомнѣнностью показываете, какое вліяніе эти ученія имѣли на Васъ самого. Незамѣтнымъ для себя образомъ Вы вылили самого себя въ книгѣ, которую англосаксонецъ, напр., написалъ бы, по возможности, объективно. Вотъ въ чемъ заключается одна изъ характернѣйшихъ и наиболѣе цѣнныхъ привилегій генія нашей расы.

Но я вотъ еще о чемъ хотѣлъ сказать: гдѣ и какъ, съ нѣкотораго времени, проявляется этотъ геній? Увы, мой дорогой другъ, мнѣ кажется, что, какъ мы это неодно-

кратно доказывали въ бесѣдѣ съ Вами, латиняне въ настоящее время застываютъ въ оцѣпенѣніи, которое грозитъ стать смертельнымъ, если его не всколыхнуть. Мы вѣдь все еще являемся творящей, созидающей расой. Но индивидуумъ нисколько не умѣетъ у насъ проявить себя въ томъ, что онъ создаетъ. Ему не хватаетъ у насъ той вѣры въ себя, того цѣннаго духа инициативы, которые столь сильно развиты у англичанъ и сѣверо-американцевъ. Конечно, мы въ настоящее время не дошли еще до того, чтобы замкнуться въ себя, какъ китайцы послѣ Кунгъ-Тсеу или арабы послѣ Абассидовъ. Однако, привыкшіе въ продолженіе тысячелѣтій повиноваться, подавленные сначала цезарями, потомъ папами, наконецъ самодержавными династіями, наученные, вслѣдствіе этого, всего ждать отъ центральной власти, теократической ли, монархической или олигархической, мы не имѣемъ, на самомъ дѣлѣ, той истинной демократіи, формулу которой мы впервые выработали. Мозгъ нашъ достаточно силенъ, чтобы воспринимать. Въ немъ носятся видѣнія—пророческія видѣнія лучшаго будущаго; но рука наша свѣшивается безсильно—въ ней нѣтъ импульсовъ къ дѣлу, къ освободительному движенію... Почему?.. Потому что мы ждемъ, конечно, тщетно, что власть, что государство возьмется за наше дѣло и осуществитъ наши надежды.

Въ искусствѣ, въ литературѣ, въ соціологіи всѣ или почти всѣ творенія нашихъ великихъ людей свидѣтельствуютъ объ этомъ преклоненіи передъ какимъ-либо божествомъ или передъ авторитетомъ. Мы еще не сумѣли выбраться изъ темницы, въ которой насъ держатъ взаперти насильственность и атавизмъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе годы потрясли нашу эпоху. Снова взявшись за работу энциклопедистовъ, разрушителей, люди, подобно Октаву Мирбо и Анатолю Франсу, или въ роли пророковъ, подобно

Зола и Ж. Г. Рони, запечатлѣли въ умахъ истины, которыхъ до нихъ никто не высказывалъ. Но, быть можетъ, ихъ ученіе было слишкомъ мелочнымъ. Быть можетъ, оно отличалось тѣмъ недостаткомъ, что было высказано въ слишкомъ загадочной формѣ, такъ что массы его непосредственно не понимали. Кромѣ того, этимъ людямъ приходилось еще бороться съ многочисленными и очень талантливыми людьми, которыхъ золотая монета заставляла служить скверному ремеслу порабощенія умовъ. Во всякомъ случаѣ, нужно было, да и сейчасъ нужно еще болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, поставить на-ряду съ этими писателями и этими мыслителями популяризаторовъ духа протеста: надо показать человѣку, что онъ представляетъ собою силу. Надо переиздать „Размышленія о добровольномъ рабствѣ“, освободить индивидуумъ отъ его рабьихъ привычекъ и расправить ему колѣни.

* * *

Быть можетъ, эта хвала индивидуалистическому методу, подъ моею подписью, покажется странною. Дѣйствительно, нѣкоторые думаютъ, что тотъ, кто объявилъ себя сторонникомъ какой-либо философской или соціологической системы, не имѣетъ права заимствовать справа или слѣва, изъ другихъ доктринъ, то, что ему кажется подходящимъ. Я считаю такой взглядъ совершенно не выдерживающимъ критики. Будучи далекъ отъ полнаго соглашенія съ Тёкеромъ въ вопросѣ о его отношеніи къ будущему экономическому режиму, я, тѣмъ не менѣе, считаю, что его идеи должны, къ счастью, насквозь измѣнить характеръ особей нашей расы. А вѣдь прежде всего необходимо „создать людей“. Чѣмъ достойнѣе будутъ они этого имени, тѣмъ сильнѣе обострится ихъ умственная жизнь. Анри Марэ, этотъ деликатный и ловкій спорщикъ, принадлежащій также

къ индивидуалистамъ, отдаетъ же полную дань въ своихъ „Мысляхъ и мнѣніяхъ“ („Pensées et Opinions“ par Henry Maret) тѣмъ, темпераментъ которыхъ заставляетъ обращаться къ коммунизму. Это можно ясно усмотрѣть изъ его заявленія, что индивидуальная собственность не является необходимою основою общества... А вѣдь это-то ужъ несомнѣнно доказываетъ, что всякій умъ, свободный отъ предразсудковъ, роковымъ образомъ приходитъ къ сознанію истины?..

Дѣлая изъ всего сказаннаго выводъ, я Вамъ просто-напросто скажу, мой дорогой Гіо, не оскорбляя Васъ пошлой похвалою, что книга Ваша меня въ высшей степени заинтересовала. Она тронула меня прежде всего тѣмъ, что открыла мнѣ картину несчастнаго человѣчества, разбросаннаго по закоулкамъ тѣхъ великихъ американскихъ городовъ, гдѣ кишмя кишатъ милліардеры; затѣмъ я болѣе чѣмъ когда-нибудь почувствовалъ, именно при чтеніи Вашей книги, насколько необходимо дать человѣку сознаніе его собственной цѣны. „Помни, что ты—прахъ“ (Memento quia pulvis es!..) кричитъ ему Евангеліе. Нелѣпое и опасное выраженіе!.. Нѣтъ, ты не прахъ, человѣческая раса!.. Ты, конечно, матерія, но матерія живая, матерія высшаго порядка.

Обратись къ своей душѣ и разсмотри ее. Ты поймешь тогда, что, несмотря на желаніе подобныхъ тебѣ, твоихъ притѣснителей, заставить тебя вѣрить, что ты скотъ, ты на самомъ-то дѣлѣ представляешь собою нѣчто реальное, настоящее божество!

Луи Марль.

Анархизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Посвящено Ц. де Жонъ ванъ Бекъ въ Донкѣ въ знакъ признательности за ея цѣнное сотрудничество.

ВВЕДЕНІЕ.

Обзоръ системы анархизма.

Характерною особенностью, которую можно отмѣтить во всѣхъ бывшихъ и настоящихъ человѣческихъ обществахъ, является присутствіе на одномъ и томъ же участкѣ земли людей, составляющихъ одну коллективную единицу и въ то же время раздѣляющихся на двѣ рѣзко отграниченныя категоріи—правящихъ и подчиняющихся—тѣхъ, кто дѣлаетъ законы, и тѣхъ, кто принужденъ съ ними считаться. Развѣ ужъ такъ-то необходимо, чтобы эти два слоя человѣчества непремѣнно лежали одинъ на другомъ? Вотъ какой вопросъ задали себѣ анархисты и отвѣтили на него отрицательно. Пусть правительство, говорятъ они, является представителемъ такъ называемаго божественнаго права или результатомъ воли большинства, оказывается плодомъ народнаго голосованія и завоеванія; оно во всякомъ случаѣ всегда будетъ органомъ постояннаго и систематическаго насилія. По взглядамъ анархистовъ, государство даже въ самыхъ демократическихъ обществахъ, основанныхъ на самой всеобщей подачѣ голосовъ, какую только можно себѣ вообразить, во всякомъ случаѣ будетъ всегда тормазомъ личной иниціативы.

Оно дѣйствуетъ авторитетомъ, стало быть оно отнимаетъ у насъ часть нашей личной свободы. Пусть оно ведетъ насъ къ добру или къ гибели,—оно во всякомъ случаѣ ведетъ насъ туда насильно, а мы не согласны терпѣть, чтобы наши поступки опредѣлялись именно силою.

Но вѣдь государство защищаетъ насъ, говорятъ демократы. Противъ кого? Противъ преступниковъ? Нисколько! Вѣдь преступленіе вытекаетъ изъ самого закона и тѣхъ монополій, которыя онъ заключаетъ въ себѣ. Уничтожьте законъ, устраните привилегіи, которыя являются его естественнымъ слѣдствіемъ, и преступленіе, въ свою очередь, не замедлитъ исчезнуть.

Вотъ почему демократія не очень-то привлекаетъ къ себѣ анархистовъ. Она, по ихъ мнѣнію, такъ же самодержавна, какъ самый разсамодержавнѣйшій изъ монархическихъ образовъ правленія. Большинство выборщиковъ, увѣряютъ анархисты, оказываетъ принудительное давленіе на меньшинство и въ результатѣ наноситъ ущербъ не только этому послѣднему, но и самому себѣ, такъ какъ вотумъ большинства естественнымъ образомъ уничтожаетъ практическое осуществленіе правъ, которыхъ добивается организованное меньшинство,—оно оказывается всемогущимъ еще до выборовъ. Стало быть вотумъ, въ концѣ концовъ, только узаконяетъ существующія привилегіи и дѣлаетъ ихъ власть болѣе замѣтною. Такъ землевладѣльцы постоянно выбираютъ лишь защитниковъ монопольнаго господства земельной собственности, а промышленники—сторонниковъ интереса капитала, такъ рабочіе роковымъ образомъ должны вручать свои голоса тѣмъ, кто служитъ рупоромъ пожеланій пролетарія, т.-е. такимъ депутатамъ, которые своимъ вліяніемъ неизбѣжно все-таки сохраняютъ то государство рабства, въ которомъ живутъ рабочіе. И вотъ между отдѣльными классами общества возгорается борьба, между тѣмъ какъ свобода,

освобожденная отъ путъ государства и оживленная добровольнымъ духомъ солидарности человѣчества, легко могла бы привести людей къ братскому соглашенію.

* * *

Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, мнѣніе, которое анархисты составили себѣ о демократіи, о современномъ обществѣ. Какъ видно, они отрицаютъ a priori всякую необходимость и даже полезность власти. По мнѣнію анархистовъ, равенство *по праву*, установленное въ принципѣ революціей, не можетъ стать фактическимъ равенствомъ до тѣхъ поръ, пока власть не перестанетъ наускивать одну часть общества на другую, созидая, такимъ образомъ, состояніе вѣчной войны.

Въ дѣйствительности—я продолжаю говорить устами анархистовъ,—революція оставила намъ, правда, очень цѣнное наслѣдіе въ видѣ равенства всѣхъ передъ закономъ. Но что же такое законъ? Онъ представляетъ, говорятъ, общественную волю. Какимъ же образомъ онъ проявляется? Кто имѣлъ право доискиваться этого? Вотъ сколько подымается сразу вопросовъ, на которые, быть можетъ, полезно было бы раньше отвѣтить, прежде чѣмъ позволять себѣ утверждать, что равенство передъ тѣмъ, что называется закономъ, совершенно равноцѣнно фактическому равенству, такому, въ которое теоретики демократіи желаютъ насъ заставить вѣровать, представляя намъ, какъ его идеалъ, свои политическія учрежденія. Общественную волю мы въ настоящее время можемъ вопросить и познакомиться съ ней лишь однимъ путемъ — голосованіемъ. Между тѣмъ механизмъ выборовъ и народнаго голосованія крайне несовершененъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ голосованіе сдѣлалось настолько всеобщимъ, сколь это только возможно. И

нѣтъ болѣе противозаконныхъ правъ, какъ права господства избранниковъ всеобщаго голосованія или непогрѣшимость, признанная на основаніи результатовъ вотума. Прежде всего это проявленіе такъ называемой коллективной воли является результатомъ извѣстнаго призыва, приглашенія, исходящаго отъ предержащей власти, которая начинаетъ съ того, что навязываетъ свои правила и формы, въ надеждѣ, что затѣмъ ея идеи и проявленія могущества будутъ санкціонированы. Во-вторыхъ, даже если допустить, что выборщики совершенно свободны въ своей совѣсти и поступкахъ, нельзя все-таки отрицать того, что дѣйствительно активная масса выборщиковъ представляетъ лишь слабую часть членовъ всего общества; такъ, напр., обыкновенно право голоса не принадлежитъ женщинамъ, и во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ женщины допущены къ избирательнымъ урнамъ, конституціонные законы современныхъ государствъ обыкновенно исключаютъ гражданъ ниже извѣстнаго возраста и тѣхъ, которые преступили порядки, заведенные властью, навязанною даннымъ выборщикамъ, а не исходящіе отъ нихъ самихъ.

Наконецъ, даже допустивъ пока, что совѣсть выборщиковъ не подвергалась давленію и что совокупность выборщиковъ дѣйствительно представляетъ собою то, что называютъ общественною волею, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ, который по самой сущности своей можетъ вселить въ насъ много подозрѣній относительно законности авторитета, являющагося результатомъ голосованія. Въ массѣ выборщиковъ мы сейчасъ же сумѣемъ различить двѣ различныя категоріи людей: выборщиковъ, составляющихъ большинство, и обратное — представителей меньшинства. Одна изъ нихъ всемогуща, другая порабощена. Законъ, авторитетъ далеко не могутъ претендовать на сочувствіе всѣхъ; они представляютъ собою лишь выраженіе воли большин-

ства, и единственною основою всякой политической организаціи остается, въ концѣ концовъ, все-таки сила.

* * *

Большинство имѣетъ права, меньшинству остаются только обязанности. Что же сталось, въ такомъ случаѣ, съ братствомъ, о которомъ говоритъ революціонное право? Впрочемъ, фактическое неравенство, являющееся результатомъ примѣненія демократическаго строя, основаннаго на теоретическомъ правѣ, какимъ его оставила намъ въ наслѣдство революція, могло бы оставить намъ кое-какія надежды на лучшее будущее, если бы привилегія, удѣлъ большинства, не принимала роковымъ образомъ все болѣе и болѣе острыхъ и насильственныхъ формъ.

Въ этомъ случаѣ говоритъ не только логика, но и сама исторія. Привилегія большинства, исходя, конечно, изъ большой массы, стремится, естественно, сдѣлаться монополіей небольшой группы особей, такъ какъ вѣдь большинство принуждено выдѣлять изъ себя, въ свою очередь, новыхъ привилегированныхъ. Тогда организованное меньшинство, какъ сказано было выше, овладѣваетъ властью и пользуется ею какъ орудіемъ для упроченія своей частной выгоды. Это меньшинство предсуществовало уже, еще до выборовъ, въ соціальной жизни; голосованіе придаетъ этому преимущественному положенію лишь законную санкцію.

Власть облачается во внѣшнія формы, которыя нашъ демократическій фетишизмъ дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ блистательными, между тѣмъ какъ вся эта внѣшняя помпа служитъ, на самомъ-то дѣлѣ, лишь къ тому, чтобы скрыть въ туманѣ задній планъ картины, въ которомъ прячется наше порабощеніе. Политическій предразсудокъ выборнаго начала власти, по словамъ Жюля Симона, близко напоминаетъ метафизиче-

скій кубокъ, въ которомъ торжественно подносятъ народу верховную власть, но затѣмъ тотчасъ же и отнимаютъ ее у него, подъ предлогомъ передачи выборнымъ лицамъ; народъ на это какъ будто соглашается, но эта власть оставитъ народъ еще болѣе голымъ и общипаннымъ, чѣмъ раньше.

* * *

Власть, какого бы происхожденія она ни была,—это сила, это принужденіе, это систематическое лишеніе свободы. Стало быть вездѣ, гдѣ есть общество, существуетъ постоянная борьба между властью и свободою. Одно время думали, что демократія нашла средство заключить временное перемиріе между этими двумя противоположными принципами. Какъ въ религіозной области символъ долженъ былъ примирить человѣка съ Богомъ, законъ, правила, конституціи должны были связать свободу съ властью. Къ несчастію только, дѣло не вышло; напротивъ того, анархисты увѣряютъ, что никогда пропасть, раздѣляющая эти два принципа, не была глубже, чѣмъ въ демократическихъ государствахъ, такъ какъ бремя власти кажется тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе люди начинаютъ сознавать свою личность. Въ настоящее же время мы какъ разъ стоимъ на пути къ тому, чтобы оцѣнить практическое и нравственное значеніе свободы.

Каково бы ни было начальство и какими бы намѣреніями оно ни задавалось, хорошими ли или дурными, оно всегда опирается на повиновеніе, а вѣдь послѣднее въ большинствѣ случаевъ является слѣдствіемъ боязни. Свободный и независимый человѣкъ, напротивъ того, подчиняется не страху, а своимъ стремленіямъ, намѣреніямъ, надеждамъ. Человѣкъ подчиненный ждетъ толчка, и стало быть не выйдетъ за предѣлы, предначерченные ему этимъ толчкомъ, и разъ отъ него ничего не требуютъ, онъ и оставитъ свои силы въ покоѣ. Свободный же человѣкъ, напротивъ того, стремится къ дѣятель-

ности такъ же, какъ жидкость стремится къ горизонтальному уровню. Онъ не только лучше исполняетъ работу, но ищетъ и находитъ въ ней новыя стороны. Въ чемъ проявляется коллективная власть народа, составленная изъ постоянно управляемыхъ и подчиненныхъ силъ?—Она представляетъ собою проявленіе грубой, безсознательной силы. Между тѣмъ какъ активное могущество такого народа, всѣ особи котораго развиваются подъ благотворнымъ и благороднымъ дыханіемъ свободы, оказывается результатомъ сцѣпленія, сознательнаго сотрудничества.

* * *

Въ общемъ та власть, которая, какъ увѣряютъ, должна была бы распространять порядокъ, на самомъ - то дѣлѣ, по мнѣнію анархистовъ, представляется эссенціей безпорядка. Она возмущаетъ личную совѣсть, которая, въ виду своего подавленнаго состоянія, возмущается или опускаетъ вожжи. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, въ результатѣ окажется безпорядокъ: ибо, если съ одной стороны возмущеніе отвлекаетъ насъ отъ нормальнаго приложенія нашихъ производительныхъ силъ, то моральная подавленность, результатъ пораженія, въ свою очередь, отнимаетъ у насъ всякую активную энергію. И вотъ, разъ уже нельзя добиться истиннаго успѣха инымъ путемъ, кромѣ естественнаго порядка, т.-е. свободнымъ импульсомъ иниціативы, произвольной игрой законовъ эволюціи, то власть, напротивъ, будетъ настоящимъ врагомъ прогресса.

Дѣйствительно, прогрессъ можетъ быть выраженъ тѣмъ дѣйствіемъ, которое человѣкъ производитъ на окружающую его среду. Человѣкъ является рабомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда окружающая среда опредѣляетъ цѣликомъ его поступки. Онъ получаетъ право называться свободнымъ, когда самъ

даетъ иниціативу тому, что дѣлается въ окружающей его средѣ. Вотъ истинное мѣрило прогресса. Наука, ея многообразныя примѣненія, открытія, философская критика тѣмъ болѣе способствуютъ прогрессу, чѣмъ сильнѣе они сумѣли освободить человѣческую совѣсть отъ предразсудковъ, суевѣрій и опасеній, которыя прежде постоянно вторгались въ жизнь. Какъ медленно, если сказать правду, шла эта интимная переработка, сколько трудовъ стоило продираться черезъ тысячи препятствій! Вѣдь вліяніе среды на человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ его вліяніе на другіе организмы. Возьмемъ хотя бы для примѣра климатъ. Флора, фауна измѣняются въ различныхъ странахъ сообразно температурѣ. Суровыя картины, представляемыя рѣдкою растительностью полярныхъ странъ, рѣзко отличаются отъ роскошныхъ пейзажей, которыми мы любуемся въ мѣстностяхъ, залитыхъ тропическимъ солнцемъ. Въ Африкѣ животныя быстры, подвижны и покрыты одеждою, блестящія краски которой восхищаютъ натуралиста; въ Сибири, напротивъ того, мѣхъ у животныхъ густой, однообразнаго мрачнаго цвѣта, да и самыя движенія ихъ тяжелы, медлительны. Между тѣмъ человѣкъ повсюду остается однимъ и тѣмъ же. Одна и та же тонкая и нѣжная кожа должна защищать его и отъ экваторіальнаго зноя и отъ полярной стужи. Въ его распоряженіи все тѣ же самые члены, сохраняющіе все одну и ту же форму, и при ихъ помощи приходится пробираться и сквозь роскошные тропическіе лѣса и сквозь необъятныя пустыни вѣчныхъ льдовъ. Стало быть человѣку приходится бороться противъ гораздо большаго числа внѣшнихъ препятствій, чѣмъ всѣмъ другимъ насельникамъ этого міра, и его приспособляемость къ средѣ, въ которой приходится жить, должна даваться ему гораздо труднѣе. Потому-то борьба его, увы, длится безпредѣльно, въ продолженіе безчисленнаго ряда дней.

Haec atque illa dies, atque alia, atque alia — и сегодня, и завтра и въ слѣдующіе дальнѣйшіе дни.

* * *

Въ виду такого множества внѣшнихъ препятствій, анархисты спрашиваютъ себя, какъ человѣкъ сумѣетъ, наконецъ, осуществить прогрессъ, къ которому онъ чувствуетъ себя способнымъ и котораго требуетъ его безконечно пытливая натура; какъ онъ дастъ просторъ своимъ многообразнымъ способностямъ, если на первыхъ же шагахъ его дѣятельности поперекъ дороги ему становятся затрудненія внутреннія, исходящія отъ него самого?

Среди различныхъ видовъ порабощенія, тяготѣющихъ надъ человѣкомъ, одинъ, по мнѣнію анархистовъ, представляетъ особенную опасность и тѣмъ подозрительнѣе, что онъ до настоящаго времени пережилъ всѣ революціи и удержался, несмотря на всѣ нападки на него: это—порабощеніе идеею авторитета, власти. Анархисты возстаютъ противъ той идеи, что одинъ человѣкъ имѣетъ право проявлять надъ другимъ какую бы то ни было власть. Они вносятъ и желаютъ вносить въ политическую жизнь и въ соціальныя отношенія тѣ же самые положительные взгляды, которые наука внесла въ интеллектуальную жизнь. Подобно тому какъ въ области знанія единственнымъ авторитетомъ является тотъ, который вытекаетъ изъ наблюденія, такъ и въ соціальной жизни, говорятъ анархисты, единственнымъ авторитетомъ, который можетъ быть допущенъ, оказывается авторитетъ, вытекающій изъ собственной воли; и какъ въ наукѣ никто не задерживаетъ побѣдоноснаго хода знанія, такъ и въ соціальной жизни ничто не должно задерживать свободнаго проявленія индивидуальной воли.

Слѣдовательно, государство, являющееся эмблемою авторитета, навязываемаго людямъ, а не свободно признаваемаго

ими, должно, въ концѣ концовъ, исчезнуть. Обязанности, налагаемыя ими на насъ, тормозятъ полный расцвѣтъ нашихъ личныхъ способностей; въ политикѣ онѣ создаютъ положеніе, сходное съ тѣмъ, которое создалось въ философіи, благодаря допущенію богословскаго принципа непогрѣшимости.

Государство вселяетъ въ насъ пассивную вѣру въ свои законы, въ распоряженія, въ свою юстицію и въ своихъ судей. Эта вѣра не допускаетъ отвѣтовъ, это нѣчто вродѣ fides ex auditu (вѣра на слово), какъ выражались схоластики.

Анархисты возстаютъ противъ власти, принципа насилія и застоя, во имя свободы, принципа знанія, изобрѣтенія и прогресса!

Власть господствовала до сихъ поръ надъ человѣчествомъ потому, что она имѣла союзниковъ въ лицѣ слабости и лѣни человѣческаго ума, склоннаго подчасъ сладко засыпать на подушкѣ вѣры и заниматься отвѣтственнымъ дѣломъ изслѣдованія и проявленія своей иниціативы лишь въ видѣ развлеченія. Однако, человѣческое сознаніе, несмотря на опутывающія его цѣпи, проснулось и требуетъ своего освобожденія. На мѣсто соціальной однородности прежнихъ временъ постепенно становится и все наростаетъ разнородность: люди индивидуализируются и научаются сами управлять собою. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они станутъ давать другимъ помыкать собою?

* * *

А между тѣмъ анархистическое пониманіе жизни вовсе не имѣетъ основаніемъ, какъ это легко можно было бы подумать (да какъ, впрочемъ, весьма многіе и думаютъ), гипотетическое „естественное состояніе“ человѣка въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Гоббсъ, Спиноза, Руссо и и другіе философы XVIII вѣка. Анархисты вовсе не задаются цѣлью разрушать общество, такъ какъ вѣдь общество

есть добровольное порожденіе человѣческой природы. Они понимаютъ, что общество есть самая настоятельная потребность человѣка, требующаго его какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, что общество—это предпосылка, первичный фактъ, что оно зародилось раньше всякаго соглашенія и всякаго захвата власти, что оно является современникомъ самаго рода человѣческаго. Въ изолированномъ видѣ человѣкъ не жилъ никогда, настолько не жилъ, что въ сущности человѣкъ и начинаетъ только заслуживать этого имени съ тѣхъ поръ, какъ на извѣстной территоріи закончилась эволюція цѣлаго большого количества живыхъ индивидуумовъ. Анархисты ополчаются лишь противъ необходимости существованія того паразитнаго организма, который носитъ названіе государства и который, по ихъ мнѣнію, навязанъ особямъ, образующимъ общество, исключительно путемъ насильственныхъ актовъ. Дѣйствительно, анархисты увѣряютъ, что государство ни на чемъ иномъ, кромѣ насилія, держаться не можетъ. Они не желаютъ признавать въ государствѣ ни отеческой власти, какъ это дѣлаетъ Спиноза, ни договорной ассоціаціи Руссо; они скорѣе видятъ въ немъ проявленіе права сильнаго, на что указывалъ Гоббсъ. Какъ можно вѣрить, спрашиваютъ они съ изумленіемъ, въ существованіе общественнаго договора, результатомъ котораго являлось бы государство? Если бы подобный договоръ дѣйствительно существовалъ, то къ чему служили бы тогда мѣры принужденія и карательные законы, безъ которыхъ еще ни одно государство до сихъ поръ не сумѣло обойтись? Допустивъ даже, съ другой стороны, что подобный договоръ могъ бы состояться, онъ все-таки былъ бы обязателенъ лишь для тѣхъ, кто добровольно вошелъ въ соглашеніе, кто сознательно и свободно принялъ его. Самъ Руссо не скрывалъ отъ себя этого крупнаго затруд-

ненія и справедливо указываетъ на то, что человѣкъ не вправѣ распоряжаться своимъ потомствомъ.

Такимъ образомъ, по убѣжденію самого отца демократіи, вопросъ о государствѣ въ каждомъ поколѣніи долженъ былъ бы быть поставленъ на очередь. Отсюда, по мнѣнію анархистовъ, слѣдуетъ, что государство, простирая свое вліяніе за строго предначертанныя рамки договора (допустимъ, что такой договоръ дѣйствительно состоялся), покоится на самовольномъ захватѣ власти.

Всѣ анархисты согласны въ томъ, что главной задачей ихъ является опроверженіе соціальной необходимости власти. Ученіе ихъ естественно предполагаетъ существованіе общества, члены котораго должны обладать правомъ улаживать свои дѣла такимъ образомъ, чтобы всякая возможность конфликта ихъ съ другими людьми была устранена. Нѣкоторые анархисты увѣряютъ, что особи должны черпать эту силу въ вѣчномъ законѣ индивидуальнаго счастья; другіе обосновываютъ ее на совершенно добровольномъ обязательствѣ уважать права другого. Третьи, наконецъ, видятъ ее въ самоотреченіи, въ произвольной преданности людей другъ другу. По-моему, очень трудно опредѣлить во всѣхъ мелочахъ практическія программы различныхъ анархистическихъ доктринъ.

Все, что можно сказать о нихъ, сводится къ тому, что всѣ онѣ одинаково разсчитываютъ на подавленіе государства, что является первымъ условіемъ осуществленія въ будущемъ лучшаго соціальнаго строя. Экономическія и соціальныя явленія, оказывающіяся результатомъ современной организаціи общества, занимаютъ анархистовъ въ гораздо меньшей степени. Напрасно станемъ мы въ сочиненіяхъ писателей-анархистовъ искать положительныхъ и особенно детальныхъ данныхъ о томъ, что должно быть въ будущемъ обществѣ, когда будетъ ниспровергнутъ современный строй

насилія; и, по правдѣ сказать, трудно было бы и требовать отъ анархистовъ, чтобы они нарисовали намъ типъ организаціи, разъ они такіе явные враги всякой предрѣшенной и навязанной организаціи.

Разъ уже все зло, отъ котораго мы страдаемъ теперь, происходитъ отъ недостатка свободы, то, конечно, одна лишь свобода дастъ намъ и исцѣленіе. Потому предсказанія ихъ, по преимуществу, отрицательнаго свойства; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что отрицаніе въ этомъ случаѣ пріурочивается къ одному лишь принципу, къ принципу власти, до сихъ поръ исключительно опирающейся на томъ предразсудкѣ, будто люди, будучи предоставлены сами себѣ, не сумѣютъ устроить свою жизнь сообразно общему интересу, но, напротивъ, будутъ угождать лишь своему личному благополучію.

Веньяминъ Р. Тёкеръ, система котораго будетъ изложена на послѣдующихъ страницахъ, является почти единственнымъ теоретикомъ анархизма, осмѣлившимся практически и методически, одинъ за другимъ, разобрать всѣ различные вопросы, которые занимаютъ наше время. Что касается другихъ, работы которыхъ пользуются общею извѣстностью, то я не считаю нужнымъ разбирать ихъ идеи; мнѣ достаточно будетъ указать на основанія этихъ идей, которыя въ общемъ, какъ я уже сказалъ, сводятся къ полному отрицанію принципа власти. Каждый по своему толкуетъ тѣ слѣдствія, которыя воспослѣдуютъ изъ крушенія государства; каждый, съ другой стороны, владѣетъ секретомъ добиться этого крушенія, и средства эти то насильственныя, то мирныя, то они сводятся къ пассивному сопротивленію, то къ прямой проповѣди открытаго возстанія.

Къ несчастію, соціологія не имѣетъ возможности контролировать правдивость или даже вѣроятность анархистическихъ системъ, такъ какъ исторія намъ толкуетъ только

лишь о господахъ и рабахъ, о государяхъ и ихъ подданныхъ, о правящихъ и управляемыхъ. Но въ ожиданіи того времени, когда эти системы будутъ осуществлены на практикѣ, мы тѣмъ не менѣе можемъ все-таки удивляться глубокой вѣрѣ анархистовъ въ способность человѣческой природы совершенствоваться, изъ чего, по ихъ мнѣнію, когда-нибудь дѣйствительно наступитъ истинное равенство. Въ этомъ отношеніи идеи ихъ, несомнѣнно, имѣютъ въ себѣ много положительнаго; вѣдь всѣ наиболѣе блестящія завоеванія человѣка явились естественнымъ плодомъ свободы; ихъ соціальная полезность, ихъ цивилизаторская мощь опредѣляются степенью независимости ихъ творцовъ отъ окружавшей ихъ среды, и нерѣдко къ побѣдѣ приводило именно возстаніе противъ среды, на которое шли эти творцы. Потому крушеніе власти и государства не должно смущать прогрессъ. Если правда, а по мнѣ это несомнѣнно, что всякій прогрессъ основанъ на отрицаніи точки своего отправленія, то человѣчеству, конечно, не приходится бояться тѣхъ отрицаній, на которыя рѣшается анархія. Во всякомъ случаѣ мнѣ казалось бы обиднымъ ждать для человѣчества рѣшительно всего отъ демократизма и парламентаризма. Горизонты человѣческой жизни не имѣютъ границъ, а исторія учитъ насъ, что самыя передовыя состоянія до сихъ поръ были только лишь этапами, только точками отправленія.

Поэтому не будемъ же смущаться, если поэтъ теперь повторитъ намъ то, что онъ говорилъ человѣку, съ изумленіемъ остановившемуся на порогѣ XIX вѣка:

На небо посмотри, гляди: оно сіяетъ.
На вѣка новаго зарѣ я съединилъ
Красоты утренней и той, что, умирая,
Грядущаго завѣтъ сулитъ найти.
(Regarde vers le ciel et vois comme il se dore:
J'ai mis sur l'horizon du siècle nouveau né
Des splendeurs du couchant et des lueurs d'aurore).

ГЛАВА I.

Причины и формы революціонныхъ дѣйствій въ Соединенныхъ Штатахъ.

Характеръ американской демократіи. — Она не сумѣла помѣшать образованію монополій. — Подавляющее господство богатаго класса въ Соединенныхъ Штатахъ. —Движеніе протеста противъ монополій американскаго народа. — Три различныхъ проявленія этого движенія.—Воюющій соціализмъ. Соціальный мистицизмъ. Коммунистическія общества. Brotherhood of the cooperative coommonwealth (Братство кооперативнаго міра). — Анархистическое движеніе.—Интеллектуальные анархисты.—Анархисты-революціонеры.

Наиболѣе тяжкое обвиненіе, бросаемое анархистами политической власти, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, сводится, какъ я уже раньше высказалъ, къ тому, что она покровительствуетъ образованію монополій и привилегій и, стало быть, мѣшаетъ установленію истиннаго равенства между людьми. Обвиненіе это кажется анархистамъ тѣмъ болѣе основательнымъ, что демократія, съ виду какъ будто бы построенная на идеѣ равенства, не сумѣла сдержать своихъ обѣщаній: разъ она не отказывается, говорятъ они, отъ принципа власти, она уже заключаетъ въ себѣ зародышъ своего будущаго соціальнаго безплодія.

Необходимо дать себѣ полный отчетъ въ силѣ анархистской критики и для этого, прежде всего, слѣдуетъ оцѣнить

практическое значеніе завоеваній демократіи. Въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты Сѣверной Америки представляются совершенно исключительно благопріятнымъ полемъ для наблюденій, такъ какъ эта страна является наиболѣе яркимъ представителемъ демократическаго начала.

Американская демократія отличается той характерной особенностью, что изслѣдователь можетъ изучать ее въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ внѣшнихъ наслоеній, кромѣ, конечно, какихъ-нибудь побочныхъ воздѣйствій стараго режима, переданнаго туда развѣ по наслѣдству. Сословія, отличавшія дореволюціонную Европу, американскому обществу остались неизвѣстными. Въ Америкѣ никогда не было ни феодальной системы, ни крѣпостного права. Рабское положеніе негровъ, прекратившее свое существованіе въ 1865 году, вовсе не являлось существеннымъ моментомъ соціальной жизни, а представляло собою лишь переходное явленіе, остававшееся совершенно чуждымъ политической и соціальной организаціи. Американское общество съ рожденія своего было демократичнымъ и ему не представляетъ никакого труда и остаться такимъ, такъ какъ не приходится бороться ни съ какими пережитками власти феодаловъ и не предпринимать походовъ противъ какихъ бы то ни было вѣками пустившихъ корни порядковъ или традицій. Въ этомъ-то кроется неоспоримое преимущество американской демократіи передъ европейскими, надстроенными, въ общемъ, надъ обществомъ, еще не освободившимся, въ концѣ концовъ, отъ кастовыхъ привилегій.

Сколько бы мы, европейцы, ни увѣряли, что освободились отъ древнихъ установленій, они все еще продолжаютъ играть въ нашей жизни большую, чтобы не сказать, главную роль. Дворянство, духовенство, армія, три классическія касты стараго порядка, въ общемъ, за малыми измѣненіями, сохраняютъ свое прежнее привилегированное положеніе. И

это наблюдается не только въ монархическихъ странахъ, гдѣ онѣ являются естественнымъ оплотомъ королевскаго или императорскаго величества, но даже въ республикахъ. По правдѣ сказать, внѣшнія формы управленія не болѣе выражаютъ въ настоящее время внутреннее содержаніе государствъ, чѣмъ костюмъ—личность того, кто его носитъ. Поэтому республики нерѣдко идутъ на помочахъ у монархій, и достаточно, чтобы президентъ проявилъ симпатіи къ аристократизму, и тотчасъ же старыя касты начинаютъ получать вліяніе, которое они стараются, впрочемъ, скрыть подъ маскою подчиненія общему для всѣхъ закону.

Въ Соединенныхъ Штатахъ ни дворянство, ни духовенство, ни армія никогда не играли въ прошломъ никакой роли. Дворянства никогда не существовало; духовенство не имѣетъ никакихъ прерогативъ, какъ сословіе, и можетъ пользоваться вліяніемъ лишь при посредствѣ отдѣльныхъ личностей. Армія всегда была послушнымъ орудіемъ государства. И тѣмъ не менѣе, несмотря на абсолютную чистоту американской демократіи, мы не можемъ утверждать, что она сумѣла совершенно помѣшать возникновенію и даже благополучному существованію привилегій. Мнѣ представляется излишнимъ въ тысячный разъ повторять здѣсь характерныя особенности демократическихъ учрежденій Сѣверной Америки. Я ограничусь простой ссылкой на статистическія данныя и не для того, чтобы пользоваться ими какъ матеріаломъ для обвиненія, а лишь исключительно съ цѣлью объяснить, сколь возможно, то движеніе недовольства, которое все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ проявляться въ рядахъ американскихъ рабочихъ и направлено противъ хода политической жизни ихъ родины.

Англійскій поэтъ и философъ Попъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ политическую партію: „The madness of the many for the gain of the few“,—безуміе большинства на

пользу немногихъ. Это опредѣленіе приняло въ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе унизительную свою форму. Именно благодаря партіямъ слово „плутократія" приняло здѣсь свой точный и рѣшительный смыслъ. Ни въ одной странѣ сила денегъ, „money power", не даетъ себя знать въ такой мѣрѣ, какъ именно въ Соединенныхъ Штатахъ. Американскій народъ является, несомнѣнно, жертвою эксплоатаціи бѣдныхъ богатыми, работниковъ работодателями. Скопленіе большихъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ, это типичное для Соединенныхъ Штатовъ явленіе, оказывается неистощимымъ источникомъ общественной деморализаціи. Извѣстно, какъ быстро и въ какихъ огромныхъ размѣрахъ совершился этотъ процессъ концентраціи капиталовъ въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ гражданской войны.

Согласно оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Moody's Manual of corporation securities за 1902 г., къ концу этого года насчитывалось 850 синдикатовъ съ общимъ капиталомъ въ 9,425,000,000 долларовъ; и это только въ одной лишь области промышленности, такъ какъ, если бы причислить сюда и желѣзныя дороги, то общій капиталъ возросъ бы до 15 милліардовъ. Въ общемъ средній капиталъ каждой такой промышленной корпораціи составлялъ болѣе 11 милліоновъ долларовъ. Съ другой стороны, владѣльцевъ или акціонеровъ этихъ 850 трестовъ насчитывалось 330,457, и, стало быть, на каждаго въ среднемъ приходится капиталъ въ 28,590 долларовъ. Къ несчастію, однако, болѣе 6 милліардовъ сконцентрировалось въ рукахъ 400 лицъ, между тѣмъ какъ на долю остальныхъ приходится всего 3 милліарда; въ среднемъ это составляетъ капиталъ въ 15 милліоновъ долларовъ на каждаго изъ 400 акціонеровъ и, съ другой стороны, ничтожную частицу въ 9,000 долларовъ на каждаго изъ остальныхъ 330,000 акціонеровъ.

Принимая даже самую низшую оцѣнку акцій и облигацій

трестовъ, мы не можемъ не прійти къ выводу, что лишь небольшая кучка богачей монополизируетъ значительную часть богатствъ страны. Журналъ New-Iork Tribune въ октябрѣ 1897 г. опубликовалъ списокъ 4.047 американскихъ милліонеровъ, фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, которымъ вмѣстѣ принадлежитъ болѣе 12 милліардовъ долларовъ, т.-е. въ среднемъ на каждаго приходится около 15 милліоновъ франковъ, и въ общемъ они владѣютъ пятою частью всѣхъ богатствъ страны.

Соединенные Штаты въ одно и то же время и промышленная и земледѣльческая страна. Однако, хотя земледѣліе играетъ здѣсь все еще большую роль, можно, тѣмъ не менѣе, безъ риска ошибки утверждать, что промышленность начинаетъ постепенно все болѣе и болѣе главенствовать. Дѣйствительно, внѣшняя торговля государства продуктами земледѣлія за 20 лѣтъ увеличилась на 34 процента, между тѣмъ какъ мануфактурныхъ товаровъ отпускается теперь примѣрно въ $2^1/_2$ раза болѣе. Конечно, это явленіе приходится приписать частью самому развитію американской промышленности, которая теперь поглощаетъ почти цѣликомъ всѣ сырые продукты своего земледѣлія, уменьшая, такимъ образомъ, ихъ вывозъ по сравненію съ тѣмъ, что было 20 лѣтъ назадъ, однако, въ общемъ, нельзя все-таки отрицать, что промышленность въ Америкѣ развивается скорѣе земледѣлія.

Въ самомъ дѣлѣ, развитіе промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ, начиная съ 1860 года, достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ. Легче всего въ этомъ убѣдиться, глядя на таблицу, помѣщенную въ оффиціальномъ Census за 1900 годъ *).

*) Я заимствую эти цифры изъ Report for manufacturing industries, составляющаго часть Census (отчета) за 1900 г. Кромѣ того, я и здѣсь и ниже буду пользоваться прекрасными изслѣдованіями надъ этимъ, Census, изданными г. Пьерръ Леруа-Болье въ l'Economiste français за 1903 г.

	1860.	1880.	1890	1900.
Число промышленныхъ заведеній	140.433	253.852	355.415	512.339
Капиталъ	1.010	2.790	6.525	9.835
Число оплачиваемыхъ служащихъ	—	—	461.009	397.174
Вознагражденіе имъ . .	—	—	392	404
Среднее число рабочихъ	1.311.246	2.732.595	4.251.613	5.316.598
Заработная плата . . .	379	948	1.891	2.323
Число взрослыхъ рабочихъ	1.040.349	2.019.035	3.327.042	4.116.610
Заработная плата . . .	—	—	1.659	2.021
Число взрослыхъ работницъ	270.897	531.629	803.686	1.031.609
Заработная плата . . .	—	—	215	282
Число дѣтей (моложе 16 лѣтъ)	—	—	120.885	168.583
Заработная плата ихъ .	—	—	17	26
Различные расходы . .	—	—	631	1.028
Цѣнность матеріала . .	1.032	3.397	5.162	7.348
Цѣнность произведенныхъ товаровъ, въ томъ числѣ принять во вниманіе ремонтъ .	1.886	5.370	9.372	13.019

Всѣ цифры въ милліонахъ долларовъ; долларъ равняется 5,18 франка или 1 р. 94 к.

Ограничиваясь только сравненіемъ цифръ за годы 1890 и 1900, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

Число оплачиваемыхъ работниковъ въ 1890 . .	4.251.613	долл.
„ „ „ „ 1900 . .	5.316.598	„
Увеличеніе составляетъ 25,2% . .	1.064.985	
Вознагражденіе въ 1890	1.891.228.321	долл.
„ „ 1900	2.323.407.257	„
Увеличеніе составляетъ 22,7% . .	432.178.936	долл.
Средній заработокъ въ 1890	448	долл.
„ „ „ 1900	437	„
Уменьшеніе 2,5% .	11	долл.

И вотъ что получается, если сопоставить цѣнность полученныхъ товаровъ:

Общая цѣнность ихъ за 1890	9.372.837.283	долл.
" " " 1900	13.019.251.614	"
Увеличеніе 39%	3.646.414.331	долл.

И вотъ оказывается, что весь этотъ огромный приростъ цѣнности пошелъ исключительно въ пользу капитала. Мы можемъ даже сопоставить часть, пошедшую на капиталъ, на пріобрѣтеніе сырья и общихъ расходовъ, и получимъ слѣдующее:

1890.

		Доллары.
Цѣнность мануфактурныхъ издѣлій . . .		9.372.437.283
Стоимость сырыхъ продуктовъ	5.162.044.076	
Общіе расходы, въ томъ числѣ % на капиталъ и погашеніе машинъ	631.225.035	
		5.793.269.111
Общая прибыль		3.579.168.172
Заработная плата 52,7% . . .		1.891.228.321
Чистая прибыль, доставшаяся капиталу 47,3% . . .		1.687.939.851

1900.

		Доллары.
Цѣнность мануфактурныхъ издѣлій . . .		13.019.251.614
Отсюда вычесть:		
Стоимость сырья	7.349.916.030	
Общіе расходы, въ томъ числѣ проценты на капиталъ и погашеніе машинъ . . .	1.028.558.653	
		8.378.474.683
Валовой доходъ		4.640.776.931
Заработная плата 50,2% . . .		2.323.407.257
Чистая прибыль на капиталъ 49,8% . . .		2.317.369.674

Такимъ образомъ, трудъ потерялъ $2^1/_2$ процента, что, впрочемъ, можно было замѣтить уже и выше, сравнивая общую сумму заработной платы за эти двѣ эпохи. Годы 1901 и 1902 не обнаруживаютъ измѣненій въ распредѣленіи прибыли. Напротивъ того, можно сказать, что заработная плата продолжаетъ постепенно падать, между тѣмъ какъ капиталъ извлекаетъ изъ предпріятія все болѣе и болѣе прибыли.

Однако, это явленіе покажется еще гораздо рельефнѣе, если принять въ соображеніе, какъ сильно дорожаетъ жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Согласно извѣщеніямъ, публикуемымъ департаментомъ (министерствомъ) труда, покупная стоимость доллара была въ 1890 году гораздо выше, чѣмъ въ 1902 г. Въ 1890 году на долларъ можно было купить гораздо больше мяса, ветчины, солонины, овощей, сыру, яицъ, соли, перцу, чаю, угля, керосину, мебели и посуды, чѣмъ въ 1902 году. Съ другой стороны, вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ признается также и Г. Каролемъ Д. Райтомъ, комиссіонеромъ труда (M. Caroll D. Wright, Commissioner of labor—нѣчто вродѣ министра труда), въ его отчетѣ президенту Рузвельту относительно стачки угольщиковъ въ Пенсильваніи, опубликованномъ въ 1902 г. Съ іюля 1897 г. по іюль 1902 г. цѣна на необходимѣйшіе жизненные припасы въ Соединенныхъ Штатахъ возросла, согласно указаніямъ въ Dun's Rewiew, на 27 процентовъ. Wall steet journal точно также устанавливаетъ увеличеніе на 36 процентовъ съ января 1896 по январь 1903 года.

Въ общемъ стоимость мануфактурныхъ товаровъ вездѣ значительно возросла, напр., начиная отъ 16, 6% въ Массачузетсѣ и до 109, 6% во Флоридѣ.

Я вовсе не задаюсь цѣлью собрать доказательства для установленія роковыхъ тенденцій современнаго индустріализма. Я только указываю на рядъ фактовъ, которые заставляютъ относиться къ демократическимъ учрежденіямъ

Соединенныхъ Штатовъ очень подозрительно. Тѣмъ болѣе подозрительны они въ глазахъ американскихъ рабочихъ, которые склонны приписывать все увеличивающееся благосостояніе капиталистовъ и концентрацію матеріальныхъ благъ дружественному содѣйствію общественныхъ учрежденій. Колоссальныя состоянія нѣсколькихъ тысячъ привилегированныхъ, которые эксплоатируютъ рабочую силу массы, не могли бы составиться только подъ вліяніемъ свободной игры естественнаго порядка вещей. Начиная съ муниципальныхъ льготъ и кончая ультра-протекціонными таможенными тарифами, общественныя власти предоставили немногимъ то, что должно было бы принадлежать всѣмъ. Государство было куплено за деньги. Трёсты (trust = синдикатъ) покупали оптомъ и въ розницу и законы, и покровительственныя пошлины, и всякаго рода льготы вообще. Въ Соединенныхъ Штатахъ ничто не можетъ противостоять туго набитой мошнѣ. Политическія партіи формировались не во имя общихъ интересовъ, а для достиженія частныхъ выгодъ. Въ этомъ, впрочемъ, кроется недостатокъ всѣхъ вообще демократій, однако въ Соединенныхъ Штатахъ это зло болѣе бросается въ глаза, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Для показанія несомнѣнно искусственнаго характера американскаго протекціонизма мы можемъ воспользоваться неоспоримымъ доказательствомъ: вѣдь этотъ протекціонизмъ давно уже пересталъ быть дѣйствительно оборонительнымъ средствомъ для мѣстной промышленности; напротивъ того, онъ сталъ тисками въ рукахъ капиталистовъ, которые навязываютъ внутреннему покупателю товаръ по высокой цѣнѣ, гораздо болѣе высокой, чѣмъ ему пришлось бы платить иностранцу. Хотя чрезвычайно трудно добыть точныя свѣдѣнія относительно разницы въ цѣнѣ, которую приходится переплачивать американскому потребителю, однако комитетъ демократической партіи Вашингтонскаго конгресса сумѣлъ

	Единицы товара.	Вывозная стоимость.	Цѣна въ Соединенныхъ Штатахъ.	Разница въ %.
		Доллары.	Доллары.	
Генераторы для ацетиленоваго газа: Colt. 10 свѣчей	1	40,00	55,00	37
Пистоны: B. B. круглые	1.000	1,03	1,49	43
Centr. fire, 32 long, Colt's	1.000	6,48	9,00	40
Rim fire, 22 long	1.000	2,16	3,00	39
Primed shells, 22 short	1.000	0,72	1,53	112
Бура: мѣстная	фунтъ	0,025	0,0775	210
Каменный уголь	тонна	55,00	70,00	27
Сбруи: „Tojan" loop, 1¹/₈ in	гроссъ	2,40	3,23	35
„Derby" loop, 1 in	„	1,68	2,24	36
„Jankee" roller 1¹/₂ in XC. breast strap.	„	1,00	1,37	37
Свинецъ: Pfg	100 фунтовъ	2—2,5	3,975	58—98
Рѣзаки для мясниковъ: Entreprise № 5	штука	0,75	1,04	39
» № 10	„	1,14	1,56	37
» № 22	„	1,51	2,08	38
» № 32	„	2,25	3,12	38
Гвозди: нормальная цѣна	100 фунтовъ	1,30	2,05	58
Рояли: Bradbury	штука	300,00	375,00	25
Игральныя карты: U. S. Praying Card Co Bicycle	гроссъ	12,35	25,65	108
Порохъ: Duck. in canister. lb.	фунтъ	0,375	0,45	20
Duck. in 25-lb. kegs.	„	0,246	0,32	30
Indian rifle, in 25-lb. kegs, FF. S. etc.	„	0,116	0,16	37
Smokless, in 25-lb. kegs	„	0,378	0,48	27

Водопроводныя трубы 10 дюйм.	дюжина	1,18	[illegible]	[illegible]
» 12 »	»	1,28	1,60	25
» 14 »	»	1,39	1,75	26
» 16 »	»	1,50	1,85	23
Кованное желѣзо: B. B. въ ящикахъ	фунтъ	$2^3/_4$—$3^3/_8$	$3^1/_2$—4	25
Пилы: ленточныя $2^1/_2$ дюйм. gauge 18	футъ	0,21	0,34	62
10 дюйм. gauge 18	»	1,25	1,54	23
ручныя: № 12, 24 дюйм.	дюжина	14,82	18,04	22
» № 16, » »	»	11,97	14,57	22
» № 107, » »	»	10,83	12,30	13
Швейныя машины: № 1	штука	13,25	20,00	59
№ 4 или 9	»	17,46	25,00	43
Лопаты: Barter, socket strap.	дюжина	5,83—6,52	7,50—8,41	29
Rowland, plain back.	»	5,12—5,83	6,75—7,00	29
Оловянныя пластины	100 фунтовъ	3,19	4,19	31
Пишущія машины	штука	55—65	100,00	54—82
Проволока barbed, гальваниз.	100 фунтовъ	2,25	2,90	29
полированная	»	1,86	2,60	40
Заостренная проволока, гальваниз.	»	1,375	2,00	45
Gauge 4—9	»	1,54	2,70	75
» 10—11	»	1,62	2,97	83
» 12	»	1.76	3,10	76
» 13—14	»	1,81	3,37	85
» 15—16	»	2,08	3,78	81
» 17	»	2,46	4,05	65
» 18	»	2,63	4,32	64
Металлическій канатъ: гальван. $2^1/_4$ дюйм.	100 футъ	3,12	9,70	211
1 дюйм.	»	0,72	2,60	264

все-таки достать достаточно краснорѣчивыя данныя. Я заимствую ихъ изъ American free trade Almanach, опубликованнаго лигою свободной торговли въ Бостонѣ, гдѣ помѣщена слѣдующая таблица (стр. 62—63).

Такимъ образомъ, благодаря тому, что государство любезно предоставляетъ капиталистической концентраціи въ распоряженіе таможенные тарифы, оно можетъ превосходно грабить мѣстнаго потребителя.

Впрочемъ, постепенно увеличивающаяся концентрація богатствъ проявляется также и въ земледѣліи. Число фермеровъ (cash tenants) и мелкихъ арендаторовъ, сидящихъ на небольшихъ участкахъ (share tenants), постепенно наростаетъ насчетъ собственниковъ (owners), какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ:

Распредѣленіе различныхъ способовъ эксплуатаціи земли въ 1880, 1890 и 1900 годахъ.

	Собственники.	Фермеры.	Арендаторы.	Пропорціи въ % С.	Ф.	А.
1880	2.984.306	322.357	702.244	74.5	8	17.5
1890	3.269.728	454.659	840.254	71.6	10	18.4
1900	3.713.371	752.920	1.272.366	64.7	13.1	22.2

Дѣйствительно, на основаніи бюллетеня американскаго земледѣлія, приложеннаго къ Census за 1900 г., можно вывести слѣдующій прогрессивный ростъ фермерства и арендаторства:

РАСХОДЪ ФЕРМЕРСКАГО И АРЕНДНАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ.

Штаты и территоріи.	Процентное отношеніе имѣній, эксплуатируемыхъ фермерами и арендаторами. 1880	1890	1900
1. Алабама	46,8	48,6	57,7
2. Аризона	13,2	7,9	{ 8,4 11,9
3. Арканзасъ	30,9	32,1	45,4
4. Калифорнія	19,8	17,8	23,1

Штаты и территоріи.	Процентное отношеніе имѣній, эксплуатируемыхъ фермерами и арендаторами.		
	1880	1890	1900
5. Колорадо	13,0	11,3	22,6
6. Коннектикутъ	10,2	11,5	12,9
7. Делавэръ	42,4	46,9	50,3
8. Округъ Колумбія	38,2	36,7	43,1
9. Флорида	30,9	23,6	26,5
10. Георгія	44,9	53,5	59,9
11. Айдэхо	4,7	4,6	8,7
12. Иллинойсъ	21,4	24,0	29,3
13. Индіана	23,7	25,4	28,6
14. Юва	23,8	28,1	34,9
15. Канзасъ	16,3	28,2	33.2
16. Кэнтеки	26,4	24,9	32,8
17. Луизіана	35,2	44,4	58,0
18. Мэнъ	4,3	5,4	4,7
19. Мэрилэндъ	31,0	31,0	33,6
20. Мэсечуветсъ	8,2	9,3	9,6
21. Мичиганъ	10,0	14.0	15.9
22. Минезота	9,2	12,9	17,3
23. Миссисипи	43,8	52,8	62,4
24. Миссури	27,3	26,8	30,5
25. Монтана	5,3	4,8	9,2
26. Небраска	18,0	24,7	36,9
27. Невада	9,7	7,5	11,4
28. Нью-Гэмпшайръ	8,1	8,0	7,5
29. Нью-Джэрсей	24,6	27,2	36,9
30. Нью-Мехико	8,1	4,5	9,4
31. Нью-Іоркъ	16,5	20,2	23,9
32. Сѣверная Каролина	33,5	34,1	41,4
33. Сѣверная Дакота	3,9	6,9	8,5
34. Огайо	19,3	22,9	27,5
35. Оклэгома	—	0,7	21,0
36. Орегонъ	14,1	12,5	17,8
37. Пенсильванія	21,2	23,3	26 0
38. Родъ-Айлэндъ	19,9	18,7	20,1
39. Южная Каролина	50 3	55 3	61,0
40. Южная Дакота	3,9	13.2	21 8
41. Теннеси	34,5	30,8	40,5
42. Техасъ	37.6	41,9	49,7
43. Юта	4,6	5,2	8,8
44. Вермонъ	13,4	14.6	14,5
45. Виргинія	29,5	26,9	30,7
46. Вашингтонъ	7,2	8 5	14,4
47. Западная Виргинія	19,1	17,8	21,8
48. Висконзинъ	9,1	11,4	13,5
49. Ійомингъ	2,8	4,2	7,6

Пожалуй, можно сказать,—по крайней мѣрѣ редакторы Census'а утверждаютъ это,—что пользованіе землею при помощи фермеровъ или арендаторовъ не очень-то зловѣщее явленіе, въ смыслѣ распредѣленія богатствъ, такъ какъ оно улучшаетъ культуру. Но, какъ бы тамъ ни было, результатъ тотъ, что на основаніи данныхъ цифръ можно несомнѣнно констатировать уменьшеніе числа прежнихъ собственниковъ на счетъ увеличенія новыхъ.

Въ 1902 г. особенно рѣзко проявилось отвращеніе публики къ большимъ финансовымъ операціямъ. Произошло это тѣмъ болѣе открыто, что финансовый міръ находился тогда въ состояніи постояннаго возбужденія благодаря стачкамъ углекоповъ Пенсильваніи, которыя приписывали упорству хозяевъ; страсти разожглись еще больше подъ вліяніемъ поведенія мясного синдиката (Beef trust), который всячески стремился удорожить пищу народа.

Что касается агитаціи этого Beef trust'а, то дѣйствительно ему удалось добиться своего—мясо вздорожало. Вотъ сравнительныя данныя, собранныя Commercial advertiser (за августъ—сентябрь 1902) въ Нью-Іоркѣ, касающіяся нью-іоркскаго рынка:

Товары.	Цѣны.		
	15 августа 1901	15 августа 1902	15 сентября 1902
Свинина (фунтъ) . .	9 центовъ	15 центовъ	17 центовъ
Солонина „ . .	16 „	20 „	26 „
Масло „ . .	22 „	28 „	31 „
Яйца (дюжина) . .	16 „	28 „	30 „

Положеніе мелкой буржуазіи и рабочаго класса становилось опаснымъ, тѣмъ болѣе, что и цѣны на другіе товары первой необходимости, по тому же экономическому закону, подымались въ той же пропорціи. Вотъ увеличеніе цѣнъ между 1897 и 1902 годами, установленное Бюро труда и

статистики (Bureau of labor and statistic) въ штатѣ Мэссечузетсъ:

Топливо возросло на	9,78%
Квартиры	52,43 „
Одежда	16,07 „
Пищевые продукты въ среднемъ . .	11,16 „

Рестораны Нью-Іорка увеличили свои прейсъ-куранты; одинъ изъ большихъ ресторановъ съ опредѣленными цѣнами, помѣщающійся на углу шестого бульвара и посѣщаемый главнымъ образомъ рабочими и приказчиками, поднялъ въ общемъ цѣны съ 25 до 36. Мясники Нью-Іорка устраивали собранія, гдѣ вырабатывали проектъ устройства большой бойни на кооперативныхъ началахъ для того, чтобы бороться съ непомѣрными аппетитами мясного синдиката. Къ несчастью, дѣло споткнулось о суровую дисциплину тѣхъ 8 обществъ, которыя хотѣли образовать эту комбинацію: въ силу этого ни одна голова скота не могла быть отправлена мясникомъ иначе, какъ черезъ тотъ же Beef trust. Всѣ журналы государства, за исключеніемъ органовъ большихъ финансовыхъ предпріятій, разоблачали странѣ злоупотребленія властью, которыя постоянно позволяли себѣ тресты. „Вечерній журналъ" (Evening Journal) между прочимъ помѣстилъ рисунокъ, который пришелся американской публикѣ очень по вкусу. Костлявая рука съ печатью доллара и надписью „Starvation trust—синдикатъ голода" крѣпко сжимаетъ горло дяди Сама (символъ янки), который, повидимому, уже совсѣмъ задыхается. Внизу подпись: „This would happen of trusts run on indefinitely without control—вотъ что будетъ, если тресты будутъ неуклонно, безо всякаго контроля, идти по своему пути". Другой разъ тотъ же журналъ помѣстилъ другой рисунокъ, успѣвшій точно также сдѣлаться очень популярнымъ: изображена картина, представляющая галльское племя, возвращающееся съ разбойничьяго похода, съ закованными плѣнниками

и т. п; передъ этой картиной сидитъ на креслѣ плѣшивый господинъ съ жаднымъ и черствымъ выраженіемъ лица; кругомъ него масса денегъ. Надпись подъ рисункомъ гласитъ: Trust baron: Their methods were primitive, but they understood the first principles of the gamee. — Директоръ треста: „методы ихъ были, правда, примитивны, но тѣмъ не менѣе общіе принципы игры уже не остались имъ чужды“.

Другіе журналы, въ свою очередь, также публиковали многочисленныя каррикатуры, болѣе или менѣе остроумныя и бившія все въ одну и ту же цѣль: показать и раскрыть дѣятельность трестовъ.

Съ другой стороны, и стачка угольщиковъ въ Пенсильваніи пролила достаточно свѣта на отношенія хозяевъ къ рабочимъ, съ одной, и къ всему американскому народу—съ другой стороны. 150.000 забастовщиковъ, находясь въ крайней нищетѣ съ женами и дѣтьми, требовали разбора своихъ притязаній третейскимъ судомъ. Они доказывали, что имъ невозможно на получаемое содержаніе жить такъ, какъ этого требуетъ достоинство американскаго гражданина (in a manner conformable to established american standard and consistent with american citizenship *). Г. Пирпонтъ Дж. Морганъ и другіе заправилы угольнаго синдиката (Coal railroad trust) о третейскомъ судѣ не желали и слышать. Они, очевидно, разсчитывали на колоссальный ростъ цѣны на антрацитъ, которая съ 3½ долларовъ за тонну дѣйствительно поднялась къ октябрю 1902 года до 23 долларовъ, пока, наконецъ, какъ извѣстно, самъ президентъ Рузвельтъ не вмѣшался въ это дѣло и не созвалъ арбитражной комиссіи.

*) Изъ петиціи, адресованной 8 мая 1902 года въ National civic federation Джономъ Митчелемъ, предсѣдателемъ Союза углекоповъ (United mine workers) и обнародованной въ Collier's illustrated weekly отъ 6 сентября 1902 г.

Смѣлость, которую компаніи проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ, презрѣніе ихъ къ законамъ и къ общественнымъ интересамъ заставили американскій народъ отнестись къ нимъ съ полнымъ недовѣріемъ. Народъ знаетъ, что „тресты" полные хозяева экономической и политической жизни штатовъ; всѣ власти государства находятся въ фатальномъ подчиненіи имъ. Правосудіе въ глазахъ бóльшей части народа оказывается обманомъ, а полиція считается простою прислугою этихъ новыхъ владыкъ. Развѣ событія, имѣвшія мѣсто при стачкахъ въ Питсбургѣ въ 1877 г., въ Гомстидѣ въ 1892, въ Чикаго въ 1892, могли изгладиться изъ памяти американцевъ вообще и всѣхъ, кто знаетъ исторію экономической борьбы въ XIX вѣкѣ, въ особенности? Какъ можно думать, говорю я, что подобныя несомнѣнныя соглашенія власти съ царями промышленности не могли оставить глубочайшаго слѣда въ душѣ всякаго американца? Послѣ пенсильванской стачки 1902 года проявленія дѣятельности власти приняли особенно острыя и насильственныя формы: судья Джонъ Дж. Джэксонъ изъ федеральнаго суда западной Виргиніи называлъ забастовщиковъ вампирами и произвольно сажалъ въ тюрьму углекоповъ по обвиненію въ характерномъ преступленіи „презрѣнія къ правосудію" (contempt of court). Судья Келларъ, изъ той же судебной палаты, вмѣнялъ въ преступленіе раздачу забастовщикамъ съѣстныхъ припасовъ. Съ другой стороны желѣзнодорожныя компаніи, подъ угрозою бойкота, запрещали цинциннатскимъ торговымъ домамъ продавать мясо союзу углекоповъ. И все это дѣлалось наперекоръ закону, который спеціально запрещаетъ чье бы то ни было вмѣшательство въ споры между капиталомъ и трудомъ.

Во время забастовки въ Чикаго, въ 1894 году, депутація стачечниковъ представила президенту Клевелэнду адресъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Мы апеллируемъ къ Вамъ, какъ къ главѣ правитель-

ства, которое мы желали бы называть своимъ и которое, на будущее время, мы твердо рѣшили называть своимъ. Мы обращаемся къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы указали намъ лучъ надежды на темномъ сводѣ политики, путеводную звѣзду, которая указала бы намъ путь, какъ освободить нашу страну, не прибѣгая притомъ къ насилію, отъ олигархическаго режима капиталистовъ". Президентъ Клевелэндъ ограничился, повидимому, тѣмъ, что велѣлъ принять петицію къ свѣдѣнію и положить ее подъ сукно. Да, впрочемъ, что бы онъ и могъ сдѣлать въ смыслѣ осуществленія петиціи рабочихъ? Однимъ словомъ съ тѣхъ поръ для американскихъ трудящихся массъ стало совершенно очевидно, что у него имѣется лишь правительство, повинующееся „приказу".

Г. Пирпонтъ Дж. Морганъ, который въ своемъ лицѣ „контролируетъ", по американскому выраженію, предпріятія съ общимъ капиталомъ, достигающимъ баснословной цифры въ 30.000.000.000 (30 милліардовъ) франковъ *), управляетъ стало быть, такимъ количествомъ денегъ, которое соотвѣтствуетъ всему количеству золота и серебра, которое въ настоящее время обращается въ мірѣ. И вотъ этотъ-то Г. Морганъ, повторяю, пользуется въ Соединенныхъ Штатахъ такимъ вліяніемъ, передъ которымъ значеніе президента государства оказывается ничтожнымъ **). А другіе милліардеры усердно помогаютъ ему топить въ безднѣ подкупа и низкопоклонства авторитетъ государства. Такимъ образомъ, старыя льготы

*) Цифра, конечно, не вполнѣ точная, такъ какъ цѣнности подвержены на биржѣ колебаніямъ, что, однако, ничуть не измѣняетъ важности самого экономо-политическаго вліянія этого явленія концентраціи.

**) Между тѣмъ вліяніе президента Соед. Шт. какъ конституціонной, а не парламентарной страны, гдѣ министры не отвѣтственны передъ парламентомъ, значительно сильнѣе, чѣмъ, напр., власть англійскаго и даже, пожалуй, венгерскаго короля.

Прим. перев.

и привилегіи возрождаются роковымъ образомъ, хотя и подъ новыми формами, лучше приноровленными къ современной политической организаціи. Иногда онѣ выражаются въ прямыхъ вылазкахъ противъ извѣстныхъ лицъ и состояній, но гораздо чаще онѣ проявляются въ косвенной эксплуатаціи общественнаго дѣла въ сторону удовлетворенія частныхъ домоганій и эгоистическихъ интересовъ. Онѣ легко проникаютъ въ высшія сферы правительства, такъ какъ ловко умѣютъ скрываться подъ личиною того или другого политическаго теченія. Вожделѣнія королей промышленности налагаютъ на огромное большинство гражданъ запретительныя права, изъ которыхъ только они и могутъ извлечь выгоду, но, конечно, могутъ всегда облечься въ форму какой-нибудь идеи. Взять, напр., президента Рузвельта; въ своемъ сообщеніи отъ 4 декабря 1902 года онъ начинаетъ съ того, что признаетъ „монополіи несправедливыми учрежденіями, которыя мѣшаютъ конкурренціи или парализуютъ ее; онѣ являются обманчивымъ излишествомъ капитализма“. Далѣе президентъ продолжаетъ: „другія бѣдствія, находящіяся въ связи съ образованіемъ трестовъ, и вообще всякія системы, оказывающія на внутреннюю торговлю государства вредное вліяніе, могутъ легко быть устранены конгрессомъ, если онъ задастся цѣлью регулировать торговлю съ иностранными государствами“. И вотъ, указавъ, такимъ образомъ, на весь вредъ монополій, президентъ отказывается, однако, допустить, какъ необходимое избавленіе отъ нихъ, возможность уничтоженія покровительственныхъ тарифовъ. Вотъ характерныя дальнѣйшія части его сообщенія:

„Уменьшеніе ввозныхъ тарифовъ явилось бы средствомъ, которое не имѣло бы никакого отношенія къ бѣдствіямъ, причиняемымъ синдикатами. Единственное отношеніе тарифовъ къ трестамъ въ общемъ сводится къ тому, что эти тарифы заставляютъ промышленность процвѣтать, и если бы

ихъ уменьшить, то только уменьшилась бы вмѣстѣ съ ними и промышленность. Мы должны поставить себѣ цѣлью не поощреніе иностранныхъ товаровъ, а развитіе нашей собственной торговли и сдѣлать это при помощи мудраго законодательства. Вопросъ о трестахъ вовсе не сливается съ вопросомъ о тарифахъ. Народъ вовсе не хочетъ даже касаться этого послѣдняго“.

Тутъ, въ этомъ сообщеніи, ясно замѣчается отсутствіе логическаго основанія, но зато очень хорошо просвѣчиваетъ забота о выборахъ 1904, на которыхъ Рузвельтъ выставилъ свою кандидатуру на постъ президента. Въ настоящее время Рузвельтъ, какъ и вообще та республиканская партія, знамя которой онъ несетъ, совершенно сросся съ великими промышленными предпріятіями; тѣмъ не менѣе онъ, подъ страхомъ скомпрометироваться на ближайшихъ выборахъ, долженъ дать хотя бы иллюзію удовлетворенія общественному мнѣнію, настроенному къ трестамъ враждебно. И вотъ онъ вырабатываетъ репрессивныя мѣры, но отлично знаетъ при этомъ, что онѣ не будутъ имѣть никакого рѣшающаго дѣйствія, такъ какъ происхожденіе монопольной власти трестовъ находится вовсе не тамъ, куда онъ какъ будто собирается ударить.

Опасность, конечно, заключается не въ трестахъ, если смотрѣть на нихъ, какъ на результатъ концентраціи промышленнаго производства. Концентрація эта можетъ имѣть, да навѣрно и имѣетъ, свои экономическія и техническія причины, которыхъ бояться не слѣдуетъ. Опасность кроется въ томъ привилегированномъ состояніи, въ которое попадаются промышленныя ассоціаціи благодаря покровительственнымъ тарифамъ, которые такъ усиливаютъ тресты, что обезпечиваютъ за ними полное господство на рынкѣ.

Вотъ, въ дѣйствительности, въ какомъ видѣ предста-

вляется въ Соединенныхъ Штатахъ опасность капиталистической концентраціи.

Протестъ американскаго народа противъ плутократическихъ притязаній выразился въ трехъ различныхъ формахъ: въ воинствующемъ соціализмѣ, соціальномъ мистицизмѣ и въ анархистическомъ движеніи. Я задался въ своей книгѣ очертить въ главныхъ штрихахъ только это послѣднее; однако, я считаю небезполезнымъ вкратцѣ напомнить главныя характерныя черты и первыхъ двухъ движеній, такъ какъ онѣ дадутъ намъ возможность пролить больше свѣта и на истинную природу анархистическаго движенія.

Воинствующій соціализмъ.

Нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что соціализмъ является въ Америкѣ „заноснымъ товаромъ—an imported article"; это будетъ пожалуй вѣрно по отношенію къ соціалистической пропагандѣ, но окажется совершенно неправильнымъ, поскольку касается самихъ соціалистическихъ или коллективистическихъ идей. Одинъ американскій писатель, Р. Скайдморъ, въ 1829 г. опубликовалъ въ Нью-Іоркѣ книгу подъ заглавіемъ „Права человѣка на счастье—The rights of man to property"; въ этой книгѣ онъ даетъ настолько полный планъ коллективистической организаціи, насколько его только и можно было представить на основаніи всей европейской литературы подобнаго рода. Но въ это время экономическія условія американскаго общества не были еще въ состояніи способствовать осуществленію подобнаго ученія въ жизни, такъ какъ черные рабы обезпечивали тогда бѣлымъ эксплоататорамъ полное благосостояніе. Поэтому исторія соціализма съ Соединенныхъ Штатахъ начинается лишь съ 1850 года, послѣ того какъ сюда прибыла масса европейскихъ изгнанниковъ и поселилась въ сѣверныхъ, промыш-

ленныхъ штатахъ, гдѣ рабство начало уже вырождаться и гдѣ предпочитались рабочія руки бѣлаго. Вначалѣ почти всѣ члены партіи рекрутировались изъ нѣмцевъ; они образовали; соціалистическіе союзы въ Филадельфіи, Бостонѣ, Нью-Іоркѣ и Бальтиморѣ. Но число ихъ было очень невелико и вліяніе ничтожно, да и проявлялось-то оно только въ тѣсномъ кругу различныхъ нѣмецкихъ колоній. Съ другой стороны, и война за освобожденіе сразу же прекратила ихъ пропаганду. Только въ 1872 году, когда въ Нью-Іоркъ перенесъ свою резиденцію Интернаціоналъ послѣ гаагскаго конгресса, имѣвшаго мѣсто въ 1872 г., соціалистическая партія вновь ожила и могла расширить кругъ своей дѣятельности. Интернаціоналъ погибъ, но принципы его остались живы, распространились по американской почвѣ благодаря массѣ выходцевъ изъ Германіи, которые должны были оставить свое отечество вслѣдствіе притѣсненій желѣзнаго канцлера. Въ 1878 году силы соціалистовъ сгруппировались въ 3 большія ассоціаціи:

1) The International working people's Association (Интернаціональная ассоціація рабочаго люда).

2) The International workmen's Association (Интернаціональная ассоціація рабочихъ).

3) The Socialist labor Party (Соціалистическая рабочая партія).

Первыя двѣ были революціонными: онѣ прежде всего разсчитывали на насиліе и на кровопролитіе; впрочемъ объ этомъ рѣчь впереди.

Socialist labor Party заключала въ себѣ умѣренныхъ соціалистовъ. Въ 1884 году она имѣла 50 секцій и 780 платящихъ группъ. Въ 1888 году партія выдвинула кандидата на постъ президента, но получила только 2068 голосовъ. Послѣ этой безплодной попытки, въ ассоціаціи начался расколъ между двумя главными теченіями, имѣвшими въ ней своихъ

представителей. Одна половина толкала партію на путь политики, другая противодѣйствовала этому. Въ результатѣ партія разбилась дѣйствительно на двѣ фракціи — Нью-Іоркскую и Клевелэндскую. Первая сохранила названіе Socialist labor Party, другая приняла кличку Social Democratic Federation (Соціалъ-демократическая федерація). Socialist labor Party осталась, однако, единственной соціалистической организаціей въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, которая могла претендовать на нѣкоторое вліяніе. Она создала систему Trade-Unions (традъ-юніонъ—рабочій союзъ), совокупность которыхъ называется Socialist trades and labor Alliance, которое въ настоящее время представляетъ собою организацію людей, не вполнѣ объединенныхъ въ идейномъ отношеніи.

Populism, Nationalism и Single Taxer movement (движеніе въ пользу общей оцѣнки) были только случайными явленіями и затѣмъ уже совершенно поглощаются соціалистическимъ движеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которое, въ настоящее время, послѣ разногласій, имѣвшихъ мѣсто между ними и Socialist trade and labor Alliance, представлена новой, вѣрнѣе, обновленной организаціей, носящей простое названіе „Соціалистической партіи".

Соціалистическую партію приходится разсматривать не какъ рабочую организацію, подобно тому, какъ это наблюдается, напр., въ Бельгіи, гдѣ изъ нея возникаютъ разнообразныя и очень многочисленныя кооперативныя учрежденія. Нельзя ея также отождествлять съ ассоціативнымъ движеніемъ, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи. Американская соціалистическая партія представляетъ собою чисто соціальную тенденцію, нѣчто вродѣ интеллектуальной и моральной группировки гражданъ, раздѣляющихъ одинаковые взгляды на собственность, государство и на распредѣленіе продуктовъ труда.

Партія пользуется въ качествѣ орудія пропаганды главнымъ образомъ прессою, но апостолы ея не пренебрегаютъ также и длинными публичными разсужденіями и диспутами, столь обычными въ Америкѣ. Ораторъ взбирается на импровизированную трибуну, читаетъ свое сообщеніе и проситъ слушателей задавать ему вопросы, на которые, конечно, и отвѣчаетъ. Къ концу собранія, и даже во время преній, присутствующихъ вѣжливо просятъ сообщать свои адреса и фамиліи. На другой день они получаютъ толстые пакеты съ соціалистическими брошюрами-памфлетами. Оффиціальная пресса партіи представлена шестью газетами: „The People“ (народъ—англійская), „Vorwärts“ (впередъ — нѣмецкая), „l'Avanti“ (впередъ—итальянская), „Swiatlo“ (свѣтъ—польская), „Arbetare“ (рабочій—датская), „Volks Tribune“ (трибуна народа—голландская). Всѣ онѣ издаются въ Нью-Іоркѣ. Газета The People выходитъ ежедневно, остальныя—разъ въ недѣлю. Однако, гораздо болѣе вліянія имѣетъ неоффиціальная пресса. Она захватываетъ примѣрно съ сотню ежедневныхъ газетъ или еженедѣльниковъ, на всевозможныхъ языкахъ, причемъ выходятъ онѣ во всѣхъ значительныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Что касается книгъ и брошюръ, то количество ихъ прямо-таки неисчислимо.

На мой взглядъ крайне трудно учесть дѣйствительное вліяніе соціалистической пропаганды въ Америкѣ. Замѣчено, и притомъ не безъ основанія, что слишкомъ сильный отпечатокъ нѣмечины лишаетъ эту пропаганду залога грядущихъ успѣховъ. Въ дѣйствительности всѣ брошюры, распространяемыя партіей, представляются простыми выдержками изъ Маркса или Лассаля. Всѣ читальни партіи украшены только лишь портретами этихъ двухъ лицъ, которыя прекрасно воплощаютъ въ себѣ все движеніе, между тѣмъ какъ американскихъ личностей нѣтъ какъ нѣтъ. Конечно, Беллями и Генри Джоржъ, на мгновеніе, добились чрезвы-

чайной популярности, однако народъ очень недолго восхищался ихъ теоріями, которыя, кстати сказать, были къ тому же очень спеціальны. Рабочія организаціи и до сихъ поръ еще относятся къ соціализму съ недовѣріемъ, которое ему очень трудно будетъ преодолѣть.

На послѣднемъ съѣздѣ „Американской Федераціи труда“ (American Federation of labor), который состоялся въ Новомъ Орлеанѣ съ 13 по 22 ноября 1902 года, были представлены главнѣйшія рабочія ассоціаціи, насчитывающія въ общемъ до 1.025.300 платящихъ членовъ. И вотъ здѣсь-то соціализмъ опять потерпѣлъ пораженіе, какъ это было уже раньше на съѣздѣ въ Денверѣ, въ 1894 году, и въ Нью-Іоркѣ, въ 1895. Большинствомъ 4865 голосовъ противъ 4203 былъ отвергнутъ здѣсь порядокъ дня, предложенный Максомъ Гэемъ, изъ Клевелэнда, делегата Интернаціональнаго союза типографщиковъ. Въ немъ съѣзду предлагалось высказаться въ пользу организаціи кооперативной трудовой демократіи (an industrial cooperative democracy). Самуилъ Гомперсъ, предсѣдатель американской федераціи труда, произнесъ противъ соціалистовъ горячую обличительную рѣчь и вѣроятно выразилъ при этомъ мнѣніе большого числа рабочихъ, такъ какъ былъ вновь переизбранъ, притомъ почти единогласно.

Причина малой успѣшности соціалистической пропаганды въ американскихъ рабочихъ кругахъ кроется, вѣроятно, помимо ея германскаго происхожденія еще и въ томъ, что, благодаря его авторитетному тону, онъ запугиваетъ людей, и они боятся довѣрить ему общественную власть. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно представить себѣ анти-государственнаго соціалиста, разъ государство является осью всего этого ученія. И вотъ въ виду того недовѣрія, которое американскій рабочій питаетъ къ государству вообще и къ тѣмъ привилегіямъ, которыя оно воплощаетъ въ себѣ

и всячески поощряетъ, и получается невыразимая антипатія къ той унтеръ-офицерской государственности, скучной и монотонной, которую проповѣдуютъ нѣмецкіе соціалисты. У народовъ, стремящихся къ свободѣ, соціальныя ученія пользуются успѣхомъ и вліяніемъ вовсе не потому, что заключаютъ въ себѣ извѣстныя догмы или отвѣчаютъ на частные вопросы, а потому, что они будятъ чувства, открываютъ широкіе горизонты, ставятъ передъ собою высокіе идеалы. Коллективистическій идеалъ, весьма понятный въ обществѣ, проникнутомъ милитаризмомъ и бюрократіей, слишкомъ узокъ для души американца. Американскій народъ убѣжденъ, что его бѣдствія проистекаютъ менѣе отъ организаціи современнаго общества, нежели отъ пережившихъ свое время законовъ, отъ взятокъ, отъ разврата, царящаго нынѣ въ администраціи. Такое направленіе умовъ мало способствуетъ соціалистической пропагандѣ, которая отличается непримиримою ненавистью къ современной экономической организаціи общества. Однако, несмотря на это недовѣріе народа, соціализмъ имѣетъ все-таки въ Соединенныхъ Штатахъ извѣстное нравственное и моральное вліяніе. Объясняется оно тѣмъ, что въ своихъ политическихъ требованіяхъ, именно гражданскаго равноправія для обоихъ половъ и упраздненія расовыхъ предразсудковъ, соціализмъ вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ рабочаго люда.

При исходѣ борьбы на президентскихъ выборахъ въ 1896 году Евгеній Дебсъ, фактическій руководитель соціалистическаго движенія, издалъ манифестъ, изъ котораго мы считаемъ небезполезнымъ привести существенную часть.

„Я поддерживалъ, говорилъ Дебсъ, кандидатуру г. Уилльяма Брайана и тѣ принципы, которые онъ провозглашаетъ, не потому, что вижу въ свободной чеканкѣ монеты панацею, которой суждено избавить націю отъ всякихъ золъ,—этого пункта его программы я не опровергаю и не защищаю, но

потому, что торжество Брайана и свободное обращеніе денегъ обрѣжетъ когти всемогущему капиталу и вырветъ зубы тѣмъ акуламъ, которыя управляютъ промышленными синдикатами. Онъ навѣрно выгналъ бы съ большихъ дорогъ человѣческой дѣятельности много черныхъ знаменъ... Свободная чеканка денегъ не только объединила бы насъ, но создала бы намъ общую платформу для борьбы съ трестами, корпораціями и монополіями; однимъ словомъ мы оградились бы отъ той власти капитала, которая почти въ конецъ разорила страну, обрекла трудъ на голодное существованіе и уничтожила личную свободу. Разъ эта общность идей соединитъ народъ, онъ двинется сомкнутымъ строемъ и разрушитъ соціальное рабство, да и всю эту капиталистическую систему. Тогда человѣческое общество будетъ основываться на обобществленіи всѣхъ средствъ производства и на свободномъ передвиженіи богатствъ".

Какъ и семь лѣтъ тому назадъ, американско-соціалистическая партія стремится къ уничтоженію монополій; только поэтому я включаю ее, какъ партію борьбы, въ число тѣхъ факторовъ революціоннаго движенія, о которыхъ я говорилъ выше. Что касается ея программы общественной организаціи, то я ея здѣсь касаться не буду.

Соціальный мистицизмъ.

Однажды вечеромъ я прогуливался по площади какого-то американскаго города и былъ вдругъ пораженъ стономъ, исходившимъ отъ группы людей, окружавшихъ кольцомъ одного изъ тѣхъ безчисленныхъ ораторовъ, которыхъ понемножку вездѣ встрѣчаешь въ Америкѣ. Я подошелъ поближе и увидѣлъ, дѣйствительно, что нѣсколько мужчинъ и женщинъ заливались горькими слезами. Въ центрѣ группы стоялъ съ обнаженной головою человѣкъ выше средняго

роста, въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Онъ потрясалъ рукою, подымалъ ее къ небу и обводилъ присутствующихъ фанатичнымъ взоромъ. Онъ, повидимому, рисовалъ потрясающую картину человѣческихъ бѣдствій и призывалъ Божью помощь для блага человѣчества. Время отъ времени слушатели выходили въ кругъ и бросали свою лепту въ шляпу апостола.

Послѣдній слѣдилъ за ихъ движеніями и, повидимому, вполнѣ удовлетворенный осязательными результатами своей пропаганды, вдругъ вскричалъ громовымъ голосомъ: „I do not want money, I only want men. Я не желаю денегъ, а только людей". Этимъ онъ, несомнѣнно, хотѣлъ сказать, что желалъ бы имѣть людей, раздѣляющихъ его взгляды.

Я больше не интересовался вопросомъ о томъ, были ли удовлетворены его желанія, однако весьма возможно, что, начиная съ этого вечера, скромный ораторъ сдѣлался главою какой-нибудь новой американской церкви. Вѣдь такимъ-то образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и возникаютъ новыя секты. Религія тутъ живетъ не по обязательнымъ догмамъ,—она опредѣляется здѣсь личными чувствами и симпатіями. И вотъ въ этомъ-то абсолютно свободномъ и индивидуалистическомъ характерѣ религіи въ Соединенныхъ Штатахъ кроется причина малой распространенности здѣсь католицизма, хотя онъ и сумѣлъ до высокой степени побороть свою традиціонную непримиримость. Американцы придаютъ христіанству значеніе регулятора практической жизни, а совершенно не видятъ въ немъ откровенія возмездій или награды, въ вѣчной жизни, какъ мы на него смотримъ. Естественно, слѣдовательно, что души, чувствующія влеченіе ко Христу, испытываютъ страстное желаніе противодѣйствовать исключительно эгоистическимъ аппетитамъ современнаго общества. Соціальный мистицизмъ или, если угодно, мистическій соціализмъ является результатомъ

этого особеннаго предрасположенія весьма большого количества людей. Какъ извѣстно, онъ принесъ обильные и разнообразные плоды и не сумѣлъ бы разсказать о немъ, даже имѣя въ рукахъ документы, безъ того, чтобы не выйти изъ рамокъ своего сочиненія.

Многочисленныя попытки образованія коммунистическихъ колоній, которыя встрѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ на каждомъ шагу, представляютъ собою характерное проявленіе соціальнаго мистицизма. Писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ, дѣлятъ такія колоніи на двѣ рѣзкія группы: стоящихъ на религіозной точкѣ зрѣнія и такихъ, которыя преслѣдуютъ лишь чисто экономическія цѣли. Такое дѣленіе кажется мнѣ искусственнымъ, такъ какъ всѣ коммунистическія общества въ Соединенныхъ Штатахъ въ одинаковой степени обнаруживаютъ чисто религіозную подкладку отреченія отъ своей личности. Прежде думали, что въ американскихъ піонерахъ коммунизма можно видѣть носителей идей Оуэна, Фурье и даже, пожалуй, Кабэ и видѣли въ нихъ разсадниковъ свободы и личной иниціативы. Однако, къ несчастію, обнаружилось, что жизнь въ фаланстерѣ менѣе всего способствуетъ дѣйствительному развитію этихъ цѣнныхъ благъ. Исторія всѣхъ почти коммунистическихъ колоній сводится къ перечню безостановочныхъ неудачъ. Даже Brook farm, попытка создать коммунистическое общество, произведенная силами исключительной интеллигентности, черезъ нѣсколько лѣтъ кончилась самымъ плачевнымъ образомъ. Остаются кое-какіе слѣды древней и новой Икаріи; затѣмъ остатки общины священнодѣятелей (sanctificationnistes), основанной въ 1868; инспираціонистовъ, начавшихъ работу въ 1848 г.; зораитовъ, основавшихъ колонію въ 1817 г., наконецъ шэкеровъ, самой старой организаціи, существующей съ 1776 г. Затѣмъ сумѣли удержаться еще двѣ—три, только. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ настоящее время это просто вѣро-

исповѣдныя общины, болѣе всего похожія на католическіе приходы. Въ настоящее время онѣ, если ужъ говорить правду, вовсе не носятъ характера революціонныхъ организацій, такъ какъ вмѣсто того, чтобы протестовать противъ крайностей современной жизни, онѣ совершенно подчиняются ей. Ихъ кружки не борются противъ несправедливости, они подчиняются ей. Желая освободиться отъ зрѣлища несчастій и страданій человѣчества, они уходятъ изъ міра и довольствуются созерцаніемъ вѣчной добродѣтели. А вѣдь въ сущности и ихъ отреченіе отъ міра въ концѣ концовъ представляетъ собою результатъ моральной борьбы, которая вполнѣ заслуживаетъ вниманія и изученія.

* *
*

Совершенно другое значеніе имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ то кооперативное движеніе, которое я буду называть реформистскимъ, такъ какъ оно поставило себѣ цѣлью измѣнить нынѣшній соціальный строй и замѣнить современную буржуазную экономику экономикой кооперативной. *Рыцари* труда (Knights of labor), христіанскіе соціалисты, фабіанцы—всѣ въ равной мѣрѣ толкаютъ народъ на путь коопераціи. Однако, реформистское кооперативное движеніе приняло опредѣленныя формы и окружило себя религіознымъ ореоломъ, столь часто примѣшивающимся къ соціальнымъ движеніямъ въ Соединенныхъ Штатахъ лишь вслѣдствіе одного спеціальнаго движенія, кончившагося созданіемъ „Братства всеобщей коопераціи“ (Brotherhood of the cooperative commonwealth). Это братство представляетъ собою одно изъ проявленій народнаго теченія, но послѣ сліянія въ 1896 г. народниковъ съ демократической партіей оно стало самостоятельнымъ учрежденіемъ. Его фундаментъ былъ окончательно заложенъ на кооперативномъ съѣздѣ въ С.-Луи въ іюлѣ 1896 г. Конгрессисты выпустили тогда воззваніе, гдѣ между прочимъ

было сказано слѣдующее: „Для человѣчества все погибло Общество разлагается. Нужно, чтобы новыя силы принялись за него и, для его спасенія, начали его организовать заново. Это необходимо не для того, чтобы создать новую политическую партію, а для того, чтобы подготовить соціальную реформу“. Это воззваніе было напечатано въ газетѣ Saint-Louis Star за тѣ дни. Тотъ же самый органъ напечаталъ въ номерѣ отъ 24 іюля 1896 рѣчь предсѣдателя конгресса, произнесенную при его открытіи:

„Мы созвали національный кооперативный съѣздъ, сказалъ президентъ, для того, чтобы наконецъ дать практическую организацію уже существующимъ учрежденіямъ, а также тому кооперативному духу, которые уже существуютъ въ Уніи и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются. Для того, чтобы такая организація была возможна, народу надо самому устраивать коопераціи. Главнымъ предметомъ занятій съѣзда будетъ установленіе связи между всѣми существующими учрежденіями: лавками, фермами, заводами, взаимнымъ страхованіемъ имущества отъ огня и жизни, labor exchanges (нѣчто вродѣ коопераций, продающихъ только членамъ ассоціаціи товары, изготовленные ими же), кооперативными колоніями, конторами справокъ, всякихъ товариществъ съ участіемъ сотрудниковъ въ прибыли и вообще всѣхъ обществъ, имѣющихъ кооперативный характеръ и пропагандирующихъ муниципализацію власти и уничтоженіе монополіи частныхъ лицъ“. Далѣе предсѣдатель указывалъ на необходимость пропаганды кооперативныхъ идей, такъ что, послѣ послѣдовавшихъ затѣмъ преній, собраніе рѣшило создать „братство“ (Brotherhood). Религіозный характеръ этого учрежденія станетъ вполнѣ яснымъ, если прочитать то требованіе, съ которымъ оно обращается къ своимъ отдѣльнымъ группамъ.

„Считая, что единственное разрѣшеніе вопроса о произ-

водствѣ и распредѣленіи кроется только въ соціалистическомъ строѣ, безъ котораго хаотическія условія современнаго міра все и будутъ продолжаться, я даю честное слово всѣми зависящими отъ меня способами содѣйствовать учрежденію кооперативной республики“.

Съ другой стороны, заголовки всѣхъ объявленій „Братства“ несутъ слѣдующій эпиграфъ:

„The Brotherhood of the cooperaive commonwealth is a union within the socialists of all the world whose aim is the establishment hic et nunc of the reign ot heaven“—Братство представляетъ собою единеніе соціалистовъ всего міра, имѣющее цѣлью теперь же, здѣсь на землѣ, установить царство божіе“.

„Братство“ слагается изъ національныхъ и мѣстныхъ корпусовъ. Въ каждомъ штатѣ во главѣ движенія стоитъ правленіе (Board of trustees) изъ восьми человѣкъ.

Трудно пока учесть результаты, достигнутые „братствомъ“, такъ какъ и они, какъ и вообще всякія пропаганды въ Америкѣ, сильно мѣняются изъ года въ годъ. Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что движенію, вызванному этимъ учрежденіемъ, предстоитъ извѣстный успѣхъ именно потому, что американскій народъ отличается мистическимъ темпераментомъ. Brotherhood, быть можетъ, и прекратитъ свое существованіе, но труды его не пропадутъ даромъ, и по его слѣдамъ несомнѣнно пойдетъ много подобныхъ учрежденій.

Лишь только „братство“ сорганизовалось, оно вступило въ связь съ уже существующей кооперативной колоніей Рёскина въ Тенесси, газета которой: „Грядущая нація“ (The coming Nation) немедленно предоставила въ распоряженіе новой организаціи свои столбцы. Вотъ, между прочимъ, декларація, которую колонія Рёскина велѣла подписать своимъ членамъ:

„Клянусь отречься отъ личной свободы, имѣющей цѣлью ниспровергнуть права власти, въ пользу соціальной сво-

боды, основанной на принципахъ права и справедливости и обезпечивающей наравнѣ съ правами моихъ ближнихъ и мои личныя права“.

Въ уставѣ колоніи было сказано:

„Мы не желаемъ ни крѣпкихъ напитковъ, ни полиціи, ни церкви, такъ какъ они всѣ трое идутъ рука объ руку“.

Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что колонисты Рёскина, отказываясь отъ церкви, тѣмъ не менѣе часто собирались въ укромномъ мѣстѣ для *спиритуалистическихъ размышленій.*

Колонія Рёскина въ Тенесси была продана, въ 1896 году, частному предпринимателю. Значительное число учредителей и членовъ ея основали затѣмъ новую колонію того же имени въ штатѣ Георгія, но понемногу они разбрелись во всѣ стороны *).

Кооперативныя колоніи Соединенныхъ Штатовъ за послѣдніе годы начали возрождаться и существующія получили, благодаря помощи „Братства“, новый толчокъ къ развитію. Среди послѣднихъ особенно процвѣтаетъ Roycrofters въ восточной Аврорѣ, въ графствѣ Эрикъ, основанная въ 1895 году. Деревня восточная Аврора находится въ 18 миляхъ отъ Буффало, въ штатѣ Нью-Іоркъ. Основателемъ ея былъ Эльбертъ Гёббардъ, который старался провести въ жизнь ученіе Томаса Ройкрофта, англійскаго кооператора XVII вѣка. Колонія исключительно занимается печатаніемъ и переплетомъ книгъ. Она восхитительно организована главнымъ образомъ благодаря безграничной преданности дѣлу самого основателя и его трехъ дѣтей. Всѣхъ принимаютъ здѣсь съ распростертыми объятіями, и каждый встрѣчаетъ здѣсь столь чистую

*) Интересныя подробности о колоніи Рёскина читатель найдетъ въ статьяхъ за подписью I. W. Braam, появившейся въ мартѣ 1903 г. въ Чикаго, въ American Journal of Sociology.

нравственность и идеальную солидарность, какія только и можно представить себѣ въ человѣческомъ обществѣ *).

Каковы бы ни были тѣ формы, въ которыхъ проявляется мистическій соціализмъ, онъ, какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью создать ассоціаціи не только свободныя отъ всякой власти и монополій, являющихся ея слѣдствіемъ, но и борется съ натискомъ этихъ монополій. На него, стало быть, приходится смотрѣть, какъ на реакцію народа противъ господства богачей, что составляетъ цѣль также и воинствующаго соціализма и анархистическаго движенія, о которыхъ я сейчасъ и буду говорить.

Анархистическое движеніе.

Анархистическая пропаганда не только въ Америкѣ, но и во всемъ мірѣ принимаетъ двѣ различныя формы: освобожденіе индивидуализма и революціонный коммунизмъ. Первый стремится къ естественной революціи, такъ какъ взываетъ только къ активной и мирной энергіи гражданъ. Второй представляется революціоннымъ по самому своему существу и требуетъ полнаго разрушенія индивидуальной жизни. Соединенные Штаты имѣли и понынѣ обладаютъ обѣими формами анархизма. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что если крайній индивидуализмъ является произвольнымъ продуктомъ расы и среды, революціонный коммунизмъ носитъ на себѣ, напротивъ того, всѣ признаки заноснаго растенія, чѣмъ, какъ мы уже отмѣтили выше, отличается также и коллективистскій соціализмъ. Впрочемъ, оба эти теченія почти ничѣмъ не отличаются въ методахъ пропаганды, такъ какъ коммунизмъ представляетъ собою только одинъ изъ видовъ вырожденія коллективистическаго соціализма.

*) Г. Эльбертъ Гѣббардъ самъ разсказываетъ исторію образованія его колоніи въ статьѣ журнала „Знаніе“ (Whisdom) въ Бостонѣ, за августъ 1902 г.

Индивидуалистическое движенiе анархизма, которое я скорѣе назвалъ бы *интеллектуальнымъ*, такъ какъ оно пользуется лишь способомъ убѣжденiя и разсужденiя, вначалѣ представляло собою лишь симпатичное отраженiе англiйскаго освободительнаго движенiя, руководимаго Кобденомъ и манчестерскою лигою. Когда Кобденъ 18/30 марта 1843 года прочиталъ въ театрѣ Дрюри-Лэмъ въ Лондонѣ свою знаменитую рѣчь о невозможности выселенiя, причемъ онъ ссылался на гибельныя слѣдствiя аграрной монополiи, англiйскiе и шотландскiе эмигранты Новой Англiи уже успѣли распространить на американской территорiи зачатки ненависти противъ всякой привилегiи и всякаго стѣсненiя. Въ своемъ знаменитомъ экспромтѣ Кобденъ говоритъ: „Когда рабочихъ запрашивали о причинахъ, заставляющихъ ихъ выселяться изъ отечества, они отвѣчали: не проще ли было бы просто приносить пищу къ намъ, чѣмъ заставлять насъ отправляться на поиски за этой пищею.—Я ничего не могу возразить противъ добровольнаго выселенiя, продолжалъ Кобденъ; но эмиграцiя, вызываемая опасностью легально умереть съ голоду, это просто ссылка и ничего болѣе. Верните народу право обмѣнивать продукты его труда на иностранный хлѣбъ, и въ Англiи всякiй будетъ имѣть возможность счастливо жить въ родной странѣ“. Говоря о хлѣбныхъ законахъ, Кобденъ, между прочимъ, воскликнулъ: „Что такое монополiя на хлѣбъ? Это значитъ вздорожанiе хлѣба! А съ чѣмъ сравнить вздорожанiе хлѣба? Съ обворовыванiемъ собственниками народа“!

Въ то же самое время Iозэ Уарренъ изъ Бостона началъ кампанiю противъ всякаго ограниченiя со стороны закона свободы торговли и вообще всякаго покушенiя на личную свободу. Съ этой точки зрѣнiя на него можно смотрѣть, какъ на предтечу интеллектуальнаго американскаго анархизма. Iозэ Уарренъ былъ бостонскимъ книгопродавцемъ. Онъ ро-

дился въ этомъ городѣ въ 1818 году и умеръ тамъ же въ 1879. Онъ оставилъ нѣсколько сочиненій; самое важное изъ нихъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „True civilisation: a subject of vital and serious interest to all people, but most immediately to the men and women of labor and sorrow. — Истинная цивилизація: сюжетъ жизненный и важный для всѣхъ людей вообще, но непосредственно касающійся главнымъ образомъ мужчинъ и женщинъ труда и страданія". Этотъ томикъ въ 120 страницъ былъ написанъ въ 1845 году, а напечатанъ, въ Бостонѣ, лишь въ 1863. Между прочимъ интересная подробность: Уарренъ раньше Прудона открылъ ту формулу, что пресловутый *свободный обмѣнъ* представляетъ собою дѣйствительно запроданный трудъ.

Вотъ какъ Уарренъ, въ 1842 году, изложилъ этотъ законъ:

For valued received, I promise to pay bearer, on demand, one hour's labor or ten pounds of corn.

Modern times, the...

Signed.

За полученную цѣнность я обязуюсь уплатить подателю часъ труда или десять фунтовъ хлѣба.

Число...... (нынѣшнее время)

Подпись.

Впрочемъ, права пріоритета, въ соціальныхъ идеяхъ, поддаются контролю лишь съ трудомъ.

Ученики Уаррена немедленно сдѣлали попытку распространить ученіе своего учителя. Изъ нихъ самые замѣчательные Лизандръ Спунеръ, авторъ многихъ крайне интересныхъ работъ, и Веніаминъ Р. Тёкеръ, современный организаторъ движенія. Самая оригинальная часть ихъ работы вначалѣ сводилась къ основанію клубовъ анархистовъ-индивидуалистовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Союза. Я сумѣлъ достать уставъ анархистическаго кружка въ Бостонѣ, который въ

настоящее время уже закрытъ, и считаю небезполезнымъ привести изъ него вкратцѣ главныя положенія.

„Статья I. — Мы, нижеподписавшіеся, объявляемъ объ учрежденіи ассоціаціи подъ названіемъ „клуба анархистовъ".

„Ст. II.—Цѣлью клуба является уничтоженіе всякаго правительства, налагаемаго однимъ человѣкомъ на другого; средствами для этого служатъ публичныя собранія, лекціи, пренія и распространеніе анархистской литературы.

„Ст. IV.—Члены клуба не обязаны уплачивать опредѣленной суммы, но приглашаются участвовать въ расходахъ учрежденія мѣсячными взносами, опредѣляющимися сообразно ихъ достатку.

„Ст. VI.—Клубъ собирается въ первую субботу каждаго мѣсяца, и администрація Общества поручается президенту, который выбирается каждый разъ самимъ собраніемъ по большинству голосовъ.

„Ст. XI.—Всѣ вопросы, предлагаемые клубу, рѣшаются большинствомъ голосующихъ членовъ за исключеніемъ вопросовъ, о которыхъ упоминается въ статьѣ XIII.

„Ст. XIII.—Измѣненія устава клуба должны быть рѣшаемы единогласно всѣми членами клуба".

Всѣ другія статьи касаются вещей, общихъ всѣмъ другимъ ассоціаціямъ. Основателямъ клуба ставятъ въ вину произвольное включеніе въ уставъ порядокъ голосованія по большинству, что вообще противорѣчитъ анархистскому духу. Основатели на это отвѣчали:

„Анархисты не сумѣли бы обойтись безъ этого порядка въ частныхъ вопросахъ, но въ вопросахъ существенныхъ, вродѣ статьи XIII, о немъ не можетъ быть и рѣчи".

Равнымъ образомъ скептики задавали вопросъ, какъ это, въ общественной жизни, можно будетъ устанавливать, какой вопросъ считать маловажнымъ, и какой—существеннымъ, но

несомнѣнно, не для этихъ скептиковъ сорганизовался клубъ анархистовъ въ Бостонѣ.

Въ настоящее время интеллектуальное анархистическое движеніе воплощается въ лицѣ Веньямина Р. Тёкера, ученію котораго я посвящаю вторую главу этой книги. Г. Тёкеръ имѣетъ большое число друзей и учениковъ. Но такъ какъ онъ пользуется для пропаганды исключительно лекціями и брошюрами, то насчетъ обязательныхъ результатовъ его пропаганды очень трудно было бы сказать что-нибудь даже приблизительно.

Г. Тёкеръ очень довѣрчивъ и недавно сказалъ мнѣ: „я не могу въ точности сказать, сколько человѣкъ раздѣляютъ мои идеи. Однако, я знаю, что число друзей анархіи въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю ее, увеличивается съ каждымъ годомъ. Впрочемъ, намъ и не нужно считать ихъ, такъ какъ сила каждаго изъ насъ заключается въ насъ самихъ, и всѣ мы, сколько бы насъ ни было, лично готовы согласовать поступки наши съ нашими убѣжденіями“.

* * *

Мнѣ остается сказать лишь объ анархистско-коммунистическомъ движеніи, первые начатки котораго относятся, въ Соединенныхъ Штатахъ, къ 1874 году. Я уже говорилъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ перенесенію резиденціи *интернаціонала* въ Нью-Іоркъ. Эхо тѣхъ разногласій, которыя Бакунинъ вызвалъ въ Европѣ, легко могло перекинуться въ среду американскихъ рабочихъ. Кризисъ американскаго денежнаго и торговаго рынка, въ 1873 году, крайне облегчилъ быстрое образованіе революціонной партіи, и пріѣздъ нѣмецкихъ революціонеровъ только далъ ей новую пищу. Въ 1874 году соціалисты-агитаторы основали въ Чикаго „интернаціональную партію рабочихъ штата Иллинойсъ“ (The international workingsmen's party of the State of Illi-

nois), цѣли которой были, правда, по началу мирными, но затѣмъ пріобрѣли рѣзко и открыто насильственный характеръ. Болѣе умѣренные и благоразумные соціалисты основали уже къ тому времени въ Нью-Іоркѣ „Рабочую партію Соединенныхъ Штатовъ“ (The workingmen's party of the United States); они объявили, въ 1877 году, на съѣздѣ въ Ньюуаркѣ о своемъ твердомъ рѣшеніи совершенно отдѣлиться отъ своихъ товарищей. И вотъ такимъ-то образомъ возникла „*Соціалистическая рабочая партія*“ (Socialist labor party), о которой я говорилъ выше. Коммунисты, въ свою очередь, также образовали двѣ ассоціаціи, о которыхъ также выше была рѣчь (срв. стр. 74):

1) *Интернаціональную ассоціацію рабочаго люда.*

2) *Интернаціональную ассоціацію рабочихъ.*

Резиденція этихъ двухъ ассоціацій находилась въ Чикаго, и главнымъ органомъ ихъ являлась нѣмецкая „рабочая газета“ (Die Arbeiter Zeitung), выходившая подъ редакціей Павла Гроткау. Хотя онъ, по складу своего ума, скорѣе годился для политической борьбы, но зато и журналъ его дѣйствительно проповѣдывалъ вооруженное возстаніе противъ власти и капиталистовъ. Вышеназванныя двѣ организаціи, *Красный* и *Черный Интернаціоналы*, съ другой стороны также проповѣдывали свои правила насчетъ насилія и убійства. Сообщества эти были тайными, и самыя жестокія наказанія угрожали тѣмъ ихъ членамъ, которые посмѣли бы нарушить свои обязательства относительно товарищей или обнаружили бы колебанія въ вѣрности революціоннымъ принципамъ.

Когда въ Америку, 10 декабря 1882 года, прибылъ знаменитый нѣмецкій коммунистъ Іоаннъ Мостъ, то онъ влилъ въ революціонное движеніе новую жизнь. Съ 14 по 16 октября 1883 года въ Питтсбургѣ собирался конгрессъ анархистовъ-коммунистовъ. На немъ присутствовало 27 делега-

товъ, представлявшихъ собою 22 американскихъ города. Тутъ больше всего говорилось о тактикѣ, которую слѣдовало предложить европейскимъ товарищамъ послѣ ліонскаго процесса.

Однако, высшаго проявленія анархистская энергія достигла въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1886 году, именно въ Чикаго. Это обстоятельство стоитъ освѣжить въ памяти. Въ то время достигло своего апогея движеніе въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Комитеты въ Чикаго совѣтовали рабочимъ забастовать 1 мая, и эта тактика получила безмолвное одобреніе соціалистическихъ союзовъ. Журналы Arbeiter Zeitung и The Alarm (Тревога), англійскій органъ чикагскихъ коммунистовъ, который тѣмъ временемъ началъ выходить, помѣщали одну зажигательную статью за другою. Съ другой стороны, положеніе значительно обострилось благодаря многочисленнымъ и рѣшительнымъ локаутамъ хозяевъ. Такъ, напр., фирма Киръ-Макъ-Кормикъ произвольно разсчитала 1.200 рабочихъ, замѣнивъ ихъ, отчасти, представителями желтой расы.

1-го мая стачка дѣйствительно состоялась и притомъ въ очень внушительныхъ размѣрахъ; стало ясно, что между хозяевами и рабочими возгорится жестокая и безпощадная борьба. Послѣ обѣда, третьяго мая толпа въ 7—8 тысячъ забастовщиковъ устроила манифестацію при выходѣ желтыхъ рабочихъ съ фабрики Макъ Кормика. Заводъ охранялся полиціей, которая, получивъ въ голову нѣсколько камней и даже, какъ говорятъ, угрозъ револьверами, тотчасъ же открыла сплошной огонь. Толпа разбѣжалась, оставивъ на мѣстѣ 6 убитыхъ и полусотню раненыхъ. Сообщая, на другой день, объ этомъ разстрѣлѣ, Arbeiter Zeitung присоединила къ этому слѣдующее воззваніе:

„Классовая война началась. Вчера рабочихъ разстрѣливали. Кровь ихъ взываетъ о мщеніи.

„Кто посмѣетъ усомниться, что тигры, управляющіе нами, не пожелаютъ еще болѣе упиться кровью рабочихъ.

„Однако, рабочіе не дураки. На бѣлый терроръ они отвѣтятъ краснымъ терроромъ. Лучше смерть, нежели нищета. Необходимость заставляетъ насъ воскликнуть: къ оружію!

„Вчера жены и дѣти убитыхъ плакали надъ жертвами пуль капиталистовъ, между тѣмъ какъ въ своихъ дворцахъ хозяева наши осушали бокалы съ шампанскимъ. Перестаньте плакать, рабочіе. Рабы, будьте мужественны, подымайтесь“!

Въ то же самое время революціонные комитеты разсылали приглашенія на митингъ 5 мая въ $7^1/_2$ часовъ вечера, на площади Hay Market.

Вотъ какъ гласилъ текстъ этого приглашенія:

Attention, Workingmen! Great Mass-meeting to-night at 7. 30 o'clock, at the Haymarket, Randolph str. between Desplaines and Halsted.

Good speakers wille be present to denounce the lates atrocious act of the police, the schooting of our fellow workmen, yersterday afternoon.

Workmen! arm yourself and appear in full force.

The executive committee *).

Это же приглашеніе было написано также по-нѣмецки и по-итальянски.

На митингъ собралось много тысячъ народа. Анархисты Альбертъ Писсъ, редакторъ „*Тревоги*“ (Alarm), Альбертъ

---

*) Вниманіе, рабочіе!

Большой митингъ-массовка сегодня вечеромъ въ $7^1/_2$ часовъ въ Гаймарктѣ, ул. Рандольфъ, между Деспленомъ и Гольстедомъ.

Хорошіе ораторы будутъ говорить о послѣднемъ жестокомъ дѣяніи полиціи, стрѣлявшей вчера вечеромъ въ нашихъ товарищей-рабочихъ.

Рабочіе! Вооружайтесь и являйтесь въ полномъ могуществѣ.

Исполнительный комитетъ.

Парсонсъ и Самуилъ Фильденъ говорили тутъ рѣчи. Во время сообщенія послѣдняго полиція ворвалась на площадь, и командующій приказалъ рабочимъ разойтись. Не успѣлъ онъ еще произнести послѣднихъ словъ традиціонной фразы: In the name oi the American people, I command you to disperse (именемъ американскаго народа приказываю вамъ разойтись), какъ бомба ударилась между вторымъ и третьимъ рядомъ полицейскихъ, опрокинувъ изъ нихъ человѣкъ 60, изъ коихъ затѣмъ восемь умерли отъ ранъ. Тогда оставшіеся на ногахъ полицейскіе открыли по толпѣ бѣшеный огонь и тоже уложили большое количество жертвъ. Затѣмъ послѣдовали ужасающія репрессіи. На процессѣ 20 августа 1887 года присяжные осудили 7 человѣкъ на смерть и одного на 15 лѣтъ каторги.

11 ноября 1887 года смертные приговоры были приведены въ исполненіе, кромѣ одного, Луи Лингга, которому удалось при помощи бомбы оторвать себѣ голову.

Послѣ происшествія въ Гаймарктѣ волненія въ народѣ надолго остановили пропаганду анархистовъ-революціонеровъ. Объ International working people's Association и объ International workmens Association вскорѣ совершенно не стало ничего слышно. Наконецъ, въ 1890 году онѣ прекратили свое существованіе.

Убіеніе Макъ-Кинлея, совершенное Чогольшемъ, въ Буффало, 1/14 сентября 1901 года, было, конечно, чисто индивидуальнымъ актомъ, тѣмъ не менѣе оно совершенно оттолкнуло симпатіи народа отъ анархистовъ. Впрочемъ, когда всеобщее негодованіе нѣсколько улеглось, журналъ „Вечерняя почта" (Evening Post, отъ 1 ноября 1901), издающійся въ Нью-Іоркѣ и представляющій одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ либеральныхъ органовъ государства, рѣшился опубликовать рядъ статей, въ которыхъ онъ напомнилъ обществу о злосчастныхъ финансовыхъ операціяхъ

покойнаго президента, преслѣдовавшихъ исключительную цѣль—увеличить власть капитала.

„*Тресты* господствуютъ надъ нами и давятъ насъ", писалъ по этому поводу одинъ изъ сотрудниковъ Evening Post, „и народъ глубоко возмущенъ противъ нихъ. Чогольшъ, конечно, убійца, и преступленіе его возбуждаетъ въ насъ ужасъ. Не нельзя ли намъ видѣть въ немъ, хотя, конечно, и безсознательное, но, тѣмъ не менѣе, роковое оружіе народной мести? Пусть правящіе нами подумаютъ объ этой ужасной возможности". Эти соображенія большого ньюіоркскаго журнала даютъ намъ возможность вполнѣ понять отношеніе американскаго народа къ тому новому виду феодализма, который сумѣлъ свить себѣ гнѣздо въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на всю историческую чистоту ихъ демократическихъ учрежденій.

ГЛАВА II.

Интеллектуальные анархисты.

(Веньяминъ Р. Тёкеръ).

Веньяминъ Р. Тёкеръ. — Его дѣятельность. — Его журналъ *Свобода* (Liberty).—Сочиненіе Instead of a book.—Ученіе Тёкера.—Основные признаки коллективистическаго соціализма и соціалистическаго анархизма.—Личная жизнь. — Общественная жизнь.—Семья.—Собственность.—Государство.—Выводы.—Тресты.

Веньяминъ Р. Тёкеръ родился въ 1854 году въ Южномъ Дэрмутѣ, близъ Нью-Бедфорсда (въ Мэссэчузетсѣ). Образованіе онъ получилъ въ ремесленномъ училищѣ, въ Бостонѣ. Тамъ же онъ познакомился лично съ Іоаэ Уарреномъ, къ которому сразу же почувствовалъ глубокое уваженіе и чисто сыновнія чувства.

Поученія этого послѣдняго и личная склонность Тёкера къ соціальнымъ вопросамъ повели къ тому, что онъ сталъ внимательно изучать экономическую и интеллектуальную жизнь разныхъ народовъ. Поэтому онъ съ ранней юности пустился въ длинныя путешествія по Америкѣ и Европѣ. Онъ состоялъ тогда редакторомъ The Boston Globe и посылалъ въ эту газету очень оригинальныя корреспонденціи. Вернувшись въ Бостонъ, онъ основалъ въ 1881 году журналъ „*Свободу*“ (Liberty), выходившій сначала разъ въ мѣ-

сяцъ, потомъ—разъ въ недѣлю, теперь же снова ставшій ежемѣсячникомъ. Тёкеръ живетъ съ 1893 года въ Нью-Іоркѣ, гдѣ онъ наряду съ собственнымъ своимъ журналомъ, выходящимъ нынѣ также въ Нью-Іоркѣ, управляетъ книгоиздательствомъ, носящимъ его имя.

Какъ издатель, онъ выпустилъ въ свѣтъ много пропагандныхъ сочиненій, между прочимъ, переводъ сочиненій Прудона, сдѣланный имъ самимъ. Изъ его изданій я отмѣчу, какъ особенно характерныя, его англійскій переводъ „Дневника горничной“ (Journal d'une femme de chambre) Октава Мирбо и поэму Оскара Уайльда подъ заглавіемъ „Баллада Ридингской тюрьмы“ (The Ballad of Reading Goal), подписанная С. 3. 3.—тюремнымъ номеромъ автора во время его сидѣнія въ Ридингской темницѣ.

Я познакомился съ Тёкеромъ въ Нью-Іоркѣ, и онъ принялъ меня очень сердечно и привѣтливо. Это крѣпкій человѣкъ, средняго роста; лицо его обрамлено густой, русой, уже сѣдѣющей бородой; онъ кажется крайне здоровымъ и полнымъ рабочей энергіи; его глаза блестятъ, взглядъ быстръ и проницателенъ и свидѣтельствуетъ о сильномъ интеллектѣ и чрезвычайной добротѣ. Разговоръ съ Тёкеромъ въ высокой степени поучителенъ. Тёкеръ знаетъ все, что происходитъ дома и въ другихъ странахъ. Онъ удивительно много читаетъ. Онъ—убѣжденный другъ Франціи и долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ зналъ Октава Мирбо, Анри Марея, Эрнеста Лесиня, Элизе Реклю, Анатоля Франса и еще многихъ другихъ.

* * *

Ученіе Тёкера въ его цѣломъ изложено въ его книгѣ, носящей заглавіе Instead of a book—by a man to busy to write one—a fragmentary exposition of philosophical anarchism, II изд. Нью-Іоркъ 1897 г. (Отрывки изложенія ученія о философ-

скомъ анархизмѣ, составленные человѣкомъ слишкомъ занятымъ для того, чтобы написать настоящую книгу). Книга эта, странное заглавіе которой указываетъ на способъ ея составленія, является сборникомъ статей, печатавшихся въ Liberty, то програмныхъ, то полемическихъ, то повѣствовательныхъ. Статьи распредѣлены по группамъ, соотвѣтственно содержанію, и размѣщены въ 7 главъ, носящихъ слѣдующія заглавія:

1. The individual, the society and the state (Личность, общество, государство).
2. Money and interest (Деньги и прибыль).
3. Land and interest (земля и рента).
4. Socialism.
5. Communism.
6. Methods (Методы).
7. Miscellaneous (Смѣсь).

Тёкеръ не боится, какъ мы увидимъ далѣе, глядѣть въ самый корень капитальныхъ вопросовъ организаціи общества. Во вступленіи въ свою книгу, носящую заглавіе „Государственный соціализмъ и анархизмъ“ (State socialism and anarchism: how far the agree and wherein they differ – въ чемъ они сходятся и различаются), авторъ даетъ предварительное краткое изложеніе вопроса.

„Ни одно интеллектуальное или соціальное явленіе никогда не достигало такого внушительнаго объема, какъ соціалистическое движеніе XIX вѣка. Началомъ этого движенія послужили слова философа политической экономіи, Адама Смита. Онъ первый высказалъ мысль, что трудъ является естественнымъ мѣриломъ цѣнности. Затѣмъ три человѣка различной національности воспользовались геніальной идеей Смита, это были: американецъ Іозэ Уорренъ, французъ Пьерръ-Ж.-Прудонъ и нѣмецъ Карлъ Марксъ. Но въ то время какъ первые двое пришли къ одинаковымъ

выводамъ, третій, Марксъ, исходя изъ того же Смитовскаго положенія, добрался до совершенно противоположныхъ заключеній.

„Тѣмъ не менѣе всѣ трое начали съ комментированія вышеназваннаго правила Смита, что трудъ является естественнымъ мѣриломъ цѣнности (или, какъ говоритъ Уорренъ, мѣрило цѣнности опредѣляется цѣною продукта)—слѣдовательно, вознагражденіе труда должно опредѣляться самимъ продуктомъ его; съ другой же стороны только трудъ можетъ представлять собою законный источникъ богатства. Къ несчастью, продолжаетъ Тёкеръ, личное богатство въ настоящее время не можетъ имѣть законныхъ источниковъ, такъ какъ составляется изъ прибыли, ренты и процента. Такимъ образомъ въ настоящее время эксплуатація личнаго труда принимаетъ именно такія формы ростовщичества. Она основывается сейчасъ на вѣрѣ въ то, что капиталъ имѣетъ право присваивать себѣ часть продукта, въ то время какъ *капиталъ представляетъ собою лишь накопленный и въ свое время недостаточно оплаченный трудъ*; поэтому пользованіе имъ должно быть безплатнымъ, если уже признавать вообще тотъ принципъ, что единственнымъ мѣриломъ цѣнности является трудъ“.

Основную ошибку этого разсужденія понять не трудно. Его можно было бы, пожалуй, кое-какъ привести въ соотвѣтствіе съ аграрнымъ вопросомъ, но въ вопросахъ фабричнаго (машиннаго) и денежнаго хозяйства оно уже совершенно не примѣнимо; какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно рѣшиться утверждать, что накопленный трудъ, принимающій въ настоящее время форму капитала, получилъ уже свое вознагражденіе! Кто могъ ему дать это вознагражденіе? Вѣдь само собою разумѣется, что вознагражденіе за трудъ несомнѣнно заключается въ самомъ капиталѣ. Стало быть пользованіе этимъ послѣднимъ должно ограничиваться лишь тѣмъ

лицомъ, которое его произвело. А если бы другіе также захотѣли имъ воспользоваться?.. Но лучше ужъ будетъ не останавливаться на теоретическихъ вопросахъ, которымъ уже болѣе 100 лѣтъ отъ роду. Поэтому я опять предоставляю слово Тёкеру.

„Прибыль, земельная рента, процентъ, говоритъ онъ, могутъ въ настоящее время быть использованы потому, что современный законъ признаетъ ихъ право на существованіе. Земля, машины, монета, эти три главныхъ фактора товаропроизводства въ настоящее время монополизированы кучкою привилегированныхъ людей благодаря именно этой помощи со стороны закона.

„Если законъ, поддерживаемый организованною силою, не признаетъ тѣхъ монополій, которыми пользуются капиталисты и землевладѣльцы, то монополіи неизбѣжно падутъ сами собою. Поэтому необходимо уничтожить тотъ законодательный аппаратъ, который оказывается основою всѣхъ привилегій. Но какъ это сдѣлать?

„Іозэ Уорренъ и Пьерръ Прудонъ согласны въ томъ, что разрушеніе стѣснительной власти можетъ являться лишь результатомъ добровольнаго сопротивленія.

„Марксъ, напротивъ того, рѣшилъ, что монополіи могутъ уничтожиться лишь благодаря учрежденію одной и единственной монополіи—государственной. Вотъ откуда произошли соціальный анархизмъ и коллективистическій соціализмъ“.

По моему мнѣнію, трудно было бы яснѣе и точнѣе поставить этотъ вопросъ. Тёкеръ противопоставилъ здѣсь другъ другу два противоположныхъ принципа, власти и свободы, и утверждаетъ, что марксистическій коллективизмъ заключается въ высшемъ укрѣпленіи принципа власти. Тёкеръ же относится къ этому крайне враждебно. По его мнѣнію, спасеніе заключается въ свободной конкурренціи при всякомъ отсутствіи узаконенной привиллегіи. Свобода и одна

лишь свобода можетъ быть противопоставлена современнымъ монополіямъ. Въ истинно свободномъ обществѣ трудъ получитъ цѣликомъ то вознагражденіе, которое ему слѣдуетъ, такъ какъ капиталисты не опустятся уже до голодныхъ расцѣнокъ и цѣна за товары не будетъ уже искусственно повышаться отъ причитыванія къ ней неправильно требуемыхъ, со стороны капитала, прибылей. Съ другой стороны, и земля будетъ принадлежать только тому, кто самъ станетъ ее обрабатывать, такъ какъ собственники ея не будутъ уже получать съ нея ренты.

По этому поводу я, помнится, говорилъ Тёкеру, что политическая экономія, въ сущности, требуетъ того же самаго, что и онъ.

— „Вовсе нѣтъ“, возразилъ мнѣ на это Тёкеръ твердымъ и убѣжденнымъ тономъ, „политическая экономія допускаетъ выгодную свободу только лишь по отношенію къ капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ: это свобода понижать расцѣнки труда, а вовсе не уменьшенія процента или земельной ренты“.

Я ограничился тѣмъ возраженіемъ, что было бы вѣрнѣе приписать такое мнѣніе лишь тѣмъ пресловутымъ писателямъ, которые извратили или, вѣрнѣе, переиначили истинныя положенія современной политической экономіи.

Тёкеръ индивидуалистъ до мозга костей. Онъ видитъ въ государствѣ лишь источникъ всякихъ несправедливостей, такъ что ни за что не соглашается основать соціальную организацію на принципѣ расширенія государственной власти. Несправедливости должны быть уничтожены справедливостью, а не безконечнымъ расширеніемъ существующей уже несправедливости, такъ какъ изъ того факта, что рѣшительно всѣ будутъ лишены своихъ личныхъ правъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что тогда несправедливость такого всеобщаго лишенія всякихъ правъ будетъ меньшею.

Теперь вернемся къ кореннымъ различіямъ, отдѣляющимъ коллективистическій соціализмъ отъ анархистическаго. Тѣкеръ характеризуетъ эти противорѣчія антитезами, заимствуя ихъ, отчасти, изъ сочиненія Эрнеста Лесинья, о чемъ онъ, впрочемъ, и упоминаетъ:

„Существуетъ два соціализма.

„Одинъ—коммунистическій, другой—солидаристическій.

„Первый—властный, второй—свободный.

„Одинъ—метафизиченъ, другой—позитивенъ.

„Тотъ—догматиченъ, этотъ—наученъ.

„Первый требуетъ соціальнаго господства, второй вообще не признаетъ никакого господства.

„Первый глубоко вѣруетъ въ насиліе, второй вѣритъ только въ личныя силы.

„Первый требуетъ, чтобы у каждаго отбирали все, что онъ имѣетъ, второй желаетъ, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, что ему принадлежитъ.

„Первый вѣруетъ лишь въ классовую борьбу, второй усматриваетъ прогрессъ лишь въ сотрудничествѣ классовъ.

„Первый хочетъ самъ содержать весь міръ, второй требуетъ, чтобы каждый работалъ и содержалъ этой работой самого себя.

„Первый говоритъ:

„Земля должна принадлежать государству.

„Нѣдра ея также должны принадлежать государству.

„Машина должна принадлежать государству.

„Продукты труда должны принадлежать государству.

„Второй отвѣчаетъ:

„Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ.

„Нѣдра земли должны принадлежать рудокопу.

„Машины должны принадлежать рабочему.

„Продукты труда должны принадлежать тому, кто ихъ сдѣлалъ“.

Въ общемъ первое теченіе представляетъ собою якобы дѣтство соціализма, второе—его взрослое состояніе. Первый оказывается соціализмомъ прошлаго, второй—будущаго.

Тёкеръ объявляетъ себя сторонникомъ зрѣлости и будущности соціализма и потому онъ анархистъ.

Теперь полезно будетъ послѣдовать за Тёкеромъ въ его изученіи соціальныхъ вопросовъ. Поставивъ себѣ цѣлью проникнуть въ самую сущность его доктрины, я изложу въ послѣдовательномъ порядкѣ его воззрѣнія на главныя явленія личной и соціальной жизни и подвергну ихъ критикѣ. Затѣмъ я укажу на тѣ практическіе методы дѣйствія, которые Тёкеромъ рекомендуются.

Личная жизнь.

Мораль.

Мораль, безъ сомнѣнія, представляется главной проблемой личной жизни. Но существуютъ ли законы нравственности?

Mind your own business—пусть каждый думаетъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ: вотъ единственный нравственный законъ, законъ анархистовъ.

Кто вмѣшивается въ дѣла другого, совершаетъ преступленіе, и жертва его должна на него отвѣчать. Анархисты видятъ, стало быть, преступленіе противъ свободы личности—всякія распоряженія и мѣры властей, клонящіяся къ уничтоженію того, что нынѣ принято называть порокомъ.

Анархисты думаютъ, что свобода является лучшимъ исцѣлителемъ порока, и во имя той же самой свободы они предлагаютъ каждому жить именно такъ, какъ это ему будетъ удобно. Они положительно отрицаютъ всякія нравственныя обязательства. Если таковыя уже существуютъ, то они, по ихъ мнѣнію, могутъ быть только общественными, и то лишь въ томъ смыслѣ, что они заключены въ видѣ свободныхъ договоровъ между людьми, которые по условіямъ своей жизни должны жить другъ подлѣ друга, если же личная

воля не является фундаментомъ для такихъ обязательствъ, то они не могутъ имѣть никакого значенія.

Благодаря тому прогрессу, который постоянно совершается въ сознаніи личности, люди въ настоящее время отлично понимаютъ свои интересы и обязанности и прекрасно могутъ идти своей дорогой, не наступая своему ближнему на ноги. Въ общемъ же главной основой соціальной жизни является уваженіе къ правамъ другого. И вотъ въ этомъ-то единственномъ долгѣ анархисты видятъ весь нравственный законъ. Онъ не требуетъ ни обязательства, ни утвержденій, такъ какъ диктуется личными интересами каждаго индивидуума. Тотъ, кто преступитъ его, прежде всего и потерпитъ ущербъ и долженъ будетъ отвѣчать только передъ самимъ собою.

Поэтому, отвѣчая на вопросъ, обращенный къ нему однимъ изъ читателей Liberty, Тёкеръ опредѣленно высказалъ утвержденіе, что ученіе анархизма должно быть, естественнымъ образомъ, атеистическимъ. Вотъ подлинныя слова вопроса и отвѣта.

Читатель спрашиваетъ: „Если анархія, апостоломъ которой вы являетесь, заключается въ уничтоженіи всякаго закона и всякой власти, кромѣ закона умѣть управлять самимъ собою и ограничивать свои желанія (self-governement and self restraint), и если вы думаете, что одни эти добровольные законы удержатъ людей отъ всякаго покушенія на права другого, то каково же будетъ различіе между обществомъ, построеннымъ на этомъ принципѣ, и тѣмъ, которое управляется божественнымъ закономъ и требуетъ отъ насъ полнѣйшей любви къ Богу и къ ближнему“?

Тёкеръ на это отвѣчаетъ: „Общество, основанное на принципѣ добровольныхъ обязательствъ, не можетъ имѣть ничего общаго съ обществомъ, управляющимся по велѣнію божества, такъ какъ управленіе самимъ собою не примиримо

ни съ какимъ авторитетомъ, откуда бы онъ ни шелъ, отъ Бога или человѣчества. Формула: *Люби Бога изо всѣхъ силъ своихъ* предполагаетъ существованіе Бога, а если бы онъ существовалъ, то былъ бы враждебенъ людямъ, такъ какъ его власть направлялась бы на людей и вертѣла бы ими. Я отрицаю авторитетъ Бога, какъ и вообще отрицаю какой бы то ни было авторитетъ для себя, кромѣ меня самого. Что же касается второй части формулы: *Люби ближняго твоего какъ самого себя*, то я въ этомъ вижу не велѣніе, а совѣтъ, такъ какъ она основана на личномъ интересѣ. Я принимаю этотъ совѣтъ не потому, что онъ исходитъ, якобы, отъ Бога, а потому, что онъ продиктованъ мнѣ моею личною пользою".

Вооруженной такими принципами личности нечего бояться неудачъ. Послѣдуемъ же теперь за нею въ лабиринтъ общественныхъ отношеній.

Общественная жизнь.

Семья, Собственность, Государство—вотъ типичные продукты нашего соціальнаго строя. Тёкеръ изучаетъ ихъ съ точки зрѣнія анархиста.

Семья.

Ясно, что такой индивидуалистъ, какъ онъ, можетъ разсматривать семью лишь какъ группу лицъ, давшихъ другъ другу добровольныя обѣщанія, совершенно свободныя. Связь между мужчиною и женщиною должна быть заключаема и расторгаема безо всякихъ затрудненій. Что касается дѣтей, то Тёкеръ думаетъ, что они „принадлежатъ матери до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи принадлежать самому себѣ". Такимъ образомъ, на первый взглядъ можетъ показаться, что Тёкеръ объявляетъ себя приверженцемъ идеи матріархата; однако, матріархатъ его, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего властнаго, его идея передачи дѣтей матери *) обнаруживаетъ скорѣе отрицательный характеръ и, во всякомъ случаѣ, служитъ лишь къ ограниченію правъ

*) The children born of the love relations between independent individuals sehall belong exlusively to the mohter until old enough to belong to himself: дѣти, родившіяся отъ любовной связи независимыхъ индивидуумовъ, отдаются исключительно матери, пока не будутъ столь взрослы, что сумѣютъ принадлежать сами себѣ.

отца, которыя признаются во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Что касается взаимныхъ обязанностей мужа и жены, то и тутъ Тёкеръ, какъ и во всѣхъ случаяхъ личной жизни, исходитъ изъ интересовъ самой личности. Каждому выгодно исполнять свое собственное дѣло. Такъ дѣтей должны воспитывать родители, и они, въ свою очередь, будутъ кормить подъ старость своихъ родителей. Тутъ дѣло идетъ объ естественномъ законѣ, который отъ вмѣшательства политическаго закона можетъ только испортиться. „Дѣйствительно, восклицаетъ Тёкеръ, къ чему служатъ тѣ законы, которые какъ будто имѣютъ назначеніе покровительствовать женщинѣ и дѣтямъ, какъ не для того, чтобы облегчать нарушенія обѣщаній, которыя тѣмъ легче игнорируются и тѣмъ менѣе искренны, что и давали-то ихъ не добровольно? Съ другой стороны уничтоженіе гражданскихъ законовъ о бракѣ и семейномъ правѣ уничтожитъ и печальное, но, къ сожалѣнію, въ наше время неизбѣжное явленіе женской проституціи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, проституція до высокой степени является послѣдствіемъ того ложнаго пониманія половой любви, которое вселяютъ въ насъ эти самые законы.

Каковъ бы анархизмъ ни былъ, его нельзя отвергать только на основаніи тѣхъ рѣдкихъ случайностей, которыя, на первый взглядъ, какъ будто могутъ уменьшить общую цѣнность его выводовъ. Конечно, единичныя свободныя личности могутъ оказаться плохими, но анархистъ не можетъ считаться съ единичными фактами, совершенно недостаточными для того, чтобы уменьшить его вѣру въ абсолютную свободу семейной жизни, какъ и всѣхъ другихъ соціальныхъ отношеній. Государственники дѣлаютъ непростительную ошибку, основывая свое дѣло на исключеніяхъ, слишкомъ малочисленныхъ для того, чтобы они могли помѣшать великимъ законамъ природы прокладывать себѣ свой есте-

ственный путь. Особенно Тёкеръ обижается на манію современной демократіи издавать законы, которые имѣютъ цѣлью низводить всю огромную массу свободныхъ и честныхъ людей къ небольшой кучкѣ преступниковъ. Законы на первый взглядъ пишутся только въ защиту отъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ они давятъ рѣшительно всѣхъ.

Собственность.

Книга Тёкера отчасти состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы были поставлены читателями Liberty, а Тёкеръ имъ отвѣчалъ. Тѣ и другіе касаются деталей соціальныхъ вопросовъ и трудностей практическаго ихъ осуществленія, которыя не могутъ не бросаться въ глаза людямъ, внимательно изучающимъ это дѣло. Тёкеръ нисколько не пугается такихъ вопросовъ, а какъ разъ напротивъ. По его мнѣнію, истинная цѣнность ученія опредѣляется его способностью противостоять всякимъ ударамъ дѣйствительности.

„Вы полагаете, спрашиваетъ его одинъ читатель, что въ анархистское міросозерцаніе укладывается понятіе о собственности“?

Текеръ отвѣчаетъ: „Да, конечно, вѣдь анархія, по существу своему, представляетъ лишь реализацію идеи свободы; собственность должна будетъ, въ анархическомъ обществѣ, дополнить свободу личности. Единственная форма собственности, допускаемая анархистами и соотвѣтствующая, по ихъ представленію, свободѣ личности,—это та форма, которая обезпечиваетъ за личностью свободное пользованіе продуктами ея труда или всякимъ другимъ продуктомъ, попавшимъ въ его распоряженіе, конечно, безо всякаго обмана и хитрости, а лишь по добровольному соглашенію съ другимъ лицомъ. Это исключеніе обмана или обхода является главнымъ отличительнымъ условіемъ собственности въ пред-

ставленіяхъ анархистовъ; вѣдь я подъ этимъ словомъ вовсе не подразумѣваю только неблаговидные или злостные проступки или злоупотребленія, которыя постоянно позволяютъ себѣ баловни судьбы, но отношу къ нимъ также всѣ распоряженія правительства или законы, заключающіе въ себѣ какое бы то ни было насиліе или стѣсненіе".

А вотъ отвѣтъ Тёкера на другой вопросъ.

„Я не вѣрю, чтобы права собственности можно было обосновать метафизическимъ путемъ. Собственность представляетъ собою результатъ соціальнаго соглашенія и можетъ принимать различныя формы. Однако, единственной жизнеспособною формою собственности оказывается та, которая основана на полной свободѣ отдѣльныхъ личностей. Съ другой стороны, собственность непосредственно пріурочивается ко всѣмъ продуктамъ труда и, въ случаѣ земельныхъ отношеній, того участка, который данная личность непосредственно обрабатываетъ.

Признаніе Тёкеромъ исключительно общественнаго характера права собственности заставляетъ другого читателя обратиться къ нему съ рѣшительнымъ вопросомъ:

„Вы говорите, обращается онъ къ Тёкеру, что право собственности является результатомъ общественнаго соглашенія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что общество обязано гарантировать его осуществленіе, такъ какъ вѣдь самое право не имѣло бы никакого практическаго значенія, если бы общество не имѣло достаточныхъ средствъ для того, чтобы его обезпечивать. А вѣдь все это требуетъ учрежденія соціальной организаціи, располагающей способами дѣйствія и имѣющей возможность оказывать свою властную протекцію насильственно. Каковы же будутъ эти средства въ анархистическомъ обществѣ"?

Вопросъ этотъ дѣйствительно нѣсколько озадачиваетъ. Тёкеръ отвѣчаетъ на него такъ:

Анархисты вовсе не стремятся къ праву, какъ къ чему-то довлѣющему само себѣ и болѣе высокому, чѣмъ личные интересы. Право собственности, напротивъ того, является непосредственнымъ слѣдствіемъ личнаго интереса. Я уже говорилъ, что это самое право въ практическомъ своемъ примѣненіи осуществляетъ форму общественнаго договора, такъ какъ анархисты, отрицая необходимость власти, обезпечивающей якобы собственность, разсчитываютъ на такой строй, гдѣ всѣ члены общества единогласно будутъ принимать всѣ проявленія его. Вы, повидимому, думаете, продолжаетъ Тёкеръ, что съ того самаго момента, какъ общество не сумѣетъ путемъ правительственной власти обезпечивать право собственности, это право перестанетъ существовать. Анархисты, напротивъ того, полагаютъ, что именно тогда-то и начнется полное торжество собственности, такъ какъ общество, цѣликомъ построенное, подобно нынѣшнему, на насиліи и привилегіи, т.-е. на воровствѣ и захватѣ, превратится тогда въ добровольную организацію для его взаимной защиты и обезпеченія.

По Тёкеру, стало быть, право собственности, такъ сказать, присуще индивидууму; оно представляетъ собою, слѣдовательно, согласно послѣднему опредѣленію, продолженіе человѣческой личности, но получаетъ свое практическое осуществленіе въ соціальной жизни. Съ другой стороны, право собственности будетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ шире будетъ свобода. Стало быть общественная власть, вовсе не обезпечивая права собственности, какъ то думаетъ читатель Liberty, на самомъ дѣлѣ будетъ лишь враждебна ему.

Мы замѣтили уже, что Тёкеръ считаетъ насиліемъ даже законодательное вмѣшательство, имѣющее цѣлью обезпечивать тотъ или иной видъ права собственности. Говоря о лживости государственной протекціи, онъ заявляетъ: By fraup

I do not mean that which is simply contrary to equity, beet decat and false pretence in all their formes *).

Исходя изъ такого принципа, онъ высказывается противъ патентаціи открытій и всякихъ вообще авторскихъ правъ, въ томъ видѣ, какъ они понимаются нынѣ. Привилегіи, которыя въ настоящее время обезпечиваются за изобрѣтателями и авторами, представляютъ собою, по Тёкеру, несправедливую и гибельную монополію. Усиліе, которое дѣлаютъ работники такого рода, не заслуживаютъ того, чтобы ихъ вознаграждали больше, чѣмъ всякія другія усилія человѣка. Во всякомъ случаѣ такое усиленное вознагражденіе ихъ труда не должно быть обязательнымъ, а можетъ лишь быть добровольнымъ. Когда изобрѣтатель выправляетъ себѣ патентъ на свое открытіе, то онъ дѣлаетъ это далеко не съ тѣмъ только, чтобы обезпечить себя отъ подражаній, а скорѣе для того, чтобы по своему произволу эксплоатировать своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, патенты менѣе гарантируютъ изобрѣтателямъ ихъ открытіе, сколько служатъ доказательствомъ ихъ противообщественнаго направленія. Уничтоженіе же привилегій понизило бы цѣну изобрѣтеній до благоразумнаго уровня, а не такого, до котораго доводятъ его неумѣренные аппетиты изобрѣтателей. Цѣна ихъ опредѣлялась бы тогда степенью ихъ соціальной полезности. То же самое можно сказать и объ авторскихъ правахъ. Писатели сейчасъ разсчитываютъ болѣе на привилегію своихъ правъ, нежели на соціальную цѣнность ихъ сочиненій. Благодаря авторскимъ правамъ, самыя необходимыя для умственнаго образованія книги попадаютъ въ руки лишь ограниченнаго круга читателей. Съ другой стороны, и сами авторы стано-

*) Въ самомъ дѣлѣ, я не полагаю, чтобы обманъ былъ простой противоположностью справедливости, между тѣмъ какъ имъ-то и оказываются всѣ ложныя и хитрыя претензіи, какія бы формы онѣ ни принимали.

вятся жертвами этой привилегіи, такъ какъ рыночная цѣна ихъ творчества искусственнымъ образомъ увеличивается, такъ какъ разсчеты не всегда оправдываются выгодами, да и ими-то писатель не всегда сумѣетъ воспользоваться и, стало быть, самъ потерпитъ убытокъ. Дѣйствительно, плохіе разсчеты на выгоды заставляютъ иногда издателей платить авторамъ гораздо меньше, чѣмъ стоитъ ихъ трудъ въ дѣйствительности. И въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, свобода, по мнѣнію Тѣкера, является лучшимъ способомъ избѣжать несправедливостей и злоупотребленій. Анархисты далеки отъ того, чтобы не признавать за авторами и изобрѣтателями ихъ права собственности, но они желаютъ отнять у нихъ возможность брать подать за пользованіе богатствомъ, которое должно быть въ распоряженіи у всѣхъ (to exact tribute from others for the use of this natural wealth which schould be open to all).

Камнемъ преткновенія, о который постоянно спотыкается ученіе Тѣкера, предоставляющее производителю абсолютное право собственности надъ продуктомъ его труда,—это вопросъ о правѣ собственности на орудія производства, т.-е. на капиталъ и на землю. Мы видѣли уже, что по отношенію къ землѣ Тѣкеръ признаетъ собственность за тѣмъ, кто ее непосредственно обрабатываетъ. Что касается капитала, то, какъ мы могли замѣтить выше, взгляды на него Тѣкера нѣсколько туманны. Онъ, съ одной стороны, утверждаетъ, что капиталъ не имѣетъ права на ростъ; съ другой стороны, онъ признаетъ, что право собственности производителя можетъ простираться на всѣ формы производства, такъ какъ анархистическое воззрѣніе на собственность примѣнимо ко всѣмъ продуктамъ труда, каковы бы они ни были, будь то кусокъ желѣза или клочокъ земли (Anarchistic property concerns only products, but anything is a product upon which human labor has been expended, whether it be a piece of iron or a piece of land).

Вопросъ получаетъ существенное значеніе въ виду нынѣшнихъ условій земледѣлія или фабричной промышленности, такъ какъ, говоря словами г. де-Молинари, будущее принадлежитъ коллективному предпріятію, и настанетъ день, когда частная иниціатива въ земледѣліи и промышленности сдѣлается такой же рѣдкостью, какимъ ручное тканье стало нынѣ. Ни одна изъ формъ производства, будь то земледѣліе, либеральныя профессіи или же промышленность и торговля, не сумѣютъ освободиться отъ нашествія этой болѣе прогрессивной формы.

По правдѣ сказать, Тёкеръ, повидимому, не очень-то озабоченъ тѣми вопросами, которые вытекаютъ изъ этого стремленія производства къ коллективизму. Онъ, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ полемикѣ своей съ коммунистомъ Іоанномъ Мостомъ, не обнаруживалъ такихъ тенденцій. Правда, мы увидимъ, что мнѣнія его на этотъ счетъ нѣсколько измѣнились.

Въ 1888 году Тёкеръ писалъ: „Самымъ серьезнымъ доводомъ, имѣющимся въ рукахъ соціалистовъ-коллективистовъ противъ анархіи является невозможность избѣжать эксплоатаціи труда въ огромномъ промышленномъ производствѣ, разъ уже право индивидуальной собственности не будетъ уничтожено. Анархисты же прежде всего возражаютъ противъ необходимости производить именно въ такомъ огромномъ масштабѣ—это, по ихъ мнѣнію, вовсе не вызывается условіями экономической жизни. Напротивъ того, вполнѣ можно надѣяться на реакцію въ обратномъ смыслѣ, т.-е. въ сторону упрощенія средствъ производства, такъ что личность снова получитъ свое личное участіе въ продуктахъ промышленности“.

Мнѣ припоминается длинный разговоръ, который я имѣлъ на эту тему съ Тёкеромъ. При этомъ онъ воскликнулъ: „Какъ бы тамъ ни было, но я глубоко уповаю на то, что у

рабочихъ окажется достаточно духа добровольной организаціи, разъ только экономическая жизнь освободится отъ всякихъ экономическихъ злоключеній. Въ настоящее время капиталисты концентрируютъ все производство исключительно себѣ на пользу. Я обижаюсь на капиталъ лишь за тѣ привилегіи, которыя онъ предоставляетъ капиталистамъ и которыя сводятся къ тому, что капиталъ сталъ источникомъ дохода совершенно независимо отъ труда.

Въ этомъ отношеніи товарищество мелкихъ земельныхъ собственниковъ, образующихъ синдикатъ для болѣе интенсивнаго использованія земли, представляетъ собою экономическій идеалъ Тёкера по отношенію къ земледѣлію. Къ несчастію, вопросъ этотъ, по отношенію къ крупной промышленности, еще и до сихъ поръ открытъ. Однако, Тёкеръ ниже сообщитъ намъ, что средство противъ тѣхъ опасностей, которыя представляетъ собою промышленная концентрація капиталовъ, заключается въ полной свободѣ отказовъ состояній по духовнымъ завѣщаніямъ.

Тёкеръ признаетъ, стало быть, частную собственность; онъ признаетъ и даже желаетъ, для блага личности, семейной жизни; естественно, стало быть, что онъ признаетъ и наслѣдственную передачу имущества. Однако, эта передача должна быть совершенно свободною, и никакихъ законовъ о наслѣдствѣ существовать не должно.

По мнѣнію Тёкера, завѣщаніе есть актъ совершенно свободнаго дара. Съ другой стороны, вопросъ этотъ его особенно и не интересуетъ, такъ какъ онъ убѣжденъ, что экономическая свобода въ совершенномъ своемъ развитіи не допуститъ, въ нормальныхъ случаяхъ, накопленія большихъ богатствъ.

Государство.

Когда Текеръ произноситъ слово „государство", тонъ его становится пренебрежительнымъ, жесты дѣлаются болѣе энергичными, и въ глазахъ начинаютъ сверкать огоньки, которые обнаруживаютъ ту бурю, которая творится у него на душѣ. „Государство, о! государство! Желаете вы видѣть, что такое государство",—сказалъ онъ мнѣ однажды,—ну, такъ пойдемте со мною". Мы вышли на улицу. Контора Г. Тёкера помѣщалась тогда на Парковой площади, въ нижнемъ городѣ. Мы вскорѣ оказались среди шума Бродуея, противъ зданія почтамта. Спускаясь къ Баттареѣ, Тёкеръ указалъ мнѣ пальцемъ на огромныя зданія, гдѣ помѣщаются главные тресты. Налѣво, за поворотомъ въ улицу Валовъ, зрѣлище американскаго богатства становилось все болѣе и болѣе величественнымъ. Stock Exchange, резиденція банкира Пирнонта Моргана, строенія Standard Oil Company, постройки Atlantic Building, гдѣ помѣщается океанскій трестъ, Cotton Exchange, Corn Exchange, и всѣ эти ряды зданій, занятыхъ самыми разнообразными предпріятіями. „Видите—сказалъ мнѣ Тёкеръ,—вотъ порожденіе государства. Созданіе огромное, это правда, но абсолютно противообщественное. Только благодаря монополіямъ, обезпечиваемымъ за нимъ государствомъ, финансовый и предпринимательскій міръ могъ накопить эти огромныя богатства, построенныя изъ ужасающей нищеты другихъ людей. А теперь пойдемъ въ другое мѣсто".

Я пошелъ со своимъ спутникомъ опять въ гору, въ лабиринтъ перекрещивающихся улицъ, которыя ведутъ въ паркъ Роу, и вотъ мы очутились очень быстро въ центрѣ Bowery.

Здѣсь насъ окружало нѣчто иное. Я не видалъ ничего болѣе безотраднаго, какъ эти кварталы, которые вмѣстѣ образуютъ то, что въ Нью-Іоркѣ носитъ названіе Bowery. Это слово происходитъ отъ фламандскаго boer или boor (буръ, нѣмецкое Bauer) и значитъ крестьянинъ. Дѣйствительно, когда-то Bowery было населено земледѣльцами, еще въ то время, когда еще до войны за независимость въ штатѣ Нью-Іоркъ преобладалъ голландскій элементъ и берега Гудзона были окружены полями и пастбищами. Теперь это—кварталъ нищихъ и безработныхъ (unskilled laborers) всѣхъ національностей. Такимъ образомъ, мы прошли Чэтэмъ, Бэкстеръ, Нельберри, улицы Моттъ, и повсюду встрѣчались все съ однимъ и тѣмъ же зрѣлищемъ. Итальянцы или поляки, китайцы или евреи, всѣ жители этого квартала были одинаково обездолены.

„Здѣсь,— сказалъ мнѣ Тёкеръ,—умираютъ съ голоду. Смертность достигаетъ въ этихъ кварталахъ баснословной цыфры 36 и даже 38 на тысячу, а для дѣтей моложе пяти лѣтъ отъ 140—146 на тысячу“. Когда я выразилъ свое удивленіе по этому поводу, Тёкеръ перебилъ меня: „не оплакивайте тѣхъ, кто умираетъ. Они, увы, гораздо счастливѣе тѣхъ, кто остается жить“. Затѣмъ онъ повелъ меня къ ларямъ еврейскаго квартала (shops of Jewtonw), гдѣ изнываютъ жертвы системы „потѣнія“ (sweating system), шьющія по дюжинѣ штановъ за пятіалтынный; онъ показалъ мнѣ темные чердаки, гдѣ маленькія дѣвочки, уже старухи въ 15 лѣтъ, за нѣсколько копѣекъ изнываютъ, согнувшись надъ шитьемъ, съ пяти утра до десяти вечера. „Вѣрно, что заработокъ мужчины не можетъ понизиться дальше извѣстной нормы, но зато, увѣряю васъ, заработная плата женщины не имѣетъ никакого минимума“.

При видѣ этихъ исхудалыхъ лицъ, взглядъ которыхъ терялся гдѣ-то вдали, я не могъ не вспомнить трогательныхъ стиховъ Томаса Гуда:

O men, with sister dear!
O men with mothers and wives.
It is no listen you're wearing out
But human creatures lives!

* * *

Stitch! Stitch! Stitch!
In poverty, hunger and dirt
Sewing at once with a double thread
A shroud as well as a shirt *).

Мы осмотрѣли тюрьмы и зданіе суда, размѣстившіяся тамъ же, на нашемъ пути, какъ его этапы. Далѣе мы увидѣли лачуги, гдѣ ютятся цѣлыя семьи въ повалку. И кабачки или трёсты водки изнуряютъ тѣло рабочаго и отравляютъ его сознаніе; столько бѣдствія, столько нищеты, среди которыхъ раздается бряцаніе долларовъ, слышное въ сосѣднихъ домахъ. Душа моя изнывала...

„Ну вотъ, другъ мой,—воскликнулъ г. Тёкеръ,—вотъ вамъ созданіе государства, той власти, которую оно воплощаетъ въ себѣ, того стѣсненія, которое оно вызываетъ, той деморализаціи, которую оно производитъ. Я гдѣ-то читалъ, надъ фронтономъ больницы, приблизительно слѣдующую надпись:

*) О, вы, мужчины, слышите ли вы,
Какъ матери, какъ ваши жены, сестры
Надъ непосильною работой изнываютъ?
Но люди вѣдь онѣ, вотъ отчего такъ долго
Онѣ не умираютъ!

* * *

Шей, шей, до самой смерти шей!
Въ нуждѣ, и въ голодѣ, и въ жаждѣ суждено
Мнѣ ниткою полотна продѣвать
Другому на рубашку, мнѣ—на саванъ!..

This hospital a pious person built
But first he made the poor wherewith to fill't.

(Благочестивый мужъ то зданіе построилъ,
Но разоренный имъ бѣднякъ туда попалъ!).

„Вотъ какъ поступаетъ государство. Своими законами, своими покушеніями на свободу оно вызываетъ безпорядокъ среди людей и толкаетъ ихъ на путь ненависти и порока; затѣмъ оно великодушно беретъ на себя роль защитника и цѣлителя тѣхъ ранъ, которыя оно одно только и порождаетъ. Не правда ли, какое великодушіе"?

Протестовать и вообще дѣлать банальныя возраженія показалось мнѣ, при чистотѣ убѣжденій моего собесѣдника, оскорбительнымъ для его идей.

„Слово „государство" у всѣхъ на языкѣ,—продолжалъ Тёкеръ,—а вѣдь какъ мало людей дѣйствительно знаетъ, чтó оно представляетъ собою въ дѣйствительности. Анархисты, поставившіе себѣ главной цѣлью изгнать изъ соціальной жизни всякую несправедливость, отмѣчаютъ въ государствѣ два главныхъ свойства: прежде всего—его аггрессивность, во-вторыхъ—стремленіе къ единодержавію".

Вотъ каковы взгляды Тёкера на государство и, понятно, онъ отказывается признавать за нимъ какую бы то ни было соціальную функцію. По его мнѣнію, роль защитника, которая приписывается государству, представляетъ собою нѣчто второстепеняое и даже несетъ въ себѣ противорѣчіе (afterthoughts—заднія мысли, чтобы воспользоваться его собственнымъ выраженіемъ). И если очень-то ужъ сильно навязывать государству именно эту роль, какъ будто желая оправдать его существованіе, то на самомъ дѣлѣ начнешь ею разрушать это самое государство (defence was an afterthougt, prompted by necessity; and its introduction as a state fonction effected doubtless with a view to the strengthening of the state,

was really and in principle the initiation of the state's destruction).

Тотъ фактъ, что въ настоящее время стараются насколько возможно расширять функцію государства, какъ защитника, обнаруживаетъ, по мнѣнію Тёкера, стремленіе государства къ разрушенію, такъ какъ истинный смыслъ его заключается лишь въ захватѣ. Насиліе, захватъ, управленіе— эти слова въ его рѣчи употребляются какъ синонимы.

Всякій, кто управляетъ, контролируетъ и, стало быть, стѣсняетъ свободу другого; съ другой стороны, произвольный характеръ этихъ дѣяній не измѣнится никогда, какую бы внѣшнюю форму государство ни приняло. Насиліе никогда не перестаетъ быть таковымъ, каково бы ни было вліяніе одного лица, направленное противъ другого лица, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, или одного лица противъ всѣхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ самодержавныхъ государствахъ, наконецъ, большинства противъ меньшинства, что встрѣчается въ демократическихъ управленіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сопротивленіе насилію, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, само по себѣ не является насиліемъ, а лишь актомъ законной обороны.

Однажды читатель Liberty обратился къ Тёкеру со слѣдующимъ вопросомъ:

„Если бы правительство ограничилось функціями защиты и обезпеченія свободы всѣхъ членовъ коллективной единицы, то Вы все-таки пожелали бы его уничтожить"?

Отвѣтъ гласилъ:

„Анархисты ничего не имѣли бы противъ подобнаго правительства. Однако, для того, чтобы такой хорошій сонъ могъ оправдаться на яву, правительство должно было бы перестать быть самимъ собою, такъ какъ оно опирается на власть, а идея власти исключаетъ идею защиты".

Тёкеръ усиленно настаиваетъ на томъ, что защита, ока-

зываемая намъ со стороны государства, навязана намъ, а вовсе не является результатомъ нашихъ желаній и требованій; потому-то она и заключаетъ въ себѣ источникъ всякихъ несовершенствъ. Защита—это такая же роль, какъ и всякая другая, и потому, естественно, въ истинно свободномъ обществѣ она должна будетъ подчиниться закону спроса и предложенія. Если бы рынокъ освободился отъ всякихъ искусственныхъ залежей, мы могли бы достать себѣ этой защиты, разъ въ ней встрѣтилась бы надобность, по измѣняющимся и во всякомъ случаѣ сходнымъ цѣнамъ. Къ несчастію, государство монополизировало производство этой защиты, и, какъ и при всякой монополіи, оно даетъ намъ вмѣсто хорошаго товара всякую заваль и притомъ требуетъ съ насъ непомѣрно высокой платы. Точно также и торговцы съѣстными припасами снабжаютъ насъ зачастую ядомъ вмѣсто пищи. Государство же пользуется своей монополіей для того, чтобы вмѣсто помощи эксплоатировать насъ, и какъ потребители съѣстныхъ лавокъ платятъ за свою отраву, граждане государства платятъ за то, что ихъ дѣлаютъ рабами. Въ общемъ же жульничество государства въ значительной мѣрѣ превышаетъ всѣ остальныя, такъ какъ оно одно во вѣки вѣковъ (in aeternum) имѣетъ право снабжать насъ своимъ товаромъ и заставлять насъ покупать его.

Государство любятъ представлять какъ органъ общественнаго мира. Да, но гдѣ же оно, это идеальное и невѣроятное государство? Г. Текеръ видитъ повсюду только самовластныя, самозванныя государства, государства, защищающія всякаго рода привилегіи, и въ силу этого онъ и не можетъ уже повѣрить, чтобы Государство могло быть свободнымъ отъ стремленія къ захвату и отъ вражды къ личной свободѣ. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ страницахъ своей книги Текеръ дѣлаетъ слабые намеки на возможность вмѣшательства государства, разъ оно уже существуетъ (while existing), въ пользу

защиты свободы каждаго отдѣльнаго лица, и это, конечно, лишь за отсутствіемъ чего-либо лучшаго. Я замѣтилъ объ этомъ Тёкеру.

— Можно сказать, что Вы просто анархистъ-реформистъ, — сказалъ я ему какъ-то.

Онъ отвѣтилъ съ выразительной улыбкой:

—Я уже сообщилъ Вамъ, что смотрю на роль государства, какъ защитника, лишь какъ на путь къ уничтоженію государства.

— А если бы Вамъ предложили роль въ правительствѣ съ цѣлью увеличить его функціи защиты?—поймалъ я его тутъ же на словѣ,—приняли ли бы Вы, напр., мѣсто министра?

— Никогда! Анархистамъ нечего дѣлать тамъ, гдѣ даютъ приказанія.

Лицо моего собесѣдника внезапно омрачилось...

Тёкеръ считаетъ насильственнымъ вмѣшательствомъ государства его стремленіе оказать поддержку экономической производительности данной страны. „Покровительственные таможенные тарифы,—говоритъ онъ,—заставляютъ рабочихъ оплачивать ростовщическіе проценты не только на право пользованія капиталомъ, но и на плохое использованіе его“. Слѣдовательно, абсолютная свобода торговли является одной изъ существеннѣйшихъ основъ ученія анархистовъ. Тёкеръ видитъ спасеніе только въ безграничной конкурренціи труда, въ безпрестанной борьбѣ за прогрессъ. Все, что имѣетъ своею основой власть, все, что служитъ интересамъ одной лишь части общества, хотя бы она и насчитывала въ себѣ огромное большинство его членовъ, кажется ему насильственнымъ захватомъ и несправедливостью.

Такъ, напр., онъ не соглашается даже на обязательное обученіе, которое противорѣчитъ анархистическому духу (compulsory education is not anarchist), который требуетъ сво-

боднаго образованія, даваемаго тѣми, кто спеціально посвятитъ себя педагогикѣ.

„Считаете ли вы подходящимъ для анархиста,—задалъ ему вопросъ одинъ изъ читателей,—пользоваться нравственнымъ вліяніемъ для того, чтобы заставить кого-нибудь сдѣлать то, что мнѣ кажется лучшимъ"?

— Несомнѣнно,—отвѣчаетъ Текеръ,—я признаю вліяніе убѣжденія, влеченія, скажемъ воспитанія; особенно же сильно вліяютъ примѣръ и хорошіе успѣхи".

Изъ тѣхъ же самыхъ соображеній онъ противополагаетъ добровольные взносы, дѣлаемые въ пользу общаго дѣла, обязательной подати. Существуютъ, однако, различныя учрежденія, польза которыхъ можетъ быть отрицаема и съ перваго взгляда не бросается въ глаза, и между тѣмъ все-таки полезно и даже иногда необходимо было бы создать ихъ. Такъ вотъ какъ же заставить частное лицо пожертвовать своимъ непосредственнымъ интересомъ въ пользу общей и подчасъ очень отдаленной пользы? Вопросъ очень щекотливъ, и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ его, какъ извѣстно, разрѣшаютъ такимъ образомъ, что создаютъ для общеполезныхъ учрежденій законы насильственной экспропріаціи. И вотъ въ этомъ отношеніи мнѣніе Текера не представляется мнѣ вполнѣ убѣдительнымъ. Какъ-то въ разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ, что это представляется ему единственнымъ практическимъ затрудненіемъ, о которое спотыкается анархистическое ученіе. Дошло до того, что я самъ долженъ былъ поддержать его.

— Не безпокойтесь,—сказалъ я ему.—Когда свобода будетъ полною, если только это когда-либо случится, тѣхъ учрежденій, о которыхъ вы говорите, будетъ не меньше, чѣмъ теперь, а какъ разъ напротивъ. Забота о нихъ будетъ тѣмъ болѣе серьезна, что они будутъ создаваться только по требованію общей пользы и только имъ однимъ.

Свободная ассоціація индивидуумовъ, по мнѣнію Текера,

замѣнитъ ту искусственную и безсмысленную агломерацію, которая имѣетъ во главѣ своей государство. Свобода будетъ служить ей фундаментомъ, а добровольное сотрудничество явится ея естественнымъ проявленіемъ.

Эта кооперація выразится какъ въ продуктахъ труда, такъ и въ учрежденіяхъ, обезпечивающихъ взаимную защиту. Люди будутъ защищаться отъ всякаго внѣшняго натиска, хотя, по убѣжденію Тёкера, надобность въ такой защитѣ можетъ сказываться лишь временами. „Мы приближаемся,—говоритъ онъ,—къ такому моменту, когда не будетъ болѣе надобности въ насиліи, даже для того, чтобы бороться съ преступленіемъ, такъ какъ преступленіе исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ государства". Тѣмъ не менѣе, Текеръ не видитъ неудобствъ въ судѣ присяжныхъ, правда, не постоянномъ, а выбираемомъ по жребію для каждаго отдѣльнаго случая.

— Однако, въ такомъ случаѣ,—возразилъ я ему,—метаніе жребія имѣло бы характеръ закона, и делегаты, бросающіе между собою жребій, должны были бы пользоваться авторитетомъ, необходимымъ для того, чтобы внушать къ себѣ уваженіе.

Тёкеръ пожалъ плечами.

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете,—отвѣтилъ онъ,—что многіе не будутъ подчиняться этому яко бы закону, который, впрочемъ, вовсе и не законъ, такъ какъ обезпечиваетъ право за каждымъ?

Въ продолженіе этой бесѣды Тёкеръ признался мнѣ, что онъ ничего бы не имѣлъ противъ тѣхъ „юридическихъ компаній", о которыхъ говоритъ Г. де Молинари въ своей замѣчательной книгѣ „Эскизъ политической и экономической организаціи будущаго общества" (Esquisse de l'organisation politique et économique de la société future. Paris. 1899 г.). Эти компаніи, составляющіяся по принципу свободной конкур-

ренціи, возьмутъ на себя заботу защищать, за вполнѣ добровольное вознагражденіе, жизнь и собственность гражданъ. Онѣ займутъ мѣсто постоянныхъ судилищъ, опираясь какъ на права, такъ и на факты. Юридическое право возникло бы тогда изъ плодотворнаго соревнованія между судьями. Компаніи правосудія должны были бы также озаботиться исполненіемъ приговоровъ суда и наказаніемъ виновныхъ, такъ какъ наказаніе, въ принципѣ, Тёкеръ допускаетъ. Даже смертная казнь, по его мнѣнію, укладывается въ анархистскія рамки, такъ какъ общество, приговаривая кого-нибудь къ смерти, совершаетъ не убійство, а лишь актъ защиты.

Осуществится ли когда-нибудь общество безъ государства? Тёкеръ убѣжденъ, что—да. Посмотримъ теперь, какими дѣйствіями онъ хотѣлъ бы подготовить къ нему событія.

Дѣйствія анархистовъ.

Доказательство вполнѣ практическаго характера доктрины анархистовъ должно, какъ говоритъ Тёкеръ, быть проведено въ реальной жизни.

Онъ, слѣдовательно, считаетъ, что опыты такъ называемыхъ колоній анархистовъ, людей избранныхъ и просвѣщенныхъ, живущихъ внѣ общества, обманчивы; въ этихъ колоніяхъ совершенно нѣтъ соціальной жизни, и анархическая доктрина получаетъ тамъ хаотическое примѣненіе, такое, какимъ обыкновенно любятъ ее себѣ представлять. Далѣе мы приведемъ буквально слова Тёкера: „Если въ большомъ городѣ, гдѣ можно было бы представить различные интересы и характерныя черты нашей разнородной цивилизаціи, ядро активныхъ и интеллигентныхъ анархистовъ, людей разнородныхъ ремеслъ и различныхъ по общественному положенію, предложили бы выполнить производство и

раздѣлить богатство на основаніи права полной прибыли труда и если, кромѣ того, стоя въ открытой оппозиціи съ различными запретительными предписаніями, это ядро создало бы банкъ, въ который положили бы въ распоряженіе рабочихъ капиталы безъ прибыли, чтобы поднять ихъ дѣла; если бы оно употребляло этотъ все возрастающій капиталъ и давало бы денежныя пособія на новыя предпріятія, откуда всякій бралъ бы себѣ часть и пользовался бы преимуществами такой системы—системы свободнаго обращенія полученныхъ богатствъ,—то каковы, въ самомъ дѣлѣ, были бы послѣдствія подобнаго предпріятія?

Въ короткое время всѣ члены общества, умные и ограниченные, добрые и злые, какъ равнодушные и невѣрующіе, будутъ поражены его благодѣяніями, и они начнутъ все въ большемъ и большемъ количествѣ пользоваться новой организаціей экономической жизни. Всякій будетъ вполнѣ пользоваться плодомъ своихъ усилій, никто не будетъ жить трудомъ другихъ и его капиталомъ, и весь городъ обратится въ громадный улей работниковъ-анархистовъ, людей свободныхъ и счастливыхъ".

Вотъ та цѣль, которую въ настоящее время преслѣдуетъ своею пропагандою Тёкеръ. „Осуществленіе моего плана будетъ столь же медленно, сколь и неизбѣжно,—говоритъ онъ; во всякомъ случаѣ я почти совершенно не умѣю интересоваться предпріятіями, совершающимися вдали отъ того народа, съ которымъ я ежедневно встрѣчаюсь на улицахъ".

Главное средство, которымъ увлекается Тёкеръ, заключается въ полной свободѣ производства и обращенія богатствъ. Каждый долженъ имѣть право чеканить монету, снабженную его печатью и представляющую какъ бы накопленный трудъ или средство для созданія промышленнаго предпріятія. Въ общемъ Тёкеръ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ пути, проложенному Прудономъ. Какъ и этотъ фи-

лософъ, онъ думаетъ, что *организація кредита* является существеннѣйшимъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго повлечетъ за собою разрѣшеніе также и всѣхъ остальныхъ вопросовъ. Кредитъ долженъ быть всеобщимъ и безплатнымъ; каждый долженъ имѣть право пользоваться имъ. Стало быть организація кредита должна быть вырвана изъ лапъ государства и его чиновниковъ, которые въ настоящее время одни пользуются правомъ чеканить монету. Это право надо предоставить всѣмъ свободнымъ людямъ. Размѣнный банкъ, оперирующій безъ капитала и пользующійся лишь общественнымъ знакомъ, замѣняющимъ монету, долженъ будетъ представлять кредитныя учрежденія и будетъ производить всѣ операціи обыкновеннаго банка, но ничѣмъ не будетъ стѣсненъ и ни въ чемъ въ своей свободѣ не будетъ ограниченъ.

„И вотъ тогда-то,—говоритъ Текеръ,—благодаря конкурренціи между производителями, проценты на капиталъ падутъ до расходовъ по его использованію, т.-е. ниже одного %; тогда капиталисты не будутъ болѣе въ состояніи удержать свои капиталы въ рукахъ, и всѣ станутъ пользоваться капиталомъ въ той мѣрѣ, какъ это каждому будетъ нужно.

Свобода чеканки монеты и устройства размѣнныхъ банковъ (free money and free banking) является, по Текеру, самой важной реформой (the most important reform), къ осуществленію которой должны быть направлены всѣ усилія анархистовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я ему какъ-то,—когда осуществится подобная свобода, обращеніе богатствъ будетъ идти скорѣе, и не будетъ потеряно ни одно изъ плодотворныхъ приложеній человѣческой инціативы изъ-за недостатка средствъ къ его выполненію. Однако, скажите мнѣ, все-таки, развѣ свобода кредита въ настоящее-то время не существуетъ? Кто можетъ помѣшать мнѣ выпустить бумагу,

правда, не оплаченную монетою, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, однако, являющуюся реальнымъ обязательствомъ съ моей стороны: ну, возьмемъ, наконецъ, векселя?—Никто. Важно лишь найти человѣка, который ихъ возьметъ.

— That is the question*).

— Конечно. А Вы полагаете, что разъ организація кредита будетъ свободна, то я сумѣю тогда помѣстить и своихъ ярлыковъ, годныхъ для размѣна (bons d'échange), легче, чѣмъ я теперь могу обратить въ деньги и билетовъ (векселей).

— Са́мо собою разумѣется,—былъ отвѣтъ.—Прежде всего эти размѣнные ярлыки будутъ единственными дѣйствительными знаками, выражающими извѣстное богатство, между тѣмъ какъ теперь личные векселя должны быть обмѣнены на монету, обращеніе которой монополизировано. Далѣе, никто не будетъ въ состояніи отказать Вамъ въ принятіи отъ Васъ извѣстнаго билета, разъ всѣ будутъ имѣть право выпускать ихъ.

— Однако, я долженъ замѣтить, дорогой учитель, наконецъ,—сказалъ я,—что не вполнѣ могу постичь, какъ это все будетъ. Я боюсь, что Вы приписываете Вашимъ ярлыкамъ то же самое значеніе, которое Джонъ Ло пріурочилъ къ своимъ пестрымъ бумагамъ. Да, наконецъ, не пугаетъ ли Васъ неудача опыта, произведеннаго Прудономъ въ 1848 г.

— Вы увидите, что это будетъ совершенно иное дѣло,— возразилъ Текеръ.

— Ну хорошо, посмотримъ.

— Уничтоженіе государства,—воскликнулъ Текеръ,—можетъ быть лишь слѣдствіемъ соціальной революціи". Однако, по

*) Въ томъ-то и вопросъ.—Знаменитый стихъ изъ монолога Гамлета: „Быть или не быть—вотъ въ томъ-то и вопросъ" (To be or not to be—that is te question) *Прим. перев.*

представленіямъ Тёкера, соціальная революція должна явиться результатомъ пассивнаго сопротивленія власти. „Пассивное сопротивленіе,—говоритъ онъ,—это самое сильное оружіе, которымъ человѣкъ когда-либо боролся противъ тираніи". По его мнѣнію, только такое сопротивленіе и имѣетъ шансы на успѣхъ въ нашемъ обществѣ, насквозь пропитанномъ военной и чиновничьей субъ-ординаціями. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ не найдется ни одного тирана, который не предпочелъ бы скорѣе подавить грубою силою кровавую революцію вмѣсто того, чтобы постоянно чувствовать, что бóльшая часть его подданныхъ рѣшилась ему болѣе не повиноваться. Возстаніе подавить легко. Однако, врядъ ли найдешь такую армію, которая рѣшилась бы направить свои пушки противъ мирной массы людей, не желающихъ использовать свои избирательныя права, не участвующихъ въ рекрутскихъ наборахъ, не желающихъ платить налоговъ. „Противъ насилія власти нельзя бороться ни путемъ голосованія, ни бросаніемъ бомбъ, ни цареубійствомъ. Но разъ значительное число людей рѣшительныхъ, которыхъ рискованно было бы засадить всѣхъ въ тюрьму, закрывало бы двери передъ носомъ сборщика податей, также передъ носомъ старшаго дворника, пришедшаго за деньгами, если бы затѣмъ, вопреки законамъ, пустили въ обращеніе свою собственную монету, лишая капиталиста его процента, то государство, несмотря на всѣ воплощающіяся въ немъ привилегіи, очень скоро было бы обречено на погибель".

Тёкеру пришлось выдержать сильную полемику противъ анархистовъ-террористовъ, которые называли его „анархистомъ въ замшевыхъ перчаткахъ (kid-gloved anarchist), пользуясь удачнымъ выраженіемъ Теккерея. „Называйте меня какъ Вамъ угодно,—гордо отвѣтилъ онъ имъ,—я ради этого и пальцемъ не пошевельну. Я утверждаю, что насиліе, само по себѣ, ни къ чему не ведетъ. Вы самозванно пользуетесь

именемъ анархиста и позорите его своими безумными и отвратительными дѣлами“.

Для Тёкера единственными наиболѣе дѣйствительными средствами пропаганды являются слово и печать. Онъ признаетъ насиліе лишь въ томъ смыслѣ, чтобы сохранить свободу слова и печати. Да и тутъ онъ требуетъ, чтобы къ насилію прибѣгали лишь въ крайнихъ случаяхъ. Когда докторъ видитъ, что нестерпимая боль столь быстро истощаетъ силы больного, что можно опасаться смерти, онъ лишь тогда прибѣгнетъ къ наркозу. Да и то хорошій врачъ очень неохотно рѣшается на него, такъ какъ онъ знаетъ, что наркозъ нерѣдко парализуетъ дѣятельность прописанныхъ имъ лекарствъ. То же самое можно сказать и о насиліи въ пропагандѣ соціальнаго прогресса. Если кто станетъ пользоваться имъ безъ достаточной осторожности, какъ панацеей, безо всякой нужды, тотъ заслуживаетъ клички шарлатана. Вотъ почему насиліе противъ представителей власти можно позволять себѣ лишь тогда, когда послѣдніе дѣлаютъ невозможною всякую мирную агитацію. Пролитіе крови представляетъ собою само по себѣ бѣдствіе; однако, оно получаетъ оправданіе тогда, когда открытая и законная пропаганда становится невозможною.

Цѣлый рядъ мѣръ рекомендуется Тёкеромъ для пропаганды, и онъ силится словомъ и мыслью склонить къ нимъ своихъ приверженцевъ. Это будутъ: пассивное сопротивленіе; мирный отказъ исполнять тѣ обязанности, которыхъ теперь требуютъ отъ гражданъ; отказъ платить налоги; отказъ отъ рекрутчины; упорное презрѣніе къ закону и ко всякимъ проявленіямъ власти. Такъ какъ ученіе его основано исключительно на самой широкой личной свободѣ, то вся практическая сторона его дѣятельности направлена въ сторону *разсудочнаго* сопротивленія власти, которая является естественнымъ врагомъ этой желанной свободы.

И вотъ только подъ этой формою онъ готовъ поощрять современное движеніе рабочихъ въ смыслѣ образованія союзовъ, которое, по его мнѣнію, теперь нацѣло поглощено заботами о полученіи политическихъ правъ или вопросами заработной платы.

Совремецемъ вопросъ заработной платы и длина рабочаго дня падутъ сами собою, полагаетъ онъ, лишь бы рабочіе перестали въ нихъ видѣть ось своей агитаціи и замѣнили ихъ формальнымъ требованіемъ учрежденія свободы кредита.

Заключеніе.

Я кончилъ свое изложеніе доктрины Веньямина Р. Тёкеръ. Быть можетъ, на меня посѣтуютъ за то, что я не отвожу его ученію опредѣленнаго мѣста среди другихъ, и потому я, стараясь опредѣлить это мѣсто, прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ индивидуалистъ-солидаристъ-имморалистъ. Индивидуалистъ онъ потому, что не допускаетъ никакихъ препятствій личной дѣятельности и самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ идею власти. Солидаристъ онъ потому, что личная выгода, по его мнѣнію, неотдѣлима отъ выгоды общественной. Наконецъ, названіе имморалиста подходитъ къ нему оттого, что идея морали опредѣляется, по его ученію, только личнымъ интересомъ. Люби своего ближняго, говоритъ онъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ тотъ не будетъ любить тебя. Уважай свободу твоего сосѣда, если желаешь, чтобы и онъ, въ свою очередь, уважалъ твою свободу. Моральная концепція Тёкера основана цѣликомъ на личномъ интересѣ, и потому, какъ я уже выяснялъ выше, она не можетъ получать никакихъ полномочій свыше; съ другой стороны, его воззрѣніе на общество является естественнымъ слѣдствіемъ моральной его физіо-

номіи и потому оно источаетъ гармонію личной дѣятельности и направляетъ ее въ сторону пользы для всего міра.

Индивидуализмъ Тёкера въ значительной степени отличается отъ тѣхъ теорій, которыя обыкновенно понимаются подъ этимъ именемъ. Онъ отличается, главнымъ образомъ, своимъ солидаристическимъ характеромъ. Суровыя и непреклонныя формулы, выведенныя какъ результатъ изъ теоріи естественнаго отбора или борьбы за существованіе, кажутся ему въ высокой степени преувеличенными. Ни герои Карлейля, ни сверхчеловѣкъ Ницше не производятъ на Тёкера обаянія. Это, по его представленію, антисоціальныя существа, дѣятельность которыхъ должна роковымъ образомъ омрачать индивидуальность всѣхъ другихъ людей. Стало быть, ученіе Тёкера имѣетъ въ виду индивидуумъ, заключенный во всѣхъ человѣческихъ личностяхъ, безъ различія. И въ этомъ отношеніи ученіе его, по моему мнѣнію, носитъ на себѣ истинно-американскій характеръ. Оно боится крупныхъ, одиноко стоящихъ индивидуальностей, которыя, выступая изъ рядовъ массы, стремятся подчинить ее себѣ; напротивъ того, это ученіе старается образовать человѣчество средняго типа, свободное отъ всякаго рабства. Тёкеръ думаетъ, что неограниченная власть, вручаемая исключительнымъ натурамъ, обнаруживаетъ характерную черту эпохъ упадка. Великіе завоеватели, изобрѣтатели, изслѣдователи, однимъ словомъ, геніи всѣхъ категорій, представляютъ собою все-таки проявленія человѣка, но не типичное человѣчество. Истинная человѣчность выражается въ человѣкѣ скромномъ, въ работникѣ, въ отцѣ, любящемъ своихъ дѣтей, въ мужѣ, любящемъ свою жену, въ молодой дѣвушкѣ, которая облагораживаетъ своими чарами тернистый путь жизни, въ матери, которая посвящаетъ всѣ силы своей души счастью семьи.

Идеалъ Тёкера нашелъ себѣ краснорѣчиваго пѣвца въ

лицѣ поэта американской демократіи Уольта Уаймона. Его муза идеализируетъ какъ разъ такимъ образомъ, какъ я это сообщилъ, на американской же почвѣ, жизненность всего американскаго и новую американскую соціологію.

I will companionship thik
As trees along all the rivers of America
And along the shores of the great lakes
And all ower the prairies.

I will mane inseparable citics
With theis arms abouth each other's neck;
By the love of comrades
By the manly love of comrades *).

„Повсюду насажу я дружбу,—говоритъ поэтъ,—столь густо будутъ стоять друзья, какъ лѣсъ, обрамляющій и рѣки, и безконечныя великія озера Америки, и ея широкія степи. Я построю нераздѣлимые города, которые будутъ держать другъ друга за руки. И все это благодаря дружбѣ товарищей, благодаря мужской любви ихъ"...

Трёсты.

Слѣдуя неуклонно своей цѣли выяснить, насколько возможно, точную физіономію ученія Тёкера, которое, вовсе не избѣгая вопросовъ реальной жизни, старается изучить ихъ и провѣрить во всѣхъ деталяхъ, я считаю не лишнимъ привести мнѣнія интеллектуальныхъ анархистовъ Соед. Штатовъ относительно наиболѣе жгучаго вопроса, волнующаго въ Новомъ Свѣтѣ и политическій, и экономическій міръ: я говорю о трестахъ.

*) *Leaves of Grass*. Piladelphia 1900.

Однажды въ прекрасный іюньскій вечеръ я пошелъ на интимное собраніе, устраиваемое Тёкеромъ для друзей и учениковъ. На этотъ разъ собирались на берегу Гудзона, на молчаливыхъ высотахъ Уашингтонъ-Гея. Луна обливала чудный пейзажъ своимъ спокойнымъ бѣлымъ свѣтомъ. Противъ насъ, на другомъ берегу рѣки, на насъ бросали пренебрежительные взоры сарданапаловы виллы милліардеровъ. За нами же среди огромныхъ зеленыхъ кущъ величественно подымались купола Колумбійскаго университета и, казалось, напротивъ, покровительствовали намъ. Величавое спокойствіе господствовало въ этомъ забытомъ уголкѣ огромнаго города и только изрѣдка оно прерывалось серебристымъ смѣхомъ влюбленныхъ парочекъ, флиртировавшихъ на газонѣ, или радостными криками, раздававшимися съ лодокъ, проносившихся мимо насъ на рѣкѣ, подобно блуждающимъ огонькамъ, прыгающимъ по темной пучинѣ воды.

Мы растянулись на травѣ.

„Сегодняшній вечеръ,—началъ Тёкеръ,—мы посвятимъ самой серьезной темѣ. Надъ американскимъ обществомъ тяготѣетъ совершенно ненормальный выродокъ индивидуализма, и необходимо, чтобы анархисты постарались поставить индивидуализмъ снова на его нравственные устои. Какъ намъ держать себя по отношенію къ трестамъ“?

Споръ, очень оживленный, длился часа четыре. Тёкеръ резюмировалъ его въ слѣдующихъ словахъ:

„Мнѣ кажется прежде всего полезнымъ формулировать извѣстные принципы, которые слѣдуютъ изъ моей теоріи и которые находятъ прекрасное приложеніе къ занимающему насъ теперь вопросу. Свобода коопераціи должна быть столь же неограниченна, какъ и свобода конкурренціи. Кооперація, впрочемъ, до нѣкоторой степени является одною изъ формъ конкурренціи, между тѣмъ какъ и конкурренція,

въ свою очередь, оказывается формою кооперацiи. Кооперацiя и конкурренцiя въ одинаковой степени являются порожденiемъ личной свободы, и потому анархiя должна считать произволомъ всѣ тѣ законы, всякiя личныя и общественныя вмѣшательства, имѣющiе цѣлью задерживать ихъ развитiе. Въ этомъ отношенiи, сами по себѣ тресты, съ точки зрѣнiя анархиста, оказываются допустимыми. Стало быть, мѣшать ихъ возникновенiю было бы противно свободѣ, такъ какъ тресты не ограничиваютъ свободы конкурренцiи, являясь свободной группировкою нѣсколькихъ уже существующихъ комбинацiй; они скорѣе представляютъ собою подтвержденiе принципа конкурренцiи, такъ какъ имѣютъ возможность продавать дешевле другихъ. Если это представляетъ препятствiе свободной конкурренцiи, то значитъ, вообще, всякiй успѣхъ промышленнаго предпрiятiя на рынкѣ придется отнести къ этого рода явленiямъ. Было бы неправильно мѣшать г-ну Рокфеллеру открывать большой бакалейный магазинъ только потому, что, имѣя 500 миллiоновъ долларовъ, онъ можетъ, хотя бы ради своего удовольствiя, продавать по пониженнымъ цѣнамъ до тѣхъ поръ, пока не разоритъ конкуррентовъ и станетъ затѣмъ неограниченнымъ хозяиномъ рынка. Точно такъ же, какъ нельзя было бы помѣшать г-ну Рокфеллеру заняться бакалейной торговлей, ему нельзя запретить сдѣлаться заправиломъ керосиноваго треста. Однако, существенная сторона вопроса заключается не въ этомъ. Несомнѣнно, ранѣе существовало произвольное вмѣшательство въ свободную конкурренцiю, такъ какъ въ противномъ случаѣ г. Рокфеллеръ не могъ бы имѣть теперь 500 миллiоновъ долларовъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ представляетъ собою единственное исключенiе, такъ какъ въ свободной экономической жизни такiя накопленiя богатствъ не были бы возможны или, скажемъ, столь же доступны для Рокфеллера,

какъ и для всѣхъ другихъ лицъ, живущихъ въ томъ же обществѣ, какъ и онъ. Законодательныя стѣсненія трестовъ неосправедливы и смѣшны сами пособѣ. Тресты—это прямое порожденіе государства; ихъ происхожденіе надо искать въ таможенномъ уставѣ, въ патентахъ на открытія, въ фабричныхъ клеймахъ. Развѣ государство, защищающее своею властью и своею силою эти привилегіи, станетъ само уничтожать свое твореніе? Впрочемъ вѣрно, что функція брать и давать является однимъ изъ обычнѣйшихъ занятій того нелѣпаго учрежденія, которое зовутъ государствомъ.

„Пусть намъ прежде всего скажутъ, соотвѣтствуютъ ли покровительственные законы, патенты, фабричные знаки справедливости или нѣтъ. Если да, то почему же мѣшать ихъ совершенно естественнымъ послѣдствіямъ? Если нѣтъ, то почему ихъ поддерживать?

„Внимательно изучая вопросъ, мы дѣйствительно придемъ къ выводу, что тресты уже не представляютъ собою результата конкурренціи, а, напротивъ того, оказываются плодомъ систематическаго стѣсненія свободы конкурренціи. Это дѣтища монополій, тѣхъ привилегій, о которыхъ я уже говорилъ. И анархистамъ, борящимся безъ устали противъ всякаго рода привилегій, слѣдуетъ изучить и возникновеніе трестовъ и предложить средства противъ тѣхъ бѣдствій, которыя ихъ породили".

Г. Тёкеръ вспомнилъ затѣмъ о тѣхъ доводахъ, которые онъ приводитъ противъ патентовъ, фабричныхъ знаковъ и таможенныхъ стѣсненій. Онъ прочелъ намъ, по этому поводу, рукопись описанія своей лекціи на эту тему, читанной въ Центральномъ музыкальномъ залѣ въ Чикаго 2/14 сентября 1899 г. по случаю преній о трестахъ, организованныхъ Національной федераціей гражданъ (National Civic Federation).

„Но, какъ я уже много, много разъ повторялъ,—продол-

жалъ онъ,—самою вредною монополіей является монополія денегъ. Г. Брайанъ былъ очень правъ, когда онъ сталъ доказывать, что разрушеніе этого треста поведетъ къ паденію всѣхъ остальныхъ. Къ несчастію, г. Брайанъ до сихъ поръ еще не желаетъ разрушать этого треста, такъ какъ онъ пока только настаиваетъ на томъ, чтобы единая золотая валюта была замѣнена двойною, золотой и серебряною. Стало быть, онъ требуетъ только смягченія тяжести монетнаго треста, но далеко не его уничтоженія. Вы же знаете, что анархія, напротивъ того, поставила своимъ девизомъ полную свободу денежнаго обращенія.

„Мы должны, слѣдовательно, смотрѣть на законы, направленные противъ трестовъ, какъ на нѣчто совершенно безполезное и недѣйствительное, что только еще болѣе увеличитъ и усложнитъ и такъ уже сильно давящій аппаратъ нашей конституціи. Тресты имѣли бы тогда право обернуться къ государству и воскликнуть, подобно Цезарю: И ты, Брутъ (Tu quoque)? И ты, государство, разишь меня, ты, породившее меня, ты, кому я, взамѣнъ за это, далъ столько власти и величія?

„Свобода, одна только свобода—вотъ въ чемъ исцѣленіе. Уничтожимъ существующіе законы, но не будемъ замѣнять ихъ новыми. Вотъ какъ анархисты должны относиться къ вопросу о трестахъ“.

Этими словами собраніе и закончилось. Возвращаясь домой по электрическому трамваю, спускавшемуся съ горы съ головокружительной быстротою, я не могъ не удивиться глубокой вѣрѣ оратора въ свободную творческую мощь человѣческой дѣятельности. Мнѣ казалось, что я вижу великій источникъ прогресса въ той упорной борьбѣ и въ смѣлой апостольской дѣятельности Тёкера и его друзей.

ГЛАВА III.

Анархисты-революціонеры.

Подвиги коммунистовъ Нью-Іорка.—Пэтерсонъ.—Забастовка ткачей по шелку.—Итальянскіе анархисты.—Чикаго.—Slums.—Армія безработныхъ.—Sweating.—Съѣздъ коммунистовъ.—Славянскій мистицизмъ.—Англійскіе коммунистическіе журналы.

Революціонное движеніе анархистовъ, какъ я уже передъ тѣмъ замѣтилъ, съ этихъ поръ потеряло всякую симпатію въ Соединенныхъ Штатахъ; въ настоящее время, послѣ бомбъ въ Геймаркѣ, въ Чикаго, въ 1886 году, и послѣ распущенія двухъ революціонныхъ ассоціацій International working people's Association et International workmen's Association (Интернаціональная ассоціація рабочаго люда и Интернаціональная ассоціація рабочихъ), можно утверждать, что, начиная съ конца 1890 года, никакой истинный американецъ не сталъ бы содѣйствовать революціонному анархизму. Между тѣмъ этотъ послѣдній процвѣтаетъ еще въ центрѣ иммиграціи, поддерживаемый пріѣзжими иностранными агитаторами и бѣдственнымъ положеніемъ безработныхъ. Чикаго и Нью-Іоркъ всегда были главными очагами анархизма. Въ этихъ двухъ городахъ, гдѣ практикуется sweating system (система умиротворенія) въ широкомъ размѣрѣ и подъ различными видами, апостолы активной пропаганды легко на-

пили послѣдователей среди безчисленныхъ жертвъ капиталистической концентраціи, среди арміи unskilled laborers (выброшенныхъ за бортъ и потерпѣвшихъ крушеніе на тяжеломъ пути борьбы за существованіе). Теперь Нью-Іоркъ кажется совершенно спокойнымъ, благодаря въ особенности кампаніи, предпринятой журналомъ Тѣкера Liberty (Свобода), который старался разоблачить преступныя дѣйствія нѣкоторыхъ якобы анархистовъ, истинною цѣлью которыхъ не являлась идейная пропаганда, а, напротивъ того, эксплоатація довѣрчивой публики.

Начиная съ 1883 до начала 1886 года, въ рабочемъ кварталѣ Нью-Іорка періодически вспыхивали пожары. Эти пожары, которые, вѣроятно, происходили отъ взрыва керосиновыхъ лампъ, причинили смерть нѣсколькимъ лицамъ и разорили множество домовъ. Полиція подозрѣвала, по правдѣ сказать, что происхожденіе пожаровъ было преступнымъ, но никогда не могла доказать этого практически. Въ виду естественнаго безпокойства публики, журналъ The Sun (Солнце) сдѣлалъ анкету, и ему болѣе посчастливилось, чѣмъ полиціи. Журналу удалось установить, что пожары являлись умышленными поджогами нѣмцевъ, скрывавшихся отъ правосудія въ Европѣ и поступившихъ членами секціи Нью-Іоркскаго отдѣленія Интернаціональной ассоціаціи рабочаго люда и Нью-Іоркскаго соціально-революціоннаго клуба, находившагося въ зависимости отъ вышеназванной организаціи.

Эти индивидумы дѣйствовали слѣдующимъ образомъ: они нанимали сначала комнату, туда ставили немного мебели, не особенно цѣнной. Затѣмъ они страховали эту мебель въ какомъ-нибудь обществѣ, превышая стоимость въ 10—20 разъ больше настоящей. Керосиновая лампа, составляя часть движимости, неизмѣнно вспыхивала нѣсколько дней спустя послѣ полученія страхового полиса. Мебель

сгорала безъ остатка, страховыя общества платили свои преміи, а страхователи получали большіе барыши. Хроникеръ изъ газеты „Солнце“ констатировалъ тотъ фактъ, что за послѣдніе 2 года около 50 пожаровъ произошли именно при такой обстановкѣ. Въ результатѣ — невинныя жертвы, страховыя общества тоже терпѣли значительные убытки, а населеніе рабочихъ кварталовъ находилось въ вѣчномъ безпокойствѣ. Благодаря инициативѣ газеты „Солнце,“ полиція могла, наконецъ, арестовать злоумышленниковъ—въ лицѣ пяти нѣмцевъ. И такъ какъ „Солнце“ попутно пустило клевету, будто анархическія доктрины способствовали совершенію подобныхъ преступленій, Тёкеръ энергично протестовалъ, и въ № „Свободы“ отъ 27-го марта 1886 года высказалъ свое возмущеніе противъ такого сближенія анархистовъ и преступленія. Іоганнъ Мостъ, издатель нью-іоркскаго журнала Freiheit, обвинилъ тогда Тёкера въ томъ, что онъ является пособникомъ полиціи. Но Тёкеръ, не обративъ даже вниманія на это странное обвиненіе, ограничился бросить слѣдующую фразу Мосту, которая сдѣлалась знаменитой среди анархистовъ: „He who is not against these crimes is for them“— „Кто не противъ этихъ преступленій, тотъ заодно съ ними“. Мостъ, у котораго въ числѣ сотрудниковъ журнала были сами поджигатели, долженъ былъ замолчать. Съ тѣхъ поръ Нью-Іоркъ пересталъ быть оплотомъ мятежнаго анархизма. Кромѣ журнала Freiheit, который и сейчасъ выходитъ въ Нью-Іоркѣ, тамъ подпольно печатается „Liberty“, подъ редакціей ирландскаго коммуниста Макъ-Квэна. Кабачекъ Коле и Тегтмелеръ, который содержится Германомъ Коле, редакторомъ газеты Freiheit, является обычнымъ мѣстомъ свиданія нью-іоркскихъ коммунистовъ. Однако, слѣдуетъ признать, что они, будучи гораздо менѣе анархистами, чѣмъ просто заинтересованными лицами, повидимому, теперь не собираются организовать актовъ разрушенія.

Въ настоящее время Чикаго остался истиннымъ центромъ движенія, и по большей части тамъ можно найти людей искренно - увлеченныхъ коммунистически - революціонной идеей. Между прочимъ, есть въ Соединенныхъ Штатахъ другой, какъ бы сказать, очагъ революціонной пропаганды, о которомъ необходимо сказать, что причина его извѣстности въ Европѣ крайне незаслуженна: я хочу сказать о Пэтерсонѣ.

Пэтерсонъ.

Я пріѣхалъ въ Пэтерсонъ около начала іюня 1902 года. Пэтерсонъ—это маленькій городокъ въ штатахъ Нью-Джерсей, расположенный въ часѣ ѣзды отъ Нью-Іорка. Туда можно пріѣхать пароходомъ, который въ концѣ двадцать третьей улицы съ восточной стороны приводитъ къ пригороду Джерсей, откуда ѣдутъ уже по желѣзной дорогѣ Пенсильванской компаніи. Живописно расположенный у подножія холмовъ Гобокена, Пэтерсонъ является промышленнымъ городомъ перваго разряда; это самый значительный центръ шелково-ткацкой промышленности въ восточныхъ штатахъ. Сырой матеріалъ большею частью привозится изъ Франціи и Италіи. Многочисленныя ліонскія и ломбардскія фирмы выстроили уже приблизительно двадцать лѣтъ тому назадъ большіе заводы, и по ихъ примѣру позже стали строиться также и заводы швейцарскихъ и американскихъ торговыхъ домовъ; такимъ образомъ, изъ 44000 рабочихъ данной спеціальности въ Соединенныхъ Штатахъ вообще на Пэтерсонъ приходится 12000. Съ другой стороны, наряду съ ткацкими фабриками возникли и многочисленныя красильни, получающія отъ нихъ работу.

Когда я пріѣхалъ, рабочіе-красильщики бастовали съ половины апрѣля мѣсяца по причинѣ недостаточности ихъ

заработка; этотъ послѣдній былъ на самомъ дѣлѣ ниже средняго, установленнаго въ текстильной промышленности въ другихъ штатахъ государства. Пріостановка работъ въ красильняхъ мало-по-малу коснулась отчасти и ткачей; многіе заводчики разсудили, что опасно или безполезно производить товары, которые они не могли выбросить на рынокъ, не имѣя возможности ихъ окрасить. Къ тому же число безработныхъ возросло къ половинѣ іюня до 15000, изъ которыхъ третья часть и даже болѣе были итальянцы. Ожесточеніе стачечниковъ поднялось до крайности. Хозяева-капиталисты, разсчитывая на отсутствіе организаціи среди своихъ рабочихъ, а еще соотвѣтственно этому на ихъ бѣдственное положеніе, не шли ни на малѣйшую уступку. Въ Соединенныхъ Штатахъ большимъ почетомъ пользуется the starvation system, заключающаяся въ томъ, что рабочаго побѣждаютъ голодомъ; и вотъ оказалось, что въ Пэтерсонѣ международные капиталисты объявили себя болѣе убѣжденными сторонниками этой системы, чѣмъ любой директоръ любого американскаго синдиката.

18-го іюня стачники устроили митингъ въ Зальсъ-Паркѣ, въ пригородѣ Галедонъ, въ 2 километрахъ отъ Пэтерсона. На этомъ собраніи присутствовало 8000 работниковъ и работницъ и предсѣдательствовалъ М. Макъ-Грэсъ, по происхожденію ирландецъ; этотъ послѣдній, по ремеслу красильщикъ, не задолго до этого положилъ начало ассоціаціи рабочихъ шелкоткацкаго производства. Макъ-Грэсъ обратился къ бастующимъ со словами энергичными, но справедливыми. Онъ посовѣтовалъ имъ сплотиться дружнѣе для отчаянной борьбы за улучшеніе своего экономическаго положенія. Въ собраніи между тѣмъ чувствовалось возбужденіе. Отъ времени до времени раздавались протесты, враждебные возгласы на разныхъ языкахъ, которые рождали новые крики и новые протесты, все болѣе воинственные, и, отражались зло-

вѣщимъ образомъ въ долинѣ, кишащей рабочими, и даже съ деревьевъ, на всѣхъ сучьяхъ которыхъ висѣли люди. Макъ-Каэнъ, пріѣхавшій нарочно изъ Нью-Іорка, попросилъ тотчасъ же слова и сказалъ короткую, сильную рѣчь, свирѣпость которой стачечники поняли только наполовину, что не помѣшало имъ разразиться неистовыми апплодисментами. Въ этотъ моментъ какой-то голосъ закричалъ: Vogliamo Galleani! Vogliamo Galleani!

„Мы требуемъ Галлеани!“ и тысячи голосовъ, какъ эхо, повторяютъ: „Галлеани! Галлеани!“ Луиджи Галлеани, редакторъ журнала La Questione sociale (Соціальный вопросъ) изъ Патерсона, влѣзаетъ тогда на столъ. Апплодисменты съ энтузіазмомъ удваиваются, и долина моментально принимаетъ видъ волнующагося океана поднятыхъ кверху рукъ, шляпъ, платковъ, журналовъ и тросточекъ. Потомъ въ собраніи внезапно наступаетъ тишина. Галлеани начинаетъ говорить. Я никогда не слыхалъ болѣе популярнаго и сильнаго оратора, какъ Луиджи Галлеани. Онъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ слова, сопровождаемымъ рѣдкой способностью у трибуновъ — точностью и ясностью мысли. Голосъ его полонъ пыла, взглядъ живой, проницательный, жесты его полны исключительной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ безупречнаго изящества. Конечно, онъ всегда говоритъ по-итальянски, съ легкимъ акцентомъ ломбардца; но англійскіе и французскіе рабочіе, которые въ этотъ день находились въ толпѣ, слѣдили за его рѣчью съ сильнымъ вниманіемъ и, казалось, схватывали значеніе каждаго слова.

„Una turba, assetata d'oro e di sangue“,—толпа, наглотавшаяся золота и человѣческой крови,—началъ Галлеани,—давно уже эксплоатируетъ вашъ трудъ, о, товарищи. Для нихъ—богатство, роскошь; для васъ—нищета, позоръ. И чѣмъ больше проливается вашей крови, тѣмъ скорѣе сундуки вашихъ хозяевъ наполняются монетами. Съ этими деньгами они

построятъ себѣ еще цѣлыя состоянія и, если понадобится, а къ несчастью это всегда и бываетъ, они купятъ совѣсть негодяевъ, чтобы тѣ задушили васъ. Дадите ли вы задушить себя“?

Дрожь пробѣжала по присутствующимъ, но Галлеани продолжалъ: „Посмотрите на вашихъ женъ: онѣ были красивы, полны здоровья. Работа, на которую обрекли ихъ ваши хозяева, сдѣлала ихъ блѣдными, исхудалыми, малокровными. Взгляните на вашихъ дѣтей: вы мечтали увидѣть ихъ взрослыми, красивыми, сердечными, развитыми: а заводъ обращаетъ ихъ въ скотовъ. Не были ли вы полны надежды, покидая вашу родину, что тираннія исчезла? Увы! Въ этой странѣ пресловутаго прогресса вы точно также подвергнуты тиранніи, не менѣе истощающей васъ.

„Товарищи! Воспряньте! Отвѣчайте законной силѣ капитала силой человѣческаго возмущенія“!

Посреди апплодисментовъ стачечниковъ, Галлеани соскакиваетъ внизъ съ трибуны и, размахивая палкой, стремится къ выходу парка, въ сопровожденіи ревущей и угрожающей толпы. Они быстро перешагнули до High Mountain road и черезъ бульваръ Rip van Winkle, добрались до ткацкой I. A. Hall et C-ie, расположенной въ километрѣ отъ парка. Рабочіе, которые тамъ еще работали, вышли оттуда и присоединились къ забастовщикамъ. Ихъ встрѣчаютъ неистовые апплодисменты. Но фатально то, что эти манифестаціи опьяненной чувствомъ толпы никогда не бываютъ свободны отъ опасности: если это не ослѣпленіе самихъ манифестантовъ, которое причиняетъ безпорядокъ, это будетъ чрезвычайный страхъ тѣхъ, противъ кого направлена манифестація. Можетъ быть, колонна стачниковъ шла бы своимъ ходомъ, не вызывая плачевныхъ случайностей, но въ моментъ, когда рабочіе изъ завода Галль побросали работу, замѣститель хозяина возымѣлъ ничѣмъ необъяснимую мысль вы-

стрѣлить изъ револьвера въ воздухъ. Послѣдствіемъ этого необдуманнаго поступка явился неописуемый шумъ среди рабочихъ. Стали обмѣниваться револьверными выстрѣлами, собственно говоря не зная для чего, прямо глупо, машинально. Прибытіе наряда полиціи, вызванной по телефону собственниками завода, остервенило окончательно стачниковъ.

Одному анархисту Сальвино Лора попало пулей въ голову, и онъ умеръ на слѣдующій день въ больницѣ. Также былъ раненъ револьвернымъ выстрѣломъ въ животъ нью-іоркскій репортеръ Гари Гаррисъ. Толпа тотчасъ же разсѣялась въ безумномъ безпорядкѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Пэтерсонѣ было вооруженное возстаніе.

Манифестаціи были почти вездѣ, особенно въ союзѣ Галль, гдѣ находится еще много заводовъ; но пожарнымъ удалось легко ихъ усмирить. Мэръ изъ Пэтерсона Гинглифъ отрѣшилъ отъ должности начальника мѣстной полиціи и взялъ на себя лично отвѣтственность управлять этой послѣдней.

„Анархія должна быть выметена изъ Пэтерсона", сказалъ мэръ одному журналисту: Anarchy must be swept out from Paterson. Губернаторъ штата Нью-Джерсей прислалъ солдатъ, которые приблизительно на недѣлю поселились на улицахъ города и на двухъ заводахъ. Словомъ сказать, къ концу 10 дней, благодаря пустымъ животамъ рабочихъ, промышленники одержали верхъ, и работа возобновилась въ полномъ размѣрѣ.

Конечно, анархія не могла быть выметена изъ Пэтерсона, такъ какъ не отъ мэра Гинглифа зависѣло уничтожить ее. Я употребилъ это слово въ грубомъ его смыслѣ, такъ какъ, напротивъ, жадность и жестокость хозяевъ поддерживаютъ саму анархію. Спрошенный по этому поводу прежній начальникъ полиціи въ Пэтерсонѣ, комендантъ Грэль, по типу красивый американецъ съ восточныхъ паст-

бійць, ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ: „они меня отрѣшили потому, какъ мнѣ кажется, что я былъ недостаточно энергиченъ съ анархистами. Вѣрите ли въ то, что если бы я арестовалъ всѣхъ анархистовъ, то рабочіе имѣли бы меньше резону быть недовольными процентами ихъ заработка“?

* * *

Рабочіе Пэтерсона, по большей части итальянцы изъ сѣверныхъ провинцій Италіи, это все бывшіе крестьяне или рабочіе ткачи изъ Ломбардіи и Пьемонта, изъ тѣхъ областей, гдѣ ткацкій промыселъ составлялъ когда-то драгоцѣнный источникъ дохода для крестьянъ, маленькихъ ремесленниковъ или поденщиковъ. Послѣ промышленныхъ и аграрныхъ переворотовъ, происшедшихъ въ сѣверной Италіи, голодъ и избытокъ народонаселенія заставилъ переселиться ихъ на американскую почву, куда они устремились изъ Италіи, мечтая о лучшемъ существованіи. Этихъ переселенцевъ тамъ рекрутировали и даже сопровождали большею частью итальянскіе и французскіе предприниматели, которые разсчитывали на ихъ крайне дешевыя рабочія руки. Многократно утверждали, что среди нихъ были и анархисты. Я не стану этого опровергать, тѣмъ болѣе, что въ Пэтерсонѣ помѣстили особое бюро итальянской полиціи, предназначенное для активнаго наблюденія за ними, и, конечно, разъ полиція существуетъ, то, какъ говорятъ, уже навѣрно ради какой-либо цѣли. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ замѣтить, что то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня рабочій кварталъ Пэтерсона, этотъ грозный очагъ революціи, откуда, какъ говорятъ, періодически выѣзжаютъ зловѣщіе посланники темной силы, какъ-то: убійцы монарховъ и министровъ, на самомъ дѣлѣ произвелъ на меня совершенно другое впечатлѣніе; это просто рабочій центръ, какъ и всякій другой гдѣ, можетъ быть, нѣсколько горячѣе спорятъ, чѣмъ въ дру-

гомъ мѣстѣ, но гдѣ менѣе всего думаютъ о заговорѣ и гдѣ вовсе, повидимому, не приготовляются къ покушеніямъ. Неизвѣстно, были или нѣтъ покушенія анархистовъ - итальянцевъ въ Патерсонѣ, но во всякомъ случаѣ они имѣли чисто индивидуальный характеръ.

Много разъ, на другой день послѣ покушенія, произведеннаго какимъ-либо итальянцемъ, публика восклицала: „опять итальянецъ! Всегда итальянцы!“ Но чѣмъ объясняются эти частыя покушенія у лицъ итальянской націи?

Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ не найдешь болѣе плодотворнаго очага для анархіи, какъ Италія.

Въ концѣ концовъ, что такое изъ себя представляетъ анархистъ-революціонеръ? Почему-то привыкли называть этимъ именемъ лицъ, которыя совершаютъ политическія убійства въ высшихъ сферахъ; но раньше чѣмъ сдѣлаться преступнымъ, анархистъ активной пропаганды, подобно интеллектуальному анархисту, это человѣкъ отрицающій самую идею всякой власти, всякаго стѣсненія.

Италія всегда была колыбелью такихъ людей. Вспомнимъ ея исторію. Полуостровъ много столѣтій являлся ареной борьбы всевозможныхъ страстей. Побѣдители всѣхъ національностей спорятъ изъ-за обладанія ея территоріей, а итальянскій народъ, какъ кажется, присутствуетъ при ихъ ссорахъ скорѣе въ качествѣ зрителя, чѣмъ жертвы; увы!—онъ апплодируетъ побѣдителямъ скорѣй не потому, что ждетъ отъ нихъ льготъ, а часто ради самой идеи побѣды. Что касается его самого, то онъ остается индифферентнымъ передъ зрѣлищемъ стольких пороковъ и встрѣчаетъ новаго властелина съ тою же безпечностью, съ какою разстался съ прежнимъ. Существуетъ итальянская поговорка, которая великолѣпно выражаетъ эту характерную итальянскую беззаботность: „перемѣнили капельмейстера въ часовнѣ, но музыка осталась той же“.

E cambiato il maestro di capella
Ma la musica è sempre quella.

Кругъ итальянскихъ ученыхъ и артистовъ, какъ отмѣчаетъ Эдгаръ Кине, если прослѣдить его въ исторіи, насквозь зараженъ этимъ политическимъ равнодушіемъ. Въ то время, когда арміи Карла VIII, Льва XII, Максимиліана, Франциска I и Карла V безнаказанно избороздили Италію во всѣхъ направленіяхъ, появляются на свѣтъ лучшія произведенія Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело. Еще не высохшія фрески Рафаэля затемнены нечистымъ дыханіемъ солдатъ, которые грабятъ Ватиканъ. Какъ будто разгорается борьба между завоевателями, которые разрушаютъ, и художниками, которые создаютъ. Повсюду на стѣнахъ выдвигаются величественные символическіе образы, — безсмертныя творенія римской, флорентійской и венеціанской школы; они какъ бы оспариваютъ мѣсто у воиновъ, и властное спокойствіе ихъ чертъ запечатлѣваетъ увѣренность въ побѣдѣ. Поэты съ Пульчи, Боярдо де Аріоста и Гольдони; художники, начиная съ Перуджини до Рафаэля, Корреджію и Андреа-дель-Сарто, — всѣ обнаруживаютъ то же величавое спокойствіе; чувствуется, что идеалы ихъ находятся не на землѣ и что споры людскіе не могутъ омрачить ихъ алмазной чистоты. Во время разграбленія Рима Пармезанъ писалъ картину до того момента, пока ландскнехты не вошли въ его мастерскую. Еще Кине сказалъ: „ищите у мадоннъ Андреа-дель-Сарто, Корреджіо и Рафаэля олицетвореніе грустнаго взгляда Италіи — плѣнницы, изнасилованной, разоренной, уничтоженной, изрѣзанной. Вы тамъ найдете, противъ ожиданія, не взглядъ отчаянія въ виду политической гибели, но счастливый взоръ, устремленный къ небу“.

Италія, въ силу историческаго развитія своего искусства, философской и политической мысли, первая изъ государствъ

вышла изъ узкаго круга національности, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Она, не защищаясь, довѣрилась духу цивилизаціи, генію человѣчества. Родиной итальянцевъ уже издавна стала вселенная; и этотъ самый духъ универсальности, это стремленіе къ безграничному вызывало у такихъ людей, какъ Альберти Бруническо, Леонардо-да-Винчи, неукротимое желаніе все знать, все примирить, обнять всю вселенную въ своемъ мірѣ идей. Христофоръ Колумбъ гордится сознаніемъ, что земной шаръ въ его рукахъ, что онъ увеличилъ землю, подобно тому какъ Галлилею суждено было расширить небо.

Паскаль Виллари, знаменитый историкъ, разсказываетъ, что когда онъ однажды находился въ Неаполѣ, на другой день послѣ провозглашенія объединенія Италіи, онъ, нанимая извозчика, спросилъ его, какія чувства испытываетъ онъ въ виду наступившихъ событій. „Ну да, отвѣтилъ возница, все это было бы прекрасно, но мнѣ вовсе не нравится это громадное количество правилъ, которыя предъявляютъ къ бѣднымъ людямъ, и эта масса полицейскихъ, которые за вами наблюдаютъ. Вообразите себѣ, воскликнулъ кучеръ, что насъ обязуютъ теперь ставить номера на фонаряхъ экипажа. Такимъ образомъ весь міръ знаетъ, куда мы ѣдемъ и что мы дѣлаемъ; наша прежняя независимость исчезла. На самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, кончая свою рѣчь, нѣтъ даже возможности умереть по своему: „non si lascia manco più morire in pace“. Съ своей точки зрѣнія неаполитанскій кучеръ былъ правъ. Управленіе Бурбоновъ имѣло въ себѣ нѣчто патріархальное, что нравилось беззаботнымъ и безпечнымъ итальянцамъ-южанамъ. Бурбоны ничего не просили у народа, кромѣ денежныхъ контрибуцій, которыя были крайне скромны по причинѣ абсолютнаго отсутствія настоящей административной организаціи.

Единственно, что король Фердинандъ требовалъ отъ своихъ подданныхъ,—это не заниматься политикой, и въ этомъ

ему не подчинялись только выдающіеся люди. Желѣзныя дороги, обязательная школа, всеобщая подача голосовъ, военная служба—все это непремѣнно должно было перевернуть этотъ спокойный міръ, гдѣ всѣ, какъ казалось, были счастливы въ своей нищетѣ. Такимъ образомъ, народъ долженъ былъ относиться съ непреодолимымъ недовѣріемъ къ новымъ законамъ и правиламъ, которые ему навязывали. Представьте себѣ: заставляютъ кучеровъ приклеивать номеръ къ фонарю экипажа!

То, что безусловно вѣрно для южной Италіи, то до высокой степени характерно и для сѣверной. Испробовавъ всякаго рода владычества, итальянскій народъ, во всемъ своемъ составѣ, какъ южный, такъ и сѣверный, легко видитъ въ каждомъ правительствѣ или узурпатора или врага. Когда въ Англіи агенты арестовываютъ преступника на улицѣ, прохожіе въ случаѣ надобности помогаютъ представителямъ власти задержать его; въ Италіи же они скорѣй помогутъ ему уйти. По мнѣнію итальянскаго народа, идея власти пріурочивается ко всякимъ непріятнымъ случайностямъ; хотя мы погрѣшили бы противъ нея, если бы за все дѣлали ее отвѣтственной. „Какая скверная погода“!—говоритъ всякій крестьянинъ, когда боится града: „вотъ погода — дрянь правительство!“—говоритъ въ такомъ случаѣ крестьянинъ итальянецъ. „Che tempo; governo ladro!“ Контрабанда является въ Италіи не только промысломъ, но также часто и забавой. Обманываютъ таможню ради удовольствія, только для того, чтобы сдѣлать непріятность правительству.

Однажды мнѣ предложили въ Италіи пачку иностранныхъ сигаръ, которыя попали въ королевство контрабандой. Мнѣ эти сигары показались не особенно хорошими, что же касается цѣны, то и она также не обусловливала выгодной коммерческой сдѣлки; на мое замѣчаніе контрабандистъ воскликнулъ съ энтузіазмомъ: „но во всякомъ случаѣ это все-

таки контрабандныя сигары“. На самомъ дѣлѣ я не разъ слышалъ, какъ въ Италіи хвалили сигары только за то, что онѣ контрабандныя.

Благодаря ихъ фатальному скептицизму и врожденной антипатіи ко всякой власти, итальянцамъ остается лишь одинъ шагъ, чтобы сдѣлаться анархистами-революціонерами.

Уже доказывали, что анархистъ активной пропаганды—это фанатичный альтруистъ, крайне чувствительный человѣкъ, который своей сензитивностью и фанатизмомъ достигаетъ высшей степени экзальтаціи. Это особенно вѣрно для анархистовъ-итальянцевъ. Чезаре Ломброзо по этому поводу сдѣлалъ крайне интересное наблюденіе. Религія по отношенію альтруистическаго фанатизма является обыкновенно самой благопріятной почвой. Напримѣръ, у германскихъ народовъ религія вербуетъ тысячи фанатиковъ, которые, подъ видомъ и во имя самыхъ разнообразныхъ теорій, лихорадочно работаютъ, чтобы спасти ближнихъ отъ гибели. Такимъ образомъ у нихъ является громадное поле дѣятельности, гдѣ они могутъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, удовлетворять своему влеченію, строить церкви, устраивать богоугодныя заведенія, читать сообщенія, организовывать идейныя общества или арміи спасенія.

Въ латинскихъ странахъ—наоборотъ: тамъ, гдѣ католическая церковь распространяетъ свое вліяніе, религія является отвлекающимъ средствомъ отъ фанатизма, и это не по причинѣ невѣрія массы, но главнымъ образомъ благодаря организаціи самой католической церкви. Эта послѣдняя на самомъ дѣлѣ не представляетъ собою свода вѣрованій гибкихъ, податливыхъ, удобопонятныхъ для всѣхъ, но, напротивъ того, это громадный іерархическій институтъ, основанный на послушаніи и полномъ подчиненіи вѣрующихъ. Всякій имѣетъ тамъ свои опредѣленныя обязанности, путь его дѣятельности предначертанъ напередъ и вѣрованія стиснуты въ опредѣ-

ленныя, неизмѣнныя рамки. Въ силу этого фанатизмъ латинскихъ народовъ проявлялся, за немногими исключеніями, только въ соціальной и политической жизни. Въ Италіи нѣкогда фанатизмъ такого рода далъ разбойниковъ; теперь онъ намъ даетъ анархистовъ-революціонеровъ. Можно даже сказать, что итальянскій разбойникъ — это анархистъ отдаленной эпохи, менѣе сложной, чѣмъ наша; когда жизнь усложнилась, въ свою очередь измѣнился и типъ инсургента, и старый калабрійскій разбойникъ, который дѣйствовалъ дубиной, въ наши дни превратился въ судью королей и императоровъ.

Однако, по этому поводу можно сдѣлать существенное замѣчаніе. Разбойники всѣ были итальянцы-южане, анархисты активной пропаганды—всѣ сѣверные итальянцы. У жителей средиземноморской области полная энергія проявляется лишь тогда, когда они дома, среди своихъ горъ и роскошныхъ долинъ. Вдали отъ родины характеръ ихъ измѣняется до такой степени, что они покорно выдерживаютъ испытанія соціальной борьбы.

Къ тому же профессіи итальянцевъ-южанъ на чужой сторонѣ способствуютъ ихъ душевному равновѣсію. По большей части это—рабочіе, которые выполняютъ свои работы на чистомъ воздухѣ, какъ-то: каменщики, землекопы, торговцы фруктами, чистильщики сапогъ, странствующіе музыканты. Ихъ независимость, ихъ личность не подавляется такого рода занятіями. Сѣверные итальянцы—наоборотъ: у себя дома они были крестьянами или домашними рабочими, въ Америкѣ же всегда дѣлаются рабочими крупной промышленности. Работая въ шахтахъ или на заводахъ, они теряютъ свою индивидуальность въ сложной системѣ общаго труда, и когда они выходятъ на воздухъ, то нравственно испытываютъ всю тяготу своего рабства. У нихъ нѣтъ обыкновенно энергіи группироваться, основывать синдикаты. Въ

Италіи, напримѣръ, собственно говоря, рабочія ассоціаціи—рабочихъ крупной промышленности—очень малочисленны, тогда какъ организація рабочихъ мелкой промышленности или рабочихъ-землепашцевъ достигаетъ необыкновенной моральной силы. Можно прямо сказать, что итальянскій рабочій чувствуетъ себя изнеможеннымъ послѣ тяжелаго рабочаго дня, посреди глухого шума машинъ. Часто это изнеможеніе и эта глубокая скорбь, которая имъ овладѣваетъ, съ отчаянія заставляетъ его браться за оружіе противъ существующаго порядка вещей. Поступки его—это не есть результатъ продуманной убѣжденности сектанта, а скорѣе невольный порывъ экзальтированной души, измученной одиночествомъ и нравственными потрясеніями. Когда чувствительный и фанатичный итальянецъ попадаетъ въ бурный водоворотъ современной жизни, то онъ теряетъ подъ ногами почву и начинаетъ мстить по-своему за несчастія свои и своихъ ближнихъ.

Въ Пэтерсонѣ, безъ сомнѣнія, есть такіе люди, и я ихъ самъ встрѣчалъ. Между тѣмъ, по моему разумѣнію, я исключаю возможность, чтобы именно Пэтерсонъ служилъ той лабораторіей, въ которой они зарождаются. Существованіе въ этомъ городѣ анархической революціонной пропаганды среди итальянскихъ рабочихъ имѣетъ то же происхожденіе, тѣ же причины, которыя образовали такую же пропаганду въ мѣстахъ, принадлежащихъ другимъ національностямъ; иммиграція европейскихъ революціонеровъ явилась послѣдствіемъ репрессивныхъ законовъ, обнародованныхъ въ Европѣ. Послѣ событій, которыя привели къ распаденію Интернаціонала, нужно отмѣтить, съ другой стороны, что по отношенію Италіи эта иммиграція совпадаетъ съ первымъ началомъ переселенческаго движенія изъ Италіи въ Соединенные Штаты. Раньше 1871 года не было и слѣдовъ итальянской эмиграціи въ Америкѣ. Только съ 1880 года началось на-

стоящее теченіе эмигрантовъ между Италіей и Соединенными Штатами. Вотъ цифры, относящіяся къ переселенію итальянскихъ эмигрантовъ въ Соединенные Штаты съ 1871 г. до нашихъ дней:

1871— 80	55.759	1881— 90	307.309
1891—1900	651.897	1901—1902	373.438

Въ теченіе періода отъ 1871—1880 гг. апостоламъ революціи легче удавалось сѣять общественную ненависть въ умахъ тѣхъ людей, которые особенно воспринимали это ученіе, благодаря ихъ нищетѣ и скорби, а главное—неопытности. Съ этого времени послѣдовательное появленіе новыхъ эмигрантовъ, такихъ же несчастныхъ, какъ и первые, но болѣе развитыхъ и лучше пріученныхъ къ войнѣ, быстро перемѣнило положеніе дѣлъ въ Пэтерсонѣ. Есть, конечно, въ Пэтерсонѣ анархисты-революціонеры, какъ есть и вездѣ въ Америкѣ и другихъ мѣстахъ.

Энрико Малатеста, знаменитый итальянскій анархистъ, который въ настоящее время пребываетъ въ Лондонѣ, наѣзжаетъ туда на короткое время, также какъ и князь Кропоткинъ. Они пріѣзжаютъ, устраиваютъ совѣщаніе, потомъ спокойно возвращаются къ себѣ, не производя большого шума. Организуютъ ли они заговоры? Это было бы наивно думать. Вотъ, напримѣръ, анекдотъ, который проливаетъ лучъ свѣта на то, что совершается въ ужасныхъ собраніяхъ Пэтерсона. Было созвано, нѣсколько времени тому назадъ, собраніе по поводу пріѣзда Кропоткина; присутствовало тамъ много сотенъ рабочихъ, а Кропоткинъ говоритъ, говоритъ долго посреди благоговѣйной тишины. Вдругъ подымается какой-то индивидуумъ и начинаетъ кричать: Viva la libertà! Да здравствуетъ свобода! Всѣ переглянулись, удивленные. Докладчикъ останавливаетъ его болтливость и кажется не менѣе удивленнымъ отъ этого несвоевременнаго перерыва.

Но тотъ продолжаетъ кричать: Viva la libertà! Viva la libertà! Тогда все собраніе, не зная, вѣроятно, что предпринять, начинаетъ пѣть гимнъ рабочихъ:

Su fratelli! su compagne!
Su venite in fitta schiera;
Sulla libera bandiera
Splende il sol dell'avvenir

* *
*

Il riscatto del lavoro
Dei suoi figli opra sarà;
O vivremo del lavoro
O pugnando si morrà.

Товарищи и братья, время подошло
Злой тираніи сбросить ярмо
И двинуться свободными ногами
Навстрѣчу солнцу—съ яркими лучами.

* *
*

Пусть въ поискахъ безплодныхъ ужъ не станетъ.
Нашъ сынъ свой вѣкъ напрасно заѣдать,
Иль будущее намъ пусть лучшее предстанетъ,
Иль предпочтемъ мы въ битвѣ погибать!

И, пропѣвши гимнъ, всѣ вышли изъ залы. Несчастный докладчикъ былъ этимъ ошеломленъ.

Оффиціальный журналъ анархистовъ Пэтерсона—это La Questione Sociale (Соціальный вопросъ) издается на итальянскомъ языкѣ. Только недавно стали издавать второе изданіе на англійскомъ языкѣ—The Social Question. Это, конечно, органъ коммунистовъ-революціонеровъ. Онъ редактируется относительно аккуратно, но онъ полонъ риторическихъ и высокихъ фразъ, которыя зачастую, по правдѣ говоря, остаются

пустымъ звукомъ. Въ общемъ число революціонеровъ Патерсона, какъ въ средѣ итальянскихъ рабочихъ, беспрестанно уменьшается. Съ другой стороны, однако, анархическое движеніе итальянцевъ-колонистовъ въ Америкѣ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе методичнымъ и раціональнымъ. Я только приведу въ доказательство, что два новыхъ итальянскихъ революціонно-пропагандныхъ журнала, которые только-что открылись—La Protesta umana въ Нью-Іоркѣ (Человѣческій протестъ) и La Cronica sovversiva въ Баррѣ (штатъ Вермонъ)—открыто объявляютъ себя журналами индивидуалистическаго направленія.

Чикаго.

„Чикаго представляетъ собою цѣлый міръ"—is a world in itself, сказалъ одинъ англійскій путешественникъ. Это правда. Ни одинъ американскій городъ не могъ бы типичнѣе Чикаго выразить основной характеръ лихорадочной жизни Штатовъ. Исторія Чикаго—это высшее олицетвореніе американскаго генія. Въ 1850 году тамъ насчитывали около 60.000 жителей, въ 1870 году стало 300.000. 8-го октября 1871 года страшный пожаръ уничтожилъ почти весь городъ; оттуда вѣтеръ занесъ пепелъ до архипелага Азорскихъ острововъ. Въ настоящее время эта чудесная царица запада насчитываетъ до 1.700.000 жителей. Рожденный изъ земли, настоящій городъ-грибъ—mushroom city, въ немъ зародились самыя оригинальныя предпріятія, какъ слѣдствіе самороднаго населенія. Если въ Нью-Іоркѣ слово business (дѣло) равносильно всей человѣческой жизни, то въ Чикаго это слово заключаетъ съ себѣ также и религію; вокругъ business въ Чикаго вертится все существованіе, вся мысль. Потому-то промышленность, торговля и особенно духъ иниціативы пріобрѣли тамъ баснословное развитіе.

Соціальный центръ, который образовался въ Чикаго, въ высшей степени характеренъ. Какъ и въ Нью-Іоркѣ, американцы, которые родились въ Соединенныхъ Штатахъ, представляютъ тамъ слабое меньшинство. Тамъ преобладаютъ нѣмцы, ирландцы, но также много итальянцевъ, поляковъ и русскихъ. Ничего нѣтъ болѣе отвратительнаго, какъ бѣдные кварталы этого роскошнаго города, куда стекаются естественныя богатства Соединенныхъ Штатовъ: нигдѣ на свѣтѣ не чувствуется такъ сильно голодъ, какъ въ этомъ всемірномъ складочномъ мѣстѣ съѣстныхъ припасовъ. Въ Чикаго находится почти до 3.000 такъ называемыхъ slums обоего пола, всѣхъ національностей міра, но гдѣ преобладаютъ польскіе и русскіе евреи и итальянцы. Эти slums занимаютъ поверхность около 2 квадр. километровъ и состоятъ изъ нѣсколькихъ кучъ домовъ, деревянныхъ и каменныхъ, которые всѣ въ плачевномъ состояніи въ смыслѣ прочности и возмутительны въ гигіеническомъ отношеніи. Они тянутся отъ улицы Полькъ до Гольстеда съ западной стороны рѣки Чикаго, вплоть до двѣнадцатаго бульвара и отъ улицы Стэтъ, вдоль улицы портныхъ до аллеи Ньюберрю, откуда подымаешься уже вновь на Гольстедъ и Полькъ.

По даннымъ оффиціальной анкеты *), доходъ жителей бѣдныхъ кварталовъ Чикаго достигаетъ до 6 долларовъ 79 центовъ на семью въ недѣлю. Семья же обыкновенно состоитъ изъ 4 членовъ; но такъ какъ встрѣчается значительное число семействъ изъ 7, 8, 10 и даже 12 и 15 челов., то среднее ариѳметическое лицъ, составляющихъ семью, по оффиціальной статистикѣ — 5,09. Среди slums (бѣдняковъ) Балтиморы семья состоитъ изъ 4,48, въ Нью Іоркѣ 4,90, въ

---

*) The Slums of Baltimore, Chicago, New-Iork and Philadelphia. Вашингтонъ, правительственная типографія.

Филадельфіи изъ 5,15. Вотъ средніе доходы по семьямъ по послѣднимъ статистическимъ даннымъ:

Количество лицъ въ семьѣ.	Средній еженедѣльный доходъ.
10,27	3 доллара
37,90	6 „
37,69	11 „
14,14	сомнительно
100,00	среднее 6,79 долларовъ.

По моимъ личнымъ наблюденіямъ, эти доходы, къ несчастію, крайне призрачны. Работы, которымъ посвящаютъ себя жители slums, крайне измѣнчивы, заработки ихъ также. Средній дѣйствительный заработокъ семьи никогда не превосходитъ въ теченіе года 3½ долларовъ въ недѣлю. Съ другой стороны, установленіе средняго заработка никогда не выражаетъ дѣйствительности. Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо подумать о томъ громадномъ количествѣ семей, доходъ которыхъ не можетъ быть опредѣленъ (whose earning is not specified), какъ говорятъ, смягчая выраженіе, американскіе статистики.

Какъ бы тамъ ни было, все, что зарабатываетъ семья, является продуктомъ работы всѣхъ ея членовъ, включая сюда и дѣтей, начиная съ пятилѣтняго возраста. Миссъ Жанъ Адамсъ, знаменитая директриса Hull House, высказала совершенно вѣрную мысль, что глава семьи въ slums'ѣ печется о содержаніи своего семейства такъ же обманчиво, какъ и то, что разъ кто станетъ искать работу, то непремѣнно ужъ такъ и найдетъ ее. Напротивъ, въ slums'ѣ отецъ семейства въ общемъ не имѣетъ никакой опредѣленной профессіи.

Онъ выходитъ утромъ изъ дому на авось, въ надеждѣ

снести кому-либо чемоданъ или почистить квартиру; мечтой его является такое мѣсто, гдѣ бы то ни было, которое обезпечивало бы ему пропитаніе въ продолженіе одной или двухъ недѣль. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно итальянцы, занимаются хожденіемъ въ качествѣ странствующихъ музыкантовъ или пѣвцовъ, другіе торгуютъ мелочью, какъ-то: нитками, иголками, пуговицами, карандашами, бумагой. Но ихъ сегодняшнее занятіе не бываетъ занятіемъ ежедневнымъ. Дома жены и дѣти производятъ различныя работы, смотря по времени года и спросу. Многіе изъ нихъ, особено евреи, заняты шитьемъ при отдѣлкѣ костюмовъ и платьевъ, подъ условіемъ системы sweating (потѣнія, т.-е. безконечнаго рабочаго дня), что не мѣшаетъ мальчикамъ идти на улицу чистить сапоги или продавать газеты, а молодымъ дѣвушкамъ—предлагать на улицѣ прохожимъ остатки слишкомъ, къ сожалѣнію, быстро увядшей отъ лишеній молодости. Часто, когда заказы случаются въ большемъ количествѣ, мужчины работаютъ также дома, шьютъ всѣ гуртомъ въ единственной комнатѣ, которая служитъ одновременно и кухней, и спальней, и мастерской. Только при помощи ожесточеннаго истощающаго труда семья зарабатываетъ сообща 900—1.000 франковъ въ годъ, причемъ квартира поглощаетъ треть. Гигіеническія условія жителей slums'a, какъ я уже говорилъ, плачевны. Бюро народнаго здравія въ Чикаго констатировало неисчислимое по разнообразію количество микроорганизмовъ и приводитъ ихъ списокъ *).

Я согласенъ съ тѣмъ, что не надо чрезмѣрно пугаться сообщеніемъ микробіологовъ, цѣлью которыхъ, какъ мнѣ ка-

---

*) Staphylococcus pyogenus aureus, Staphylococcus pyogenus albus, Staphylococcus pyogenus citreus, Staphylococcus pyogenus salivarius, Streptococcus septicus liquefaciens, Micrococcus cereus albus, Saccharomyces rosaceus и еще пятьдесятъ другихъ.

жется, является желаніе еще болѣе усложнять жизнь, но, несмотря на это, можно повѣрить, что различные сорта микробовъ, переименованные мною, хотя и не смертельны, но никогда не встрѣчаются въ помѣщеніяхъ богатыхъ людей. Смертность жителей slums'а достигаетъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ ужасающихъ размѣровъ: 35, 37, 42 на 1.000.

Уайковъ *), профессоръ университета въ Принстонѣ, разсказываетъ, какъ онъ присутствовалъ однажды при визитѣ одного санитарнаго инспектора въ мастерской портного еврея. Чиновникъ осмотрѣлъ внимательно помѣщеніе, но потомъ, пораженный нечистотой, обратился къ одному изъ подмастерьевъ со словами: „почистите здѣсь, а то иначе здѣсь въ домѣ скоро начнутся инфекціонныя заболѣванія“. Съ искаженнымъ лицомъ, рабочій, котораго спросили, быстро повернулся къ инспектору и закричалъ ему въ лицо: „Досугъ ли намъ заниматься чистотой? Не говорите намъ о болѣзняхъ, а скажите намъ, откуда достать хлѣба; мы ищемъ хлѣба и только хлѣба (il's bread w'ere after bread!)“! Инспекторъ замолчалъ и скоро вышелъ изъ комнаты, какъ бы желая скрыть свое волненіе. Зловѣщій смѣхъ несчастныхъ паріевъ раздался ему на прощанье, въ то время какъ герой этой шекспировской сцены продолжалъ работать на своей машинѣ.

Я самъ видѣлъ подобныя зрѣлища нищеты и растлѣнія. Они по истинѣ ужасны. Мужчины, женщины безъ любви, старики безъ ухода подъ старость, молодые люди безо всякихъ желаній, дѣти, мечтающія о куклахъ или напрасно ищущія ласки,—всѣ они свалены въ кучу, тихіе, молчаливые. Никогда ни намека на веселье: оно не прерываетъ ледяной скорби въ этой обстановкѣ, и когда у кого-либо невольно вырвется радостный крикъ изъ груди, окружающіе

*) Walter A. Wyckoff. The workers (рабочіе). Нью-Іоркъ, 1901.

начинаютъ протестовать и напоминаютъ несчастному заблудшему о настоящей минутѣ. Слышатся только неопредѣленные вздохи, подавленные вопли, и при этомъ все заглушаетъ мѣрный стукъ швейныхъ машинъ. Въ моихъ ушахъ звучитъ „Пѣсня о рубашкѣ“, которая поется заунывнымъ мотивомъ (срв. стр. 118).

With fingers weary and worn
With eyelids heavy and red
A woman sat in inwomanly rags
Plying her needle and thread.

* * *

Stich! Stich! Stich!
In poverty hunger and dirt;
And still with a voice of dolorous pitch
Would that its tone could reach the rich
Sahe sang the song of the shirt.

Глаза въ слезахъ и вѣки тяжелы,
А пальцы всѣ исколоты, въ крови...
Она въ лохмотьяхъ вся и надъ шитьемъ сидитъ
И ниткой швовъ на полотнѣ строчитъ.

* * *

Шить, шить, до самой смерти шить,
Въ нуждѣ и въ голодѣ и въ жаждѣ.
Съ отчаянья она подчасъ затянетъ пѣсню,
Но я желалъ бы, чтобы до слуха знатныхъ,
Чтобъ „о рубашкѣ“ пѣснь до нихъ дошла!

Въ такихъ-то кварталахъ вербуются анархисты-революціонеры Чикаго.

Одинъ старый полицейскій капитанъ въ Чикаго, Михаилъ I. Шаакъ, замѣшанный въ событіяхъ 1886 года, написалъ книгу, въ которой много нелѣпостей, но и попадаются нерѣдко интересные историческіе документы *), въ которыхъ онъ болѣе или менѣе вѣрно изображаетъ поступки и повадки анархистовъ Чикаго. Принимая во вниманіе, что все, о чемъ намъ разсказываетъ авторъ, было дѣйствительно въ его эпоху, я могу подтвердить, что до нашихъ дней отъ старины дошло немного. Шаакъ говоритъ о черныхъ знаменахъ, о знаменахъ съ революціонными надписями, объ отравленныхъ кинжалахъ, о мастерскихъ, въ которыхъ приготовлялись бомбы, о подпольныхъ конспираціяхъ, о революціонныхъ ассоціаціяхъ женщинъ (red sisterhood), объ анархистахъ-любителяхъ, которые, какъ бы забавляясь, взлетаютъ на воздухъ сами и то же самое продѣлываютъ со своими семьями, только для того, чтобъ дать примѣръ другимъ; въ общемъ онъ разсказываетъ много курьезныхъ подробностей, которыя, по моему мнѣнію, больше похожи на вымыселъ его полицейской фантазіи, чѣмъ на историческую быль. Какъ бы тамъ ни было, но заговорщики-анархисты нашего времени не прибѣгаютъ къ тѣмъ тайнымъ способамъ дѣйствія, что описаны у Шаака. Безъ сомнѣнія, у нихъ есть свои излюбленныя мѣста сборищъ; но было бы крайне страннымъ предполагать, чтобъ анархисты пожелали пригласить на свои совѣщанія кого-либо изъ полиціи. Но на этихъ собраніяхъ говорятъ всегда только о томъ, чѣмъ полны коммунистическія книги. Ведутся эти собранія по большей части нѣмцами, чехами и поляками; можно тамъ также встрѣтить и ирландцевъ, хотя между большинствомъ ирландскихъ анархистовъ и интернаціональными анархистами образовался расколъ, по поводу національныхъ вопросовъ, которые ихъ близко касаются.

*) Michael I. Shaak. Anarchy and anarchist. Chicago. 1889.

Митинги анархистовъ Чикаго отличаются отъ подобныхъ же митинговъ въ Пэтерсонѣ, во-первыхъ, болѣе культурнымъ уровнемъ населенія, а во вторыхъ—ихъ вѣрою, ихъ мистическимъ пыломъ. Славянскій и германскій мистицизмъ добровольно накладывается на мистицизмъ мѣстнаго происхожденія, который, какъ мнѣ кажется, является самороднымъ, естественнымъ продуктомъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ и вліянія котораго избѣгли въ большомъ количествѣ только латинскіе народы.

Когда поутру безработный выходитъ изъ дому, для прiисканія какого-либо занятія, хотя бы и мимолетнаго, онъ останавливается обыкновенно у входа сосѣднихъ заводовъ an odd job. Тамъ онъ встрѣчаетъ сотни себѣ подобныхъ людей въ одинаковомъ положеніи. Зрѣлище общественной нищеты по существу всегда поднимаетъ духъ человѣка; это движеніе души, эта нравственная реакція иногда можетъ быть подавлена; по большей же части она порождаетъ жестокую ненависть.

Человѣкъ, преслѣдуемый несчастіями, жертва роковой фатальности, чувствуетъ потребность проклинать, ненавидѣть хотя бы самого себя. Онъ не въ силахъ растрогаться при видѣ другихъ людей, такъ же какъ и онъ побитыхъ жизнью, напротивъ, это его отталкиваетъ. Въ такомъ состояніи онъ готовъ видѣть во всѣхъ врага, даже въ тѣхъ, которые съ нимъ вмѣстѣ страдаютъ. Даже взглядъ его показываетъ то недовѣріе, которое засѣло у него въ мозгу; бѣглымъ взглядомъ послѣдній изъ вновь прибывшихъ окидываетъ собравшихся раньше и сообразно этому разсчитываетъ свои шансы на полученіе работы. Потомъ онъ садится на землю посреди группы.

„Do you think that we'll feed to-day partner?“

„Думаете-ли вы, что намъ удастся сегодня поѣсть, товарищъ“, говоритъ онъ, обращаясь къ сосѣду.

— „I hope so“, „я надѣюсь“, отвѣчаетъ тотъ, и ихъ взгляды, встрѣчаясь, дополняютъ ихъ мысль: „будешь ли ты ѣсть или нѣтъ, это до меня не касается; я хочу, чтобъ мнѣ самому удалось поѣсть“.

На самомъ дѣлѣ, онъ находитъ довольно часто маленькую работу, которая даетъ ему нѣсколько копеекъ, ровно столько, чтобъ выпить чашку кофе и съѣсть кусокъ хлѣба.

Вечеромъ тягота его одиночества начинаетъ его давить. Его безсиліе вытащить свою семью изъ отчаяннаго положенія его крайне возмущаетъ; онъ снова найдетъ ихъ дома голодными, изнемогающими. Онъ отводитъ глаза отъ тѣхъ, кого любитъ, потому что въ нищетѣ изсякаетъ всякое проявленіе чистаго чувства. Женщина, которую бы онъ хотѣлъ прижать къ своей груди, ему становится противной; дѣти, улыбки которыхъ онъ искалъ, его раздражаютъ. И такъ какъ онъ знаетъ, что другіе товарищи, менѣе несчастные чѣмъ онъ, интересуясь его несчастьемъ, предлагаютъ ему комнату, то онъ и стремится туда; тамъ онъ можетъ выкричать свои жалобы, тамъ онъ можетъ вволю выплакаться. Такимъ образомъ и организуются коммунистическія собранія въ Чикаго.

Однажды вечеромъ, въ августѣ 1902 года, зала—мастерская художника—была полна. Въ глубинѣ залы, за столомъ, на которомъ горѣли 2 свѣчи, старецъ съ длинной бородой, ниспадающими на плечи волосами читалъ монотоннымъ голосомъ, по-нѣмецки, выдержки изъ книги Бакунина, *Богъ и Государство*. Собраніе состояло почти всецѣло изъ поляковъ; но такъ какъ тамъ были также и нѣмцы, венгры и чехи, то рѣшили вести засѣданіе въ этотъ вечеръ на нѣмецкомъ языкѣ, который понимали всѣ.

Въ моментъ, когда я вошелъ въ залу, лекторъ дошелъ до того мѣста въ книгѣ Бакунина, гдѣ авторъ критикуетъ основы вѣры и говоритъ о метафизической роли Божества на землѣ.

„Богъ появляется, человѣкъ смиряется передъ нимъ; и чѣмъ больше Божество возвеличивается, тѣмъ больше человѣчество дѣлается несчастнымъ. Имя Бога — это булава, при посредствѣ которой люди высоко одаренные, великіе геніи побѣдили свободу, достоинство человѣческое, разумъ и благосостояніе людей. Съ именемъ Бога на устахъ, вѣрующіе стараются установить братство на землѣ; напротивъ, они создаютъ гордость, презрѣніе; они сѣютъ раздоръ, ненависть, они кладутъ начало войнѣ и рабству. Такъ какъ вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога являются различныя степени божественнаго вдохновенія, то человѣчество сообразно этому дѣлится также на людей высоко вдохновленныхъ, менѣе вдохновленныхъ и совсѣмъ не вдохновленныхъ“...

„Богъ любитъ насъ всѣхъ“, прервала лектора одна молодая женщина, стоявшая неподалеку отъ меня, съ воодушевленнымъ лицомъ, которое выдѣлялось на темномъ фонѣ залы.

„Богъ любитъ насъ всѣхъ, повторила она, и передъ нимъ мы всѣ равны“.

Никто не возразилъ, а сама женщина сѣла, и лекторъ могъ продолжать.

„Всѣ одинаково ничтожны передъ Богомъ, это правда, но сравните однихъ съ другими, и окажется, что одни выше другихъ; и не только фактически, ибо это вздоръ,—неравенство проявляется даже въ коллективистическомъ обществѣ, гдѣ оно не можетъ уцѣпиться ни за какую фикцію или легальную организацію. Это неравенство получается отъ божественнаго права вдохновенія, которое образуетъ постоянное, опредѣленное, какъ бы уже разъ навсегда застывшее въ своихъ формахъ неравенство. Болѣе вдохновленные имѣютъ право подавлять менѣе вдохновленныхъ. Отсюда вытекаетъ принципъ власти и положено начало человѣческому рабству въ видѣ церкви и государства“.

„Пренія открыты“, прибавилъ старикъ, оставляя свое мѣсто и пересаживаясь къ другимъ.

Встаетъ другой старецъ. Онъ весь въ лохмотьяхъ и его чудное лицо апостола кажется еще болѣе воодушевленнымъ среди рубища, которое покрываетъ его тѣло.

„Я, говоритъ онъ, всегда вѣрилъ въ Бога моихъ предковъ. Но вѣра моя исчезла при столкновеніи съ человѣческой подлостью. Но почему же не останется у насъ основанія вѣрить, я не говорю—въ этого мнимаго Бога истины, но во что-либо другое, что вполнѣ его можетъ замѣнить. Не страдаемъ ли мы всѣ отъ одной и той же бѣдности, не всѣ ли одинаково мучаемся отъ голода? Пусть такъ! Вотъ тѣ силы, которыя должны побудить насъ къ другой вѣрѣ; голодъ, нищета, презрѣніе, слезы, которыя текутъ изъ нашихъ глазъ и изъ глазъ нашихъ ближнихъ,—вотъ могущественный источникъ нашей вѣры. Но какого рода вѣры“?

Здѣсь ораторъ обвелъ глазами собраніе. Тишина была полная. Всѣ взгляды устремились на апостола. Его дрожащія губы обѣщали дать желанное слово, котораго всѣ такъ ждали.

„Какого рода вѣру породитъ эта ужасная сила человѣческаго страданія“?

„Вѣру въ революцію, въ месть, въ непобѣдимую ненависть къ тѣмъ, кто мѣшаетъ намъ жить“.

Глухой шумъ сильныхъ восклицаній встрѣтилъ его слова: „Революція! да, революція! Пора намъ освободиться отъ нашихъ страданій“! Старикъ продолжалъ:

„Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы изгнаны изъ общества. Но мы и сами, какъ революціонеры, стоимъ особенно далеко отъ него. У насъ не должно быть ни связей, ни имущества, мы должны отрѣшиться отъ всякихъ интересовъ и всецѣло принадлежать революціи. Разрушеніе должно быть цѣлью жизни. Между нами и нашими хозяевами, между

правительствомъ и нами не должно быть никакого перемирія. Мы должны безпрерывно бороться со всѣми правительствами, и средства нашей защиты должны быть такъ же смертоносны, какъ и ихъ нападенія: кровь, смерть, пожаръ— все это будетъ нашимъ отвѣтомъ на гнетъ, нищету и голодъ. Заглушимъ въ нашихъ душахъ самыя дорогія намъ чувства: семья, любовь, дружба не должны существовать для насъ. Кто изъ насъ осмѣлится сказать, что зналъ когданибудь радость, посреди грубыхъ испытаній каждаго дня, каждаго часа? Революція должна быть единственною цѣлью, единственною радостью нашей жизни". Ораторъ въ изнеможеніи опустился на свой стулъ. Я находился въ состояніи мистическаго экстаза, я могъ думать, что присутствую на на одномъ изъ квакерскихъ собраній, гдѣ правовѣрные, плача, разсказываютъ интересныя событія своей жизни, въ то время какъ среди окружающихъ раздаются вопли, рыданія и потрясающіе душу крики.

На самомъ дѣлѣ, все собраніе было въ этотъ моментъ глубоко ошеломлено. Горячее слово старика ихъ поразило. Всѣ встали и начали неистово апплодировать оратору; въ полутьмѣ залы сверкала сотня разгорѣвшихся отъ возбужденія глазъ; въ глазахъ этихъ отражалась вся буря на душѣ. Когда водворилась тишина, поднялся какой-то молодой человѣкъ:

„Испытали ли вы когда-либо радость при видѣ страданій ближнихъ?—началъ онъ.—Конечно, нѣтъ. Однако же, есть люди, которые забавляются чужимъ страданіемъ и живутъ имъ. Эти люди — богачи, состояніе которыхъ растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается бѣдность рабочаго люда: это вожди политическихъ партій, которые служатъ богачамъ, и вообще всѣ тѣ, отъ кого зависитъ наше существованіе и которые безпрестанно угрожаютъ нашей свободѣ. Я спрашиваю васъ,—жестикулируя продолжалъ онъ,—

отчего и намъ не испытать ту же самую радость? Для этого намъ стоитъ только посѣять ужасъ среди нашихъ властелиновъ; взять ножъ, вонзить его въ грудь одного изъ этихъ тирановъ, повернуть рукоятку и такимъ образомъ насладиться видомъ физическаго страданія нашей жертвы. Потомъ, въ это же самое время покрыть жертву оскорбленіями и упорно взглянуть ей въ глаза, чтобы, умирая, она унесла воспоминаніе о нашемъ многозначительномъ, жестокомъ взглядѣ... Развѣ это не было бы истиннымъ счастьемъ для насъ, нынѣ являющихся жертвами"?

Онъ остановился блѣдный, испуганный, какъ будто пораженный своимъ ужасающимъ видѣніемъ. Со всѣхъ сторонъ залы раздался крикъ: „Довольно! довольно"!—Дѣйствительно, даже воображеніе человѣческое, сверхъ мѣры возбужденное страстью, и то не можетъ переварить подробностей жестокаго акта, дѣйствующимъ лицомъ котораго является все-таки особь, подобная человѣку или, скажемъ, самъ человѣкъ. Большинство слушателей готово было говорить о революціи, о мести, но не мстить на самомъ дѣлѣ, не участвовать въ настоящей революціи.

Тогда, пользуясь смятеніемъ собранія, молодая женщина, которая раньше уже выступала, попробовала разсѣять послѣдніе слѣды бури.

„Друзья мои,—сказала она,—не будемъ за зло отвѣчать зломъ. Я не прошу васъ любить тѣхъ, которые насъ ненавидятъ, но дадимъ имъ примѣръ той любви, о которой они не хотятъ знать. Полюбимъ другъ друга, мы, несчастные, умирающіе съ голода, и наше существованіе улучшится. Истинно несчастенъ тотъ, у кого пусто въ сердцѣ, кто уже не можетъ больше любить и кто говоритъ послѣднее „прости" надеждѣ. Сердце его подобно древнему храму, опустошенному бурями и временемъ, гдѣ божество уже болѣе не живетъ, а человѣкъ не смѣетъ тамъ поселиться. Товарищи!

полюбимъ другъ друга и будемъ всегда любить нашу несчастную родину"...

Послѣ этихъ словъ молодая женщина устремилась вглубь, къ столу, который былъ пустъ, и, выпрямившись во весь ростъ, съ закрытыми глазами и головой, поднятой къ небу, стала декламировать торжественнымъ голосомъ изъ Мицкевича, національнаго польскаго поэта, первые стихи поэмы „Панъ Тадэушъ":

„Литва, о моя родина! Ты—какъ здоровье. Какъ дорого долженъ цѣнить тебя тотъ, кто потерялъ тебя. Сегодня я вижу твою красоту во всей ея прелести потому, что я томлюсь по тебѣ"... Всѣ встали, всѣхъ обуяло невыразимое волненіе. Я взглянулъ на молодого человѣка, который передъ тѣмъ говорилъ и слова котораго возмутили все собраніе: слезы текли по его лицу.

Въ этотъ вечеръ всѣ разошлись безъ заговора.

* * *

Всѣ собранія коммунистовъ-революціонеровъ Чикаго напоминаютъ до извѣстной степени то, которое я только-что описалъ. На эти собранія всегда въ большомъ количествѣ ходятъ поляки, потому что они принадлежатъ къ націи, которая болѣе всѣхъ страдаетъ отъ голода.

Я думаю, г-ну Шааку трудно бы было въ настоящее время найти вновь тѣ мѣста, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ столько ужасовъ. Онъ, также какъ и я, отмѣтилъ бы, что на этихъ собраніяхъ легче найти людей побѣжденныхъ соціальной конкурренціей, чѣмъ систематическихъ заговорщиковъ противъ существующей власти, готовыхъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ, поступки коммунистовъ-революціонеровъ Чикаго, которые могли бы показаться темнымъ заго-

воромъ, подобно итальянскимъ коммунистамъ изъ Пэтерсона, являются только результатомъ индивидуальной иниціативы, а именно—сильнымъ протестомъ, котораго нѣтъ возможности сдержать. Моральныя причины, толкающія человѣка славянской расы на активную пропаганду, имѣютъ много сходства съ итальянскимъ анархизмомъ, о которомъ я уже упоминалъ. Личное несчастье играетъ при этомъ большую роль, а на-ряду съ нимъ и видъ горестей ближнихъ. Но особенно характеренъ для коммунистовъ Чикаго, повторяю, неисчерпаемый источникъ мистицизма, которымъ заражены ихъ рѣчи и жесты. Если, съ одной стороны, итальянцы Пэтерсона, мысленно убивая короля, думаютъ, что выполняютъ актъ человѣческой справедливости, то поляки изъ Чикаго считаютъ себя, въ такомъ случаѣ, орудіемъ мести самаго Провидѣнія. Возстаніе для нихъ носитъ характеръ чего-то сверхъестественнаго; оно является какъ бы слѣдствіемъ отвлеченной мысли, религіознаго долга. „Я исполнилъ свой долгъ", были слова убійцы Макъ-Кинлея, въ моментъ его ареста.

Славянскій умъ нѣженъ, общителенъ; славянинъ склоненъ къ мечтательности, онъ деликатенъ и ему вполнѣ доступно благородное чувство братства на землѣ; благодаря такому направленію ума, которое присуще ему одному, онъ ярко отличается отъ другихъ европейскихъ расъ.

Протестъ славянскихъ народовъ гораздо глубже, чѣмъ латинскихъ; къ этому характерному признаку присоединяется еще сильная любовь къ родинѣ, особенно у поляковъ, какъ у націи глубоко несчастной.

Изо всѣхъ расъ, извѣстныхъ на земномъ шарѣ, говоритъ Мицкевичъ, славянская раса единственная, сохранившая въ корнѣ своемъ абсолютную чистоту. Она оберегаетъ все то, что считаетъ божественнымъ, святымъ, разумнымъ, подобно здоровому растенію, которое воспринимаетъ вліяніе

солнца, теплоту и дождь. Эта раса неприкосновенно сохранила свою оригинальную физіономію посреди историческихъ передрягъ и даже различныхъ переворотовъ, черезъ которые она прошла, и всегда отказывалась извлекать реальныя выгоды изъ своихъ замысловъ.

Славяне, какъ-то: поляки, чехи, русины стремятся къ идеалу, котораго они не могутъ осуществить на землѣ, и чаютъ его въ будущей жизни. И когда славянинъ вооружается, чтобы убить, онъ не преслѣдуетъ цѣли, а его единственнымъ желаніемъ является—пожертвовать собой во имя идеи вѣчной справедливости. Это мученикъ братской любви, которой онъ тщетно искалъ въ этомъ мірѣ. Нравственная сила его всецѣло заключается въ его надеждѣ, въ его вѣрѣ: такъ говорятъ „Первые дѣды“, гдѣ литовскій поэтъ воспѣваетъ пришельца изъ того міра:

Son coeur ne bat plus, déjà sa poitrine est glacée,
Ses lèvres sont serrées et ses yeux sont fermés.
Encore en ce monde, mais non de ce monde,
Qu'est-il cet homme? Un mort.

* * *

Vois, le souffle de l'ésperance lui redonne la vie,
L'étoile du souvenir lui envoie ses rayons:
Le mort revient au pays de sa jeunesse,
Y chercher le visage aimé.

* * *

Sa poitrine respire de nouveau: mais sa poitrine est glacée.
Il a les lèvres et les yeux tout grand ouverts.
De nouveau en ce monde, mais non de ce monde
Qu'est-il cet homme? Un revenant.

Ужъ сердце не бьется, и грудь ужъ остыла,
Глаза ужъ закрыты, и стиснутъ ужъ ротъ,
Еще Ты на свѣтѣ; но нѣтъ ужъ Тебя.
Мертвецъ ли иль живъ Ты?—Мертвецъ уже я!

* * *

Вотъ признакъ надежды вновь жизнь оживляетъ
И звѣздочка счастья на память пришла,
Мертвецъ будто снова на родинѣ зажилъ
И ищетъ средь образовъ милой лица.

* * *

И снова колышется грудь молодая,
И губы разжаты, и очи глядятъ,
И снова онъ въ мірѣ, но въ этомъ ли мірѣ?
Нѣтъ, выходецъ олъ изъ-за гроба.—Онъ святъ!

Вотъ почему эти сборища коммунистовъ Чикаго состоятъ, большею частью, изъ славянъ и такъ рѣзко отличаются отъ собраній въ Пэтерсонѣ, гдѣ преобладаютъ итальянцы. Въ то время какъ въ Пэтерсонѣ на собраніяхъ кричатъ или болтаютъ, въ Чикаго плачутъ, проклинаютъ и надѣются. Революціонный анархизмъ въ Чикаго не является продуктомъ активной пропаганды, произведенной агитаторами: это скорѣй прямое слѣдствіе душевнаго состоянія жителей slums'а. У коммунистовъ Чикаго, собственно говоря, нѣтъ даже газетъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Библія для христіанъ, талмудъ для евреевъ вполнѣ удовлетворяютъ ихъ неутоленное исканіе правды и братства, какъ я уже сказалъ, а вѣдь это источники, въ одно и то же время, пассивной покорности и сильнаго протеста.

Американцы англійскаго происхожденія слабо затронуты движеніемъ. Люси Е. Пэрсонсъ, какъ говорятъ, единствен-

ная американка, дѣйствительно сильно замѣшанная въ движеніи 1886 года.

Въ Чикаго, между тѣмъ, есть журналы, издающіеся на англійскомъ языкѣ, въ которыхъ проповѣдуются коммунистическія теоріи революціоннаго характера. The Alarm (Тревога) издавался только два года съ 1887 по 1889 годъ. Freedom (Освобожденіе) пересталъ существовать въ 1892 году. Въ настоящее время коммунистическій органъ, который пользуется большимъ авторитетомъ, это Free Society (Свободное Общество), который озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: A periodical of anarchist thought, work and litterature—„Періодическій органъ анархической мысли, дѣла и литературы".

Хотя онъ открыто придерживается коммунистически-революціоннаго направленія, но напрасно станемъ мы искать тамъ подстрекательства къ преступленію или къ разрушительнымъ дѣйствіямъ. Журналъ этотъ пишется очень талантливо, насчитываетъ среди своихъ сотрудниковъ госпожу Вольтэрину Клейръ, изъ Филадельфіи, знаменитую писательницу.

Журналъ Free Society былъ основанъ три года тому назадъ послѣ того, какъ прекратилъ свое существованіе The Firebrand (Пожаръ), коммунистическій органъ запада, который первоначально издавался въ Портлэндѣ (шт. Орегонъ), а впослѣдствіи въ Санъ-Франциско. Названіемъ The Firebrand затѣмъ воспользовалось какое-то новое обозрѣніе или журналъ, основанный въ сентябрѣ 1902 года въ Mount Juliet (Тенесси), и редактируется онъ, главнымъ образомъ, коммунистомъ Россомъ, ирландцемъ по происхожденію. У нѣмцевъ—два распространенныхъ органа: Freie Arbeiter Stimme (Свободный рабочій голосъ) и Chicagoer Arbeiter Zeitung (Рабочая газета Чикаго),—оба журнала, по правдѣ говоря, не представляютъ большой интеллектуальной силы.

Заключеніе.

Интеллектуальный анархизмъ и будущность американскаго общества.

Когда мы устанавливали тѣ три формы, въ какія выливается, въ Соединенныхъ Штатахъ, движеніе сопротивленія личности противъ власти, мы уже отмѣтили главныя причины обиды, которую чувствуетъ американскій народъ къ своимъ политическимъ учрежденіямъ. По его мнѣнію, учрежденія эти подъ маскою демократической идеи, въ ея, пожалуй, наиболѣе чистомъ видѣ, не только не обезпечиваютъ личной свободы, но даже совершенно стѣсняютъ ее. Государство управляется меньшинствомъ, которое только и заботится о томъ, чтобы захватить политическую власть, между тѣмъ какъ экономическую оно давно уже захватило. Нигдѣ, ни въ какую эпоху исторія не видѣла еще лучшаго примѣра политической жизни, цѣликомъ опирающейся на матеріальныя блага.

И вотъ получается своеобразное явленіе: несмотря на всѣ гарантіи, которыя, казалось бы, являются слѣдствіемъ самой природы американскихъ учрежденій, роль личности въ Соединенныхъ Штатахъ все время приносится въ жертву роли, которую оставляетъ за собою государство. Какъ пра-

вильно замѣтилъ Острогорскій*), здѣсь все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ касты, и эта правящая каста творитъ свои функціи при помощи тиранническихъ дѣйствій, касающихся морали, политики и народнаго хозяйства, причемъ, конечно, принципъ равенства естественнымъ образомъ сводится къ нулю. Государство становится все болѣе и болѣе строгимъ къ неимущимъ и, напротивъ, оказываетъ покровительство баловнямъ судьбы. Съ другой стороны, необходимость покровительствовать существующимъ привилегіямъ заставляетъ его все болѣе усложнять свою машину и усиливать свою власть. Въ результатѣ получается новый видъ феодализма, всемогущество котораго безуспѣшно стараются умѣрить идеалы Великой Революціи. Этотъ феодализмъ имѣетъ своихъ бароновъ въ лицѣ заправилъ трестовъ и своихъ ландскнехтовъ-латниковъ въ видѣ правительственныхъ чиновниковъ, а крѣпостные, рабы—это всѣ рабочіе.

И вотъ въ Соединенныхъ Штатахъ возникло сильное движеніе энергичнаго протеста противъ этого вырожденія демократіи, и мы отмѣтили три различныхъ его проявленія.

Мы постарались затѣмъ изучить, какимъ образомъ проявляется та своеобразная форма протеста, которую мы назвали „анархистическимъ движеніемъ“ и которое составило главную часть нашего сочиненія. Пробѣгая предыдущія страницы, читатель легко могъ замѣтить, что изъ двухъ видовъ проявленія анархизма интеллектуальный анархизмъ лучше отвѣчаетъ главнѣйшимъ условіямъ какой бы то ни было соціальной пропаганды, такъ какъ онъ выработалъ себѣ ясный и опредѣленный планъ дѣйствія. Это общее замѣчаніе получаетъ въ частности большой практическій

*) Ostrogorski. La démocratie et l'organisation des partiеs politiques, tome II. Paris. 1903.

смыслъ, такъ какъ оно непосредственно касается той самой арены, на которой разыгрываются проявленія дѣятельности интеллектуальнаго анархизма. Интеллектуальный анархизмъ Тёкера имѣетъ, по существу своему, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ, какъ въ оборонительной, такъ и въ наступательной позиціи, что онъ распространенъ именно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ среда чрезвычайно благопріятствуетъ его успѣху. Нельзя отрицать того, что сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ ведетъ къ замѣтной несправедливости, а между тѣмъ любовь къ равенству нигдѣ не проявляется столь рѣшительно и сильно, какъ именно въ Соединенныхъ Штатахъ. Поэтому не слѣдуетъ слишкомъ бояться послѣдствій современнаго рабства, такъ какъ тѣ, кого оно касается, страстно желаютъ отъ него освободиться. Эта глубокая, инстинктивная страсть къ равенству сумѣла уже разрушить, въ Америкѣ, цѣлую массу политическихъ предразсудковъ, которые еще благополучно существуютъ въ болѣе старыхъ странахъ и которые, если можно такъ выразиться, образуютъ основу, какъ бы субстратъ соціальной жизни.

Она уже возвела въ догматъ равенство половъ, она сдѣлала изъ религіозныхъ убѣжденій дѣло личной совѣсти: вотъ уже двѣ побѣды, которыя заставляютъ надѣяться, что за ними послѣдуетъ много другихъ, Правда, расовый вопросъ до сихъ поръ еще отравляетъ общественную жизнь Соединенныхъ Штатовъ, но онъ теперь зато такъ бьетъ всѣмъ въ глаза, что его несомнѣнно очень скоро разрѣшатъ. Съ другой стороны, и сами негры, въ своемъ новомъ положеніи, облегчатъ рѣшеніе дальнѣйшихъ вопросовъ. Въ настоящее время негры Сѣверной Америки обнаруживаютъ настоящую ненасытность въ смыслѣ стремленія къ образованію и воспитанію. Профессіональная школа въ Тескеги, въ Алабамѣ, Институтъ Букера въ Вашингтонѣ, Университетъ

Атланты въ Георгіи и другіе университеты, повидимому, будутъ тѣми очагами, гдѣ выработаются превосходные чернокожіе граждане.

Можетъ быть въ Европѣ къ этому и отнесутся съ сомнѣніемъ. Но въ настоящее время американская наука и искусство насчитываютъ уже рядъ замѣчательныхъ представителей, принадлежащихъ къ негрской расѣ. Все заставляетъ думать, что американская раса найдетъ въ себѣ силы преодолѣть тѣ соціальныя и экономическія опасности, которыя ей угрожаютъ. Благодаря ея мощной жизненности, ей скорѣе, чѣмъ всякой другой расѣ, суждено будетъ удивить міръ самыми неожиданными начинаніями.

Надежды на это дѣлаются особенно основательными и получаютъ подъ собою почву благодаря той изумительной личной энергіи, которая прямо-таки брызжетъ по всей этой странѣ. До сихъ поръ она проявлялась бурно, нескладно и шла въ противообщественную сторону. Быстрое увеличеніе благосостоянія, непрерывный рядъ изобрѣтеній и полезныхъ приспособленій, естественныя богатства, съ каждымъ днемъ открывавшіяся въ почвѣ,—все это открыло передъ каждымъ обитателемъ щедрой американской почвы безконечные горизонты для дѣятельности. Душа американскаго гражданина исполнилась гордости, и послѣдняя нерѣдко вела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Получилась, по мнѣнію Тёкера, безнравственная форма индивидуализма. Богачи привыкли къ зрѣлищу нищеты; они рѣшили даже, что бѣдность имѣетъ свое воспитательное значеніе. Печальная ошибка!

Къ счастію, изъ тумана, застилавшаго человѣческую совѣсть, высвободилась новая сила: сознаніе отвѣтственности. Человѣкъ чувствуетъ, что ему надо быть лучше, что онъ долженъ перестать быть вершителемъ судебъ и врагомъ своего ближняго. Это ему нужно даже для него самого.

И настанетъ день, когда люди поймутъ, что господствовать надъ подобнымъ себѣ это позоръ, а не честь.

* * *

Въ Соединенныхъ Штатахъ прежде всего создалась масса людей сознательныхъ, сильныхъ и исполненныхъ любви къ ближнему. Это результатъ работы интеллектуальныхъ анархистовъ вродѣ Тёкера и его учениковъ. Я не стану касаться частностей ихъ ученія. Я хотѣлъ бы только отмѣтить въ этомъ ученіи могучій факторъ прогресса, такъ какъ вѣдь соціальная реформа не сможетъ совершиться иначе, какъ путемъ обновленія личности, индивидуума. Демократія такимъ образомъ сама собою повернется въ другую сторону и, переставъ быть символомъ искусственно созданной общественной единицы, станетъ органомъ, стремящимся къ постоянному совершенствованію своихъ исходныхъ единицъ, и въ концѣ концовъ кончитъ ихъ полнымъ сліяніемъ. Самъ я не желалъ бы пускаться здѣсь въ критику полезности или безполезности принципа власти; тѣмъ не менѣе я полагаю, что очень полезно услышать твердое убѣжденіе въ томъ, что это принципъ преступный потому, что онъ уничтожаетъ личность и вмѣстѣ съ тѣмъ весь міръ, который можетъ быть спасенъ только личностью. Поскольку личность останется рабомъ, она будетъ переносить свое рабское состояіе и не будетъ стремиться къ свободѣ, а общество рабовъ не можетъ быть свободно.

„Государство—это проклятіе для личности“, сказалъ гдѣто Ибсенъ. Государство отравляетъ ложью и притворствомъ всѣ источники нашей интеллектуальной и практической жизни. Чиновники, депутаты, журналисты, пастыри, честолюбцы безъ знатности, спекулянты безъ совѣсти—всѣ они способствуютъ усложненію жизни, личности и суживаютъ ея горизонты. И вотъ, значитъ, „революціонерамъ“ придется

завоевать свободу и исцѣлить раненую на смерть человѣческую душу отъ вѣкового послушанія. Не будемъ слишкомъ ужъ сильно пугаться ихъ идей и ихъ дѣйствій.

Да и вообще можно ли считать преступленіемъ ихъ ненависть ко лжи, любовь къ истинѣ, стремленіе всей души ихъ къ справедливости, красотѣ и братству между людьми.

Въ этомъ созданіи общественнаго обновленія путемъ постепенной *интеграціи* личности роль американской женщины, быть можетъ, окажется рѣшающей. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщина обыкновенно презираетъ то, что называется политической жизнью въ собственномъ смыслѣ этого слова, и посвящаетъ всѣ свои силы крупнымъ начинаніямъ въ смыслѣ нравственнаго пересозданія общества. Начиная со временъ борьбы противъ рабства, многія женщины вступили въ благородное соревнованіе за участіе въ дѣлѣ его уничтоженія. Имъ нерѣдко приходилось подвергаться насмѣшкамъ толпы, нападкамъ прессы и общественному остракизму. Учрежденія, имѣющія цѣлью облегчать физическія и нравственныя страданія несчастныхъ, всѣ почти носятъ въ Соед. Штатахъ имена женщинъ. Назовемъ для примѣра имена Бичеръ-Стоу (автора „Хижины дяди Тома"), Лукреціи Крокеръ, Маргариты Гогери, которыя займутъ почетное мѣсто въ исторіи прогресса человѣчества.

Какъ хороши онѣ, эти энергичныя женщины, которыя борются рядомъ съ мужчиною,—а какъ онѣ часто указываютъ ему дорогу къ высшей интеллектуальности и любви! Онѣ распространяютъ вокругъ себя ореолъ мягкаго, неослѣпляющаго блеска, который освѣщаетъ новые горизонты, и будятъ мысль, волю, энергію, наконецъ—саму жизнь.

* * *

Я имѣлъ случай познакомиться съ семьею богатаго табаковода въ Виргиніи. Его ферма, которую мнѣ удалось

посѣтить, лежала на пути въ Ричмондъ, въ тѣнистой, заросшей лѣсами и холмистой мѣстности. Кругомъ разстилался богатый красками и залитый горячимъ солнцемъ пейзажъ южныхъ Штатовъ. Вдали, на горизонтѣ слабо синѣли очертанія горъ Ридмъ, которыя нависали надъ Wilderness—дикой страной, гдѣ въ междоусобную войну происходили кровавыя сраженія Спотсильваніи, Court-hous'ѣ и Ченслотсвиллѣ.

Хозяинъ повелъ меня къ семьѣ, гдѣ меня встрѣтили просто и съ достоинствомъ, что составляетъ настоящій секретъ американскаго воспитанія.

Г-жа В.... относится къ тѣмъ женщинамъ, самый видъ которыхъ внушаетъ уваженіе и почтеніе. Она отличалась той тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровой красотою, которая составляетъ, въ настоящее время, привилегіи молодыхъ націй. Свѣтлая, съ ясными глазами и широкимъ лбомъ, съ быстрымъ и въ то же время пронизывающимъ и необыкновенно мягкимъ взглядомъ; матовый цвѣтъ кожи, слегка просвѣчивающей розоватыми отливами, высокаго роста, великолѣпно сложенная.... Однимъ словомъ, наружность жены моего хозяина такъ и свидѣтельствовала о ея нравственной красотѣ.

Она усадила меня около себя въ качалку на террасѣ, выходившей въ тѣнистый, благоухающій садъ.

Послѣ длиннаго разговора, вертѣвшагося около соціальной роли женщины, она сказала мнѣ:

„Вы спрашиваете меня, какого я мнѣнія о правахъ и обязанностяхъ нашего пола въ современной соціальной жизни. Въ самомъ дѣлѣ! Я признаюсь вамъ, что не особенно-то много думаю объ этомъ предметѣ, но „чувствую“ я достаточно. Мы, американскія женщины, не можемъ жить безъ опредѣленной цѣли. Отъ европейскихъ женщинъ насъ отличаетъ главнымъ образомъ наша сильная воля. Благодаря ей американки не любятъ терять много времени на споры,

онѣ предпочитаютъ дѣйствовать. Дѣйствіе—это самый властный запросъ ихъ души“.

Затѣмъ собесѣдница моя объяснила мнѣ свои взгляды на бракъ, на любовь. Она презираетъ условности нашего времени. По ея мнѣнію, бракъ долженъ былъ бы быть выше всѣхъ предразсудковъ и всякихъ законовъ, такъ какъ законъ насилуетъ свободу чувства.

„Видите ли, сказала она мнѣ, въ Америкѣ контрактнаго (гражданскаго) брака почти не существуетъ. Вѣнчаетъ служитель того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежишь, одной изъ тѣхъ тысячъ сектъ, которыя насчитываетъ Америка. Въ такомъ видѣ бракъ имѣетъ лишь значеніе признанія взаимной любви. Вѣдь вы, надѣюсь, признаете, прибавила г-жа В.... горячо, что соединеніе половъ безъ любви представляетъ нѣчто болѣе чѣмъ позорное“.

Разговоръ нашъ на эту тему продолжался долго и оживленно. Вспомнили о Норѣ, Эддѣ Габлеръ, Ребеккѣ Вестъ, Офеліи, Эльзѣ, Маргаритѣ, Беатриче, Лаурѣ и другихъ воплощеніяхъ женской любви, столь различныхъ и противорѣчивыхъ.

„Это высокое слово, слово боговъ и людей *„я люблю тебя“* должно быть произнесено открыто, благородно, гордо и не требуетъ для себя никакихъ спеціальныхъ позволеній“.

Какъ видно, моя собесѣдница знала Ибсена наизусть.

Но кромѣ литературной начитанности, я восхищался въ г-жѣ В.... и ея искренностью и широтою ея личныхъ убѣжденій. Это свободная женщина, не теряющая себя въ своей любви, но отдающаяся любви со всею силою своего сознанія и своей воли. Женщины, одаренныя такой моральной энергіей, смягченной еще нѣжностью натуры, самымъ могущественнымъ образомъ будутъ способствовать созданію

новой семьи, источнику соціальнаго равновѣсія и гражданскихъ доблестей.

Я оставлялъ ферму своего друга съ сердцемъ, очарованнымъ прелестью этой идеальной женщины. Вечернее солнце заливало окрестности огнемъ и пурпуромъ; въ отдаленіи слышались пѣсни негровъ, возвращавшихся съ работы.

„О благородные труженики, сказала г-жа В... провожая меня. Увѣряю васъ, что я отдала бы за ихъ нравственное возвышеніе всю силу моей души“. А голоса на это отвѣчали:

O—o my lovely Zemma
I—i do love you so
I—i love you bettes tha-a-an
I ever did befo!
O—oh! O—oh!

О, дорогая Демма,
Какъ я люблю тебя!
Люблю теперь я больше,
Чѣмъ раньше!
Тра-ля-ля и т. п.

* * *

Однако, пора кончать и свести все сказанное вмѣстѣ. Другъ мой Луи Марль въ письмѣ на мое имя увѣряетъ, что слѣдовало бы переиздать мое „*Разсужденіе о добровольномъ рабствѣ*“ (Discours sur la servitude volontaire). Онъ, кажется, совершенно правъ. Для того, чтобы могъ начаться истинный прогрессъ, человѣкъ дѣйствительно долженъ изгнать изъ своей души всякіе остатки рабства. Пробилъ уже часъ возрожденія!

„Народилась новая порода людей—народилась она недавно; у нихъ нѣтъ ни отечества, ни древнихъ традицій, они объявили войну всѣмъ гражданскимъ и религіознымъ учрежденіямъ, ихъ преслѣдуютъ законы, ихъ обыкновенно называютъ негодяями, но они кичатся общественнымъ презрѣніемъ“. Эта фраза не взята, какъ можно было думать, изъ рѣчи прокурора, произнесенной по поводу недавняго, свѣжаго у всѣхъ на памяти преступленія; она была сказана почти 18 вѣковъ тому назадъ Цельзомъ, „консерваторомъ второго вѣка“, какъ принято его называть. А относились эти слова къ христіанамъ.

Они были анархистами своего времени, какъ писалъ смѣлый публицистъ Рафаэль Петруччи, такъ какъ они до извѣстной степени разрушали, въ свое время, государство. Римское государство пріурочивалось къ религіи, имѣвшей огромную государственную важность, обряды которой нельзя было отрицать, не отказываясь отъ долга гражданина. А между тѣмъ христіане отказывались исполнять эти обряды, они противопоставили преслѣдованіямъ активную пропаганду и пассивное сопротивленіе. Царство ихъ относилось къ другому міру, и они шли на смерть съ улыбкою, такъ какъ она воплощала въ себѣ ихъ вѣчный сонъ.

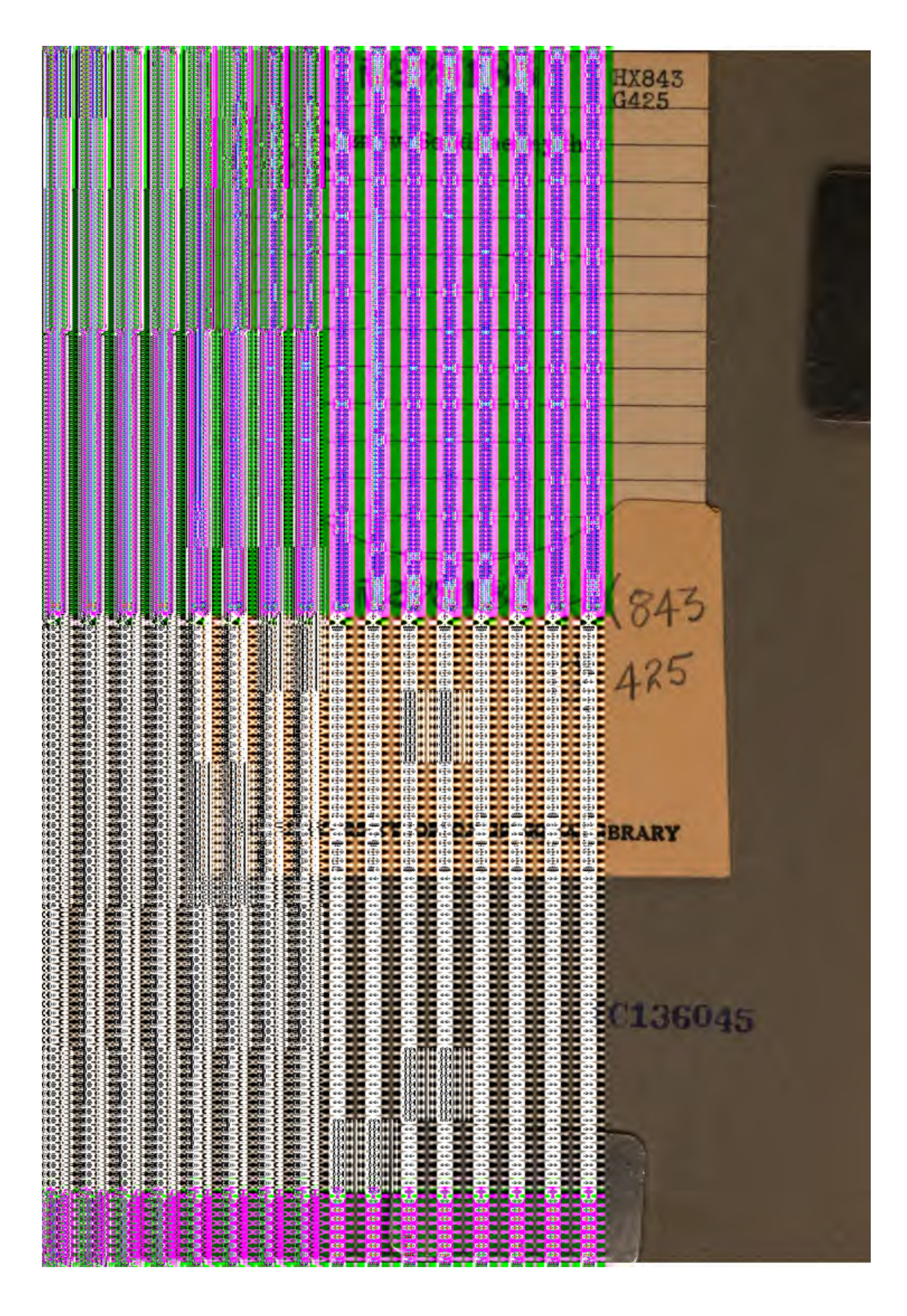
Понемногу наступило равновѣсіе. Новая религія замѣнила древнюю, христіане стали властелинами того государства, которое ихъ преслѣдовало. Съ этого времени они запретили ту организацію, которую побѣдили. Прошли вѣка, возникла абсолютная монархія, и у нея оказались враги, парламентаристы и апостолы общественнаго договора, дѣятели Революціи XVIII вѣка. Такимъ образомъ, религіозный идеалъ отдѣлился отъ общественнаго, и послѣдній пошелъ по пути, гдѣ имѣются только человѣческіе законы. Но и парламентарному государству суждено было имѣть отрицателей,—это анархисты.

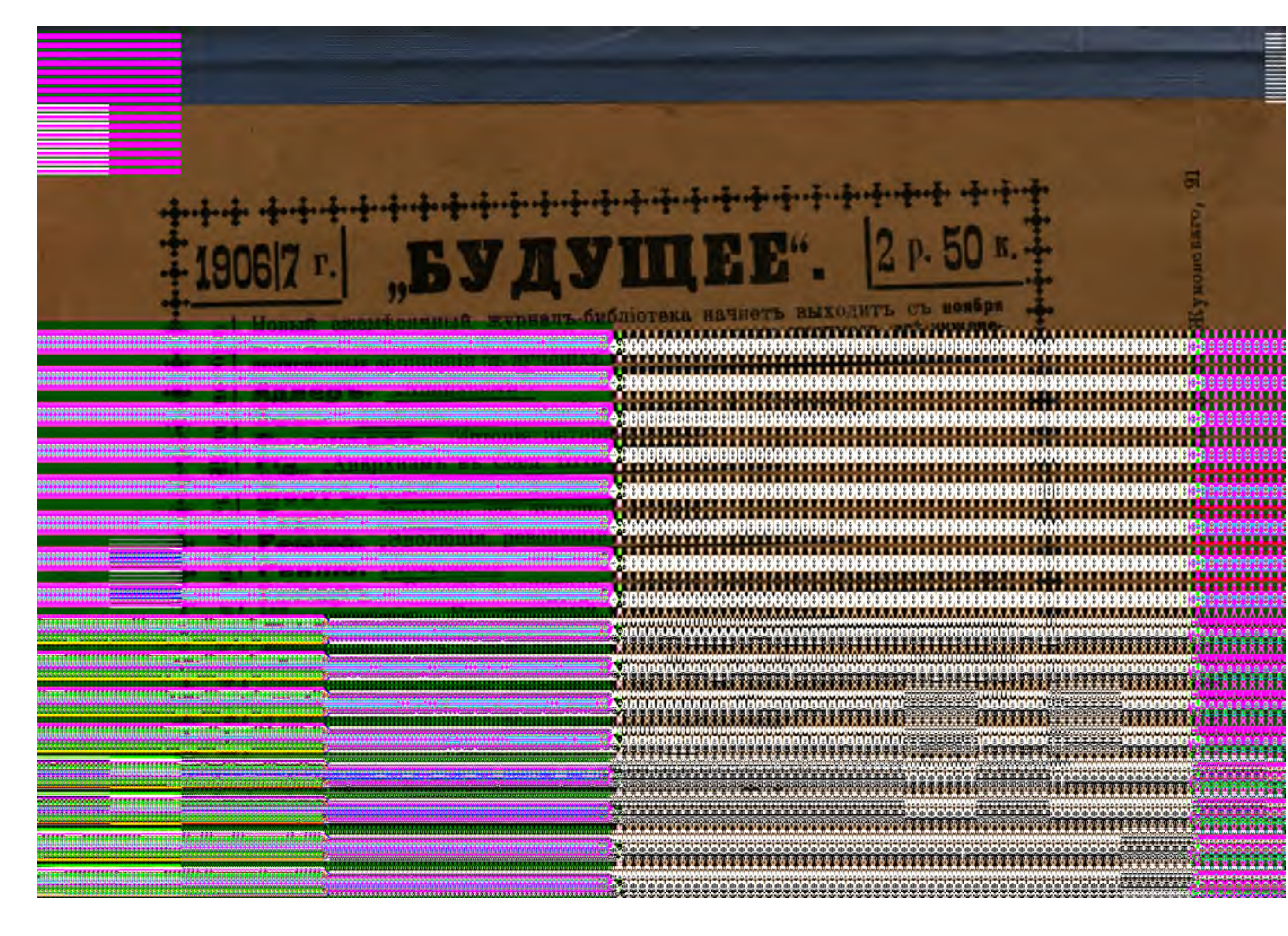
Къ сожалѣнію, исторія Соединенныхъ Штатовъ учитъ насъ тому, что демократія не сумѣла разрѣшить загадки о свободѣ. Между тѣмъ этотъ вопросъ со дня на день становится все болѣе и болѣе жгучимъ и можетъ разрѣшиться только путемъ возрожденія индивидуальнаго сознанія. На этомъ пути свѣта и прогресса Америка, несомнѣнно, пойдетъ впереди Европы. И тогда она, по словамъ поэта Шэлли, дастъ намъ

...A nation
Made free by love, a mighty brotherhood
Linked in a jealous inter change of good.

...Народъ,
Свободной созданный любовью,
Направленный стремленьемъ сильнымъ къ братству
И связанный всеобщимъ передѣломъ!

Оглавленіе.

1906/7 г.
„БУДУЩЕЕ".
2 р. 50 к.
Новый ежемѣсячный журналъ-библіотека начнетъ выходить съ ноября
Жуковскаго, 91